

Некоммерческий научный Фонд
«Институт развития им. Г.П.Щедровицкого»

ПЕТР ЩЕДРОВИЦКИЙ

Я вырос в архиве ММК

Сборник интервью

МОСКВА
2006

ББК 87.22
УДК 113.119 (047.53)
Щ 36

Щедровицкий П.Г.

Щ 36 Я вырос в архиве ММК./П.Г.Щедровицкий; Сост. М.С. Хромченко – М., [Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»], 2006. –174с.

ISBN 5-903065-03-1

В сборнике опубликованы пять интервью (первое 1991 года, пятое – 2005 года) с известным философом, методологом, культурологом П.Г. Щедровицким, который предьявляет свое видение уже полувековой истории Московского методологического кружка, раскрывает смысл и содержание методологии в версии ММК, а также рассказывает о своей в этой рамке жизни и деятельности. Расспрашивали П.Г. Щедровицкого коллеги, подготовленные ими тексты (четыре первых) были опубликованы в альманахе «Кентавр» и журнале «Вопросы методологии» (пятое интервью публикуется впервые), их первыми читателями были члены методологического сообщества и участники методологического и игрового движения. Однако мы полагаем, что история уникального отечественного интеллектуального (социокультурного) объединения, каким был ММК, которая длится активностью участников методологического движения, о чем рассказывает один из его лидеров, может быть интересна и для «внешнего» читателя.

Редактор-составитель – М.С. Хромченко

© Щедровицкий П.Г., 2006
© Оформление. Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006
© М.С. Хромченко, составление, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

КТО МЫ? ОТКУДА? КУДА ИДЕМ?	5
Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОТЕРЯННЫМ ПОКОЛЕНИЕМ.....	25
О КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ	49
СОСТОИТСЯ ЛИ ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ?.....	85
ПРЕТЕНЗИЯ МОЕГО МЫШЛЕНИЯ ВСЁ ТА ЖЕ.....	145

*

*

*

*

*

Кто мы? Откуда? Куда идем?*

Вынесенная в заголовок известная фраза словно специально была придумана для того, чтобы отмаркировать один из «фирменных», ключевых процессов Методологического движения – процесс самоопределения каждого из участников. Именно эта тема стала стержнем беседы редактора журнала «Вопросы методологии» М. Хромченко с методологом П. Щедровицким.

– Петр Георгиевич, продумывая свои вопросы, я понял, что не сумею задать второго–пятого–десятого до тех пор, пока не получу ответа на первый, а именно: на какого читателя вы будете ориентироваться, обсуждая нынешний статус СМД методологии?

– Мне кажется, что сегодня параллельно разворачиваются три группы обсуждений, направленных на выделение содержательного ядра и специфики СМД методологии. Они имеют разный статус, разный вес, в каком-то смысле проходят в разных слоях методологического сообщества. Но, полагаю, что эти три группы дискуссий задают некоторую ситуацию в нем, а вместе с тем указывают на возможного читателя.

Первая линия обсуждений связана с анализом отношений между методологией и игротехникой. С одной стороны, та часть игрового Движения, которая связана с проведением ОД игр, инспирирована людьми, о которых

* Первая публикация – журнал «Вопросы методологии», № 1, 1991 г.

говорят, что они – методологи или работают в рамках СМД методологии. С другой стороны, игровая практика разворачивается в ином горизонте социокультурных процессов, имеет гораздо более широкое распространение, чем работа методологического Кружка или результаты исследований, сделанных в русле СМД методологии.

Результаты игровой деятельности гораздо быстрее социализируются и, если говорить резче, люди знают про ОДИ, но не знают про СМД методологию. С третьей стороны, давно появилось, – а сейчас это уже некий факт нашей жизни, – много ответвлений игротехнической работы и игровых практик, опирающихся на монтажный набор организованных форм, заимствованных из ОДИ, но абсолютно отошедших от самой методологии с ее теоретическими основаниями. Вы, конечно, помните, что еще на И-30, в январе 1984 г., обсуждался вопрос о возможности отделения игротехники от методологии и последствиях такого отделения, если оно состоится.

Я считаю, что отмеченные мною процессы являются содержательно значимыми для методологии. Сообществу и тем, кто считает себя методологами, приходится самоопределяться в этом контексте, выработать принципиальное отношение к игровой практике, работать в направлении парадигматизации, выделения фундаментальных основ методологии. И делать это в оппозиции, на альтернативе социальному действию, параллельно отвечая на вопрос о возможности и характере других практик, которые могли бы «втянуть в себя» иные элементы СМД методологии, недостаточно задействованные в играх, но способные послужить основой для разворачивания новых направлений прикладной методологической работы.

Таким образом, в условиях расширяющегося игрового, игротехнического Движения не только оформля-

ется системодейательностная (СД) и системомыследеяательностная (СМД) игротехника, но и самоопределяется СМД методология, причем в тех ее областях, которые могут стать фундаментом практик нового типа.

Здесь нужно сказать о втором направлении дискуссий внутри сообщества. Оно связано с отделением методологических теорий, или теоретических элементов СМД методологии от того, что, с легкой руки С.В. Попова, получило название методологической ориентации, а раньше, в 70-е гг., называлось методологическим подходом или собственно методом.

Смысл этой дискуссии связан во многом с противопоставлением и оппозицией двух фрагментов цикла жизни знаний. Двигаясь в методологической действительности, можно показать рассудочный характер и ограниченность выделенной оппозиции, впрочем, точно так же, как и оппозиции методологии и игротехники. Вообще эти оппозиции рассудочные и плоские, принадлежащие миру дискуссий, а не миру чистого разума. Но поскольку они существуют, это должно обсуждаться.

Итак, в плане чистого разума ситуация порождена противопоставлением двух фрагментов цикла жизни знания. Несомненно, что СМД методология всегда строилась за счет тонкого использования моментов перевода оргдеяательностных или оргмыслительных схем в плоскость онтологии или теоретического изображения объекта. Фактически эта оппозиция разрывает цикл жизни знания, как бы противопоставляет друг другу две стороны метода – оргдеяательностную и объектно-онтологическую. То, что на предыдущих шагах было оргдеяательностным синтезом, поиском и открытием новых форм организации мышления и деятельности, на следующих шагах онтологизировалось в границах

принятой предельной онтологии, объективировалось и, за счет использования специальных схем, трактовалось как изображение идеального объекта. Эти схемы стали основой для построения теорий – деятельности, коммуникации, мышления, знака, знания и т.п.

Методология, как некий организм или сфера, насыщена теоретическими конструкциями и соответствующими интерпретациями, носящими объектно-онтологический и теоретический характер. Но в них, несомненно, умирает деятельностный план, деятельностный подход. Он сворачивается в форме изображения объекта и транслируется как это изображение, несущее на себе пороки натуралистического подхода.

– Речь идет о противопоставлении средств эпистемическим образованиям?

– Это рассудочное противопоставление. Этот шкаф – единое или многое? Ведь принцип диалектики, заимствованный СМД методологией из немецкой классической философии и развитый ею, запрещает такого рода ходы. Диалектика, как проблематизация – очень сложная техника, из нее легко впасть в дурную диалектику, свойственную людям, недоучившимся марксизму.

Я повторяю, что многие дискуссии порождены отсутствием техник проблематизации. Различные элементы единого смыслового и содержательного поля не охватываются диалектическим рассуждением, а в организационных или политических целях фиксируются и противопоставляются друг другу в форме апорий или формальных оппозиций. В сущности нет никакой оппозиции между методом, как набором методологических теорий, и методом как методологической ориентацией. Нет оппозиции между оргдеятельностным и онтологическим, ибо и то и другое существует как модусы

в циклах жизни мыследеятельности – живого мышления, мысли, а не знания.

В той мере, в какой рассудок стремится остановить движение смысла и содержания, выразить их в речи, а организационный подход – использовать, в том числе для политики и обучения, эти моменты противопоставляются друг другу. Существенно, что в опредмеченных формах методологических теорий метод как рефлексия и выход за границы предшествующей деятельности умирает. В методологической ориентации, напротив, не существует закреплённой предметности, и в этом смысле не существует содержания, как предметного содержания. Поскольку другие формы фиксации содержания требуют совершенно иных типов и форм языковых выражений, то, можно сказать, что не существует вообще, т.е. не существует для отработанных в истории мыследеятельности ситуаций. Отсюда упреки в бессодержательности методологической ориентации, столь часто возникавшие в истории ММК. И, наоборот, со стороны методологов – упреки людям, работающим в предметных областях методологии, в том, что они не удерживают сути и смысла методологии как рефлексии распредемечивания и надпредметного мышления.

Таким образом, вторая линия дискуссий, в рамках которой, с одной стороны, анализируется и осмысливается корпус методологических теорий, а, с другой, задается вопрос, что же такое метод. Что такое методологическая ориентация, как некая неуловимая характеристика мышления и деятельности, позволяющая выходить за рамки деятельности и предметности, двигаться, фактически, в безвоздушном пространстве, опираясь лишь на так называемые оргдеятельностные схемы?

– Вы подразумеваете понимание метода и методологии, скажем, в европейской традиции – от Аристотеля

к Ф. Бэкону и Р. Декарту – или будете говорить о СМД подходе и СМД методологии?

– Это уже третье направление дискуссий, связанное с рядом сложных тенденций – политических, социальных, культурных, выходящих далеко за пределы ситуации и обстановки в самом Кружке и Методологическом сообществе. Этот круг вопросов связан с переходом от СМД методологии к СМД философии.

С одной стороны, методологическая ориентация может «сворачиваться» в форме теории. Но гораздо более приемлемым, исторически отработанным является превращение ориентации в философию. Когда вы спрашиваете меня, говорю ли я о СМД философии и СМД методологии или о методологии Аристотеля и Декарта, я вынужден останавливаться и возвращаться к вопросу о циклах жизни мышления. Конечно, любой приличный мыслитель должен размышлять о методе своей работы. Рефлектируя историю философии, можно выделить в трудах любого мыслителя и на любом этапе развития философии методологическую составляющую. Однако, такая составляющая не имеет собственных форм трансляции и, фактически, вынуждена маскироваться, принимать вид теории или философского учения в условиях обучения неопитов или разработки практических проблем.

Появление СМД философии было вызвано различными факторами. Один из них – широкое распространение игровой практики. Популярность игры, необходимость формирования локальных идеологизированных пространств – на играх, коммуникация, разворачивающаяся в структурах авторитетов, без чего невозможна такого рода практика – все это заставляет выделять и оформлять методологический подход как философию.

Это не означает, что философия тождественна идеологии. Такого рода отождествление было характерно для самоопределения интеллигенции в России в конце прошлого века. Русская философия зарождалась на фоне специфического менталитета религиозных в своей основе общностей. Мышление оформляло себя в ситуации тотальности религиозного сознания. На первых шагах философствование как таковое не было отличимо от прикладной идеологии.

Сегодня ситуация повторяется. Игротехнический подход, решая задачи управления локальными общностями, переходит на позиции этически окрашенного рационализма. Игротехник берет некую систему теоретических схем из методологии и превращает ее в систему личного и общественного поведения.

Можно смело утверждать, что в 60-70-е гг. представители ММК, независимо от того, какую группу проблем они обсуждали – содержательно-генетическую логику, теорию мышления, теорию деятельности или проблемы проектирования систем деятельности – несли на себе определенное мировоззрение. Оно включало в себя не только и даже не столько элементы логики, философии и гуманитарных теорий, сколько совокупность социокультурных и политических координат, которые задавали и личную позицию каждого из членов ММК, и лицо ММК в целом. И хотя сама форма самоопределения родоначальников Московского логического (затем методологического) кружка была вынужденной, опыт показал, что такая позиция оказалась выйгрышной.

Самоопределение в логике и методологии – областях, казалось бы, неимоверно отдаленных от нашей социально-политической и социальной реальности, позволяло ориентироваться в различных сферах деятельности и, развивая логику и методологию, иметь целостную личную

позицию. Такой способ самоопределения оказался весьма жизнеспособным.

Сошлюсь на один пример. В годы «оттепели» – в период реформ 60-х гг. – в ММК произошел серьезный раскол: ряд его членов вышли из Круга и обратили свое внимание на развитие, прежде всего, социологии и социальных дисциплин. Примерно три года спустя работы по этим направлениям были закрыты. При этом люди успели утратить исходную логико-методологическую ориентацию, а социальной позиции не приобрели. Погрузившись в проблематику конкретных дисциплин, в частности, социологии, и откликаясь, как им казалось, на злобу дня, они утратили мобильность и возможность разворачивать в абстрактной форме ключевые, фундаментальные проблемы устройства мира и мышления. Утрачивая целостность видения проблем, они неизбежно становились частными, частичными по отношению к области знания и, вследствие этого, теряли личную позицию, программу и цели.

Почему же именно СМД методология сохраняла себя как целостное мировоззрение? Я утверждаю: потому что самоопределение в рамках СМД подхода позволяло «зашнуровывать» социально-политическое, социокультурное и личностное самоопределение. Такое самоопределение позволяло работать в сфере формальных и абстрактных дисциплин, не имеющих, казалось бы, отношения ни к сиюминутным коллизиям, ни к историческим пертурбациям, ни к политическим особенностям самоопределения различных групп ученых и интеллигенции.

После конкурса по выбору руководителей на РАФе (январь 1987 г.) нам с С.В. Поповым пришлось беседовать с огромным числом журналистов, пытавшихся понять, что произошло на конкурсе. Когда мы отвечали, что в

основание всех обсуждений были заложены проблемы логики и методологии, то неизменно слышали в ответ: этого не может быть, потому что логика не имеет отношения к практике.

Я сейчас говорю об иной логике – скорее практической философии, которая собирает все, начиная с абстрактных (логических, формальных) построений и заканчивая допустимыми и недопустимыми социальными действиями. Это – специфическое достижение СМД методологии и СМД подхода как сплава логического и ситуационного аспектов, обусловленного траекторией движения ММК в социокультурной ситуации страны, начиная с 50-х гг. XX века.

Я не берусь утверждать, что методология построила целостное мировоззрение. Я говорю иначе: она выступала как целостное мировоззрение. В этом – ее социальное лицо, ее социокультурная функция, которую она реально выполняла. Во многом, это было эффектом действия внешних систем, а не результатом осознанных и целенаправленных действий Кружка. Он строил новую логику, и в какой-то момент оказалось, что его участники стали носителями целостного и, при этом, революционного мировоззрения.

Такой «побочный продукт» получился в силу многих причин – упадка философии, выхолащивания сущности марксизма, деградации гуманитарных наук, отсутствия реальных клубных структур, в которых собственно и происходит самоопределение личности. В условиях специализации деятельности, разделения интеллектуального и физического труда, роста больших систем и интенсификации процессов мобильности и смены систем деятельности методологическая позиция оказалась единственной, способной обеспечить личностное само-

определение и, следовательно, позволяющей человеку становиться соразмерным миру.

Так с какой целью приходят в ММК неопиты, вливаясь в методологическое движение? Расскажу любопытный эпизод. В одном из городов, где я читал курс лекций, ко мне, сразу на третье занятие, пришел слушатель, сел напротив, активно включился в обсуждение, а после того, как я закончил, подошел и стал задавать вопросы. В свою очередь я поинтересовался, откуда он узнал об этих лекциях. Оказалось: отправился в баню, а там его сосед слушал мою лекцию на магнитофоне... Теперь я спрашиваю: этот человек пришел за логикой и методологией? Конечно же, нет!

Люди шли в ММК и начинали заниматься СМД методологией, потому что их притягивало целостное мировоззрение. Они приносили с собой свою ситуацию, свои ожидания, и в силу этого сами становились элементами ситуации взаимодействия методологии и жизни. Сегодня этот опыт – опыт самоопределения, жизнестроительства, организации своеобразного философского или интеллектуального клуба, опыт социального действия в условиях кланово организованного, корпоративного общества, наконец, опыт саморазвития – должен получить какие-то другие формы фиксации. Речь фактически идет об основах мировоззрения, основах жизненной позиции. При этом некоторые онтологемы, или даже теоремы, должны включаться в совершенно новый контекст – контекст мировоззрения.

Теоретическое разделение социального и культурного, или мышления и деятельности, в контексте мировоззрения приобретает совершенно иной статус – некой философии жизни, философии самоопределения. Наверное, ее неправильно называть СМД философией, это – предварительный маркер, использованный в силу

неопределенности структуры этого мировоззрения. Но момент объективации в формах философского знания совершенно других пластов опыта методологической работы-, опыта ММК, личностных траекторий на фоне той работы, которая осуществлялась в Кружке, есть, на мой взгляд, важнейшая составная часть СМД философии.

Однако переход от идеологии к философии нетривиален. Идеология может иметь очень большую проработанность, но не выработать собственной мыслительной традиции. Здесь мы переходим ко второй стороне СМД методологии, к ее конструктивным элементам.

Философия XIX-XX вв. во многом определялась отношениями с наукой. С наукой не как сциентизмом, т.е. своеобразной квази-философией, а с наукой как практикой конструктивного мышления и исследований. СМД методология в начале своего существования объявляла себя наукой о мышлении и, в силу этого, была вынуждена синтезировать сильные стороны научной ориентации и философии. Методология была пропитана научной мотивацией и при этом предполагала развивать и конструктивизировать философский подход. Этот опыт дает нам возможность говорить о втором начале русской философии на базе СМД методологии.

Вы спрашиваете меня: кому адресована эта беседа? Я утверждаю – всем! Ибо круг вопросов, который вырастает из названных мною трех направлений дискуссий, в каком-то смысле является социокультурной или социально-коммуникативной проекцией глубинных проблем исторического развития живого мышления.

– Правильно ли я понимаю, что наша беседа в целом может быть ориентирована на три группы читателей? Участников методологического движения. Тех, кто из него вышел в предметизованные, в этом смысле – социализированные профессиональные сферы. И на

тех, кто пока незнаком с СМД методологией, но в силу своей культурной позиции хочет узнать о новом направлении мысли?

– Вы неправильно трактуете мой ответ, потому что выделяете позиции в другой действительности. Если журнал «Вопросы методологии» будет придерживаться этой рамки, то окажется ориентирован не на всех, а на любого! В той мере, в какой каждый обладает резонатором, позволяющим ему соотноситься с процессами развития живого, ситуационного и, в этом смысле, исторического мышления. Я говорю: журнал предназначен любому, а не всем, в социальном смысле.

– *Еще один вопрос. В качестве отклика на проект структуры или рубрикации журнала, я получил от В.А. Зубакина из Омска предложение ориентироваться не на расширение, а, напротив, на сужение тематики и, соответственно, аудитории. Как он предполагает, в 1991 г. мы станем свидетелями всплеска узко профильных журналов. Расширяя подход, мы якобы рискуем читателя потерять. Он предлагает назвать журнал как-то вроде «Г.П. Щедровицкий. Коллеги и оппоненты».*

– Ход понятный, поскольку именно Георгий Петрович задавал тональность и оппозиции внутри ММК не одно десятилетие. Мне и сегодня приходится слышать, что СМД методология – это, прежде всего, ГП и ничего более.

– *Самодостаточна ли СМД методология или СМД философия с точки зрения претензий на глобальность в культурно-историческом масштабе? Или же она локальна, и, в этом смысле, региональна? Этот вопрос – для читателя, но, возможно, и для авторов – неизбежно встанет, независимо от того вынесем мы в название журнала «чистую» методологию или предварим ее «добавкой» СМД.*

– С моей точки зрения, вы хотите идти поперек исторического процесса. Необходимости в истории нет, а потому нельзя сказать ни про какое конкретное событие, что...

– ...даже если оно длится 40 лет?!

– Не это важно. Неизвестно, т.е. не определено деятельностное или мыследеятельностное историческое время этого события. Советская власть тоже длилась 70 лет, но из этого ровным счетом ничего не следует. Сама категория события, как некая предельная категория исторического мышления, историософии, не дает возможности отвечать на вопрос, мировое это событие или региональное. Никогда нельзя знать, где та яма, попав в которую, лопнет автомобильное колесо. Это же относится и к автомобилю истории.

– Тогда задам вопрос, в каком-то смысле связанный с предыдущим. Определяя в начале нашей беседы оппозиции между классической и СМД методологией, Вы, на мой взгляд, не выделили в характеристике СМД подхода то, что отличало его от практической философии. Если это – становление новой философии, с учетом ее мировоззрения и наличия социальной практики, то может ли все это воспроизводиться, а затем развиваться и транслироваться, как любая другая предметность, научность? Или все происходит только «от живого к живому», как передача образа жизни? Не знаю, значимы ли эти вопросы для нашей беседы на Ваш взгляд, но для меня они достаточно значимы.

– Интересно, как этот ваш вопрос переключается с предыдущим. Если вы хотите делать мировой журнал, то не надо рассуждать о практической философии. В мировом философском процессе такая линия считается тупиковой, с точки зрения исторического развития. Выделяя мировоззренческий аспект СМД методологии в

первые десятилетия ее становления с учетом специфики обстановки в стране, я определял – осторожно, пунктиром – ориентацию на практику, подразумевая одно – связь логических абстракций и живого мышления с социальной ситуативностью – ничего более. Попытка объяснить, чем СМД методология отличается от философии, опираясь на ее практичность, выглядит для внешнего наблюдателя, привыкшего к органическому развитию европейской философии, как незнание азов. Либо как нечто непонятное, случайно связываемое похожими словами с теми дискуссиями, которые философия пережила за первые 2500 лет своей эволюции и в 30-е гг. XX столетия.

Вы спрашиваете, где этот момент практичности? Через что он задан? Сам термин «практика» в СМД методологии окончательно не проработан. Мало сослаться на различие поэзиса и праксиса у Платона. Отсюда и такая двусмысленность в вашем вопросе.

– Последнее десятилетие речь идет об ОДИ как практике методологии. Вы неоднократно произносили тезисы о практиках, или прикладности, СМД методологии. Поэтому я спрашиваю о практической ориентации СМД подхода, который, по-вашему, «зашнуровывает» пространство мыслимости и теории с областью социальности. Для меня это есть дополнительная характеристика, независимо от ее значимости.

– Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Он мне чужд. Могу объяснить почему. Когда я обсуждаю коммуникативный аспект, в котором понятие практики имеет определенный смысл, то тезис о методологии как практике философии тоже имеет определенный смысл. Но как только мы задаем себе рефлексивный вопрос, в каком смысле или в каком категориальном отношении употребляется понятие практики, что значит игра как практика, то сама методология что – теория? Вы проти-

вопоставляете теорию, в том числе методологическую, игре как практике? Или игра есть практика методологии, в отличие от философии, которая в смысле социального действия практики не имеет? Поэтому я и недоумеваю: практика противопоставляется отсутствию оной, или оргдеятельностная игра как практическая форма противопоставляется другим играм как формам поэтичным?

Видите ли, коммуникация сильна своей многозначностью. Мысль-коммуникация, как механизм развития мышления, во многом построена на расщеплении, на постоянном дрейфе, сдвиге смыслов и значений, на изменении направления интерпретации. Когда вы задаете мне вопрос, то я хочу добиться определенности, чтобы можно было вам ответить.

– Давайте сдвинемся с этого момента темы и перейдем к другому. Я вынужден признаться, что ваш ответ уже на первый мой вопрос полностью расстроил мои планы. Я предполагал обсуждать не столько ситуацию, в которой оказалась СМД методология, сколько ее саму в ее различиях с классической методологией, философией, наукой. На это меня ориентировали и тексты ваших докладов про СМД методологию, с которыми я предварительно знакомился. Выслушав ваши предельно детализированные и развернутые рассуждения, я понял, с чем столкнулся, задавая заранее подготовленные вопросы. Формат интервью такого не выдержит. Я предпочел бы сейчас «упустить» вторую часть беседы – о СМД методологии, о версиях ее развития и проблемах, которые встают перед ней на этом пути, – с тем, чтобы по этим вопросам вы и ваши коллеги выступили на страницах журнала. Перейду к третьей части интервью, начав ее с вопроса о том, что вас, как методолога и участника Движения, волнует? Над чем вы размышляете? Что делаете?

– СМД методология, как некий организм, некая сфера и, вместе с тем, определенная объективизация некоторой социокультурной формы жизни и деятельности людей, формировалась в специфических условиях. Недавно, отвечая на вопрос, в каком обществе мы живем, экономисты из абалкинского института пошутили: мы живем в социалистическом обществе советского типа!

СМД методология формировалась условиях социалистического общества советского типа. Следовательно, все его социокультурные характеристики, которые мы теперь выделяем, пытаемся осмыслить, подвергаем критике, в большей или в меньшей степени присущи методологическому движению и реализуемым подходам. Сегодня многие критикуют ОД игры, выдвигая обвинения в авторитаризме, тоталитаризме, манипулировании игроками. Я считаю, что все они неадекватны. Это, скорее, попытка якобы понятными словами обозначить не очень понятное и куда более сложное явление. В этом смысле СМД методология могла появиться только здесь, в России, и в условиях социализма.

Я имею в виду момент, связанный с особым отношением ММК к мышлению. Фактически методология – гигантская система протезов, позволяющих человеку выживать и сохраняться в условиях социалистического общества советского типа. Сохраняться не как биоиду, а как индивидуальности, как личности, в этом смысле как лицу, несущему ответственность за свои действия. Наконец, как носителю интеллекта, как человеку, имеющему историю в условиях, когда общество отказывает ему, своему отдельному члену, в праве иметь эту историю. Будучи такой системой протезов, позволяющих человеку оставаться соразмерным гигантской социальной машине, СМД методология несет

на себе характеристики этой мегамашины, и поэтому является машиной еще более мощной, чем та, от которой избавляет отдельного человека. Иначе она не могла бы выполнять свою функцию – глубокого протезирования менталитета.

С одной стороны, меня волнует и занимает такая своеобразная археология этого типа мыследеятельности или этой формы тотальной организации мыследеятельности. С другой стороны, мы переживаем очень серьезный катаклизм. То, что происходит в экономической, хозяйственной жизни страны – мелочи в сравнении с тем, что происходит в области сознания и самоопределения. Я не хочу сейчас это обсуждать, но ситуация напоминает разрыв времен, или, словами поэта, период, когда «время вывихнуло сустав»!

Новая идеология, попытка вернуться назад, к истокам капитализма, восстановление экономических методов регулирования хозяйства и каких-то политических институтов – все это действия, во многом направленные на предельную индивидуализацию – и атомизацию общества. Все страдают: террор! жестокость! лицемерие! ложь! спекуляция!.. Но ведь все эти формы, все пороки являются первыми проявлениями индивидуализма. Именно в области эгоизма, прежде всего, проявляется отдельный человек. Потом он может придать этому – поведению особую стилистику, но отделиться от общества может только за счет порока.

Хотите индивидуализации, инструментальной активности отдельной личности, предпринимательства, индивидуально производимого развития, хотите получить субъекта или много субъектов – получайте! Получайте все атрибуты процесса индивидуализации.

Мне важно другое. Я хорошо понимаю, что в условиях предельной индивидуализации и атомизации

исчезает и растворяется та социокультурная форма методологического Кружка, которая, как говорят «классики» ММК, лежит в основе мыследеятельности и в каком-то смысле объективирована в схеме мыследеятельности. Исчезают условия для коллективного мышления, мысли-коммуникации и даже, не исключая, мыследействования через формы проектирования и программирования. Значит, должен сказать я себе, экономическая реформа, политический переворот, развитие фермерского хозяйства, встраивание в мировую систему разделения труда и т.д. – это процессы, объективно разрушающие питательную среду СМД методологии, дававшую ей неопитов и создававшую саму СМД методологию. Вообще, скажу я вам с некоторой долей иронии, перестройка – самая большая диверсия против СМД методологии! Самая большая из всех, какие когда-либо предпринимались.

Но я хочу быть хитрее исторического процесса! И потому задаю себе вопрос: каким же образом в условиях модернизации и экспансии индивидуализированных форм жизни и практик может сохраняться, расширяться и усиливаться социальный и социокультурный базис СМД методологии, основные каналы ее воспроизводства? И отвечаю – он может сохраняться, расширяться и усиливаться:

– через разработку онтологических картин и теорий среднего уровня, обеспечивающих типы мыследеятельности соответствующими изображениями объектов и знания;

– через разворачивание на базе программ развития этих областей, сфер, типов мыследеятельности соответствующего комплекса инструментальных и методологических вопросов, т.е. восстановление непосредственной или базовой методологической проблематизации, связанной с

обеспечением новых областей деятельности и практик соответствующими наборами средств и методов;

– через создание новых социальных форм, позволяющих сохранить и поддержать коллективный способ решения проблем, путем создания условий для людей, работающих в сфере чистого мышления.

Я продвигаюсь в каждом из этих направлений, максимально используя арсенал СМД методологии и разработки, которые делались на предыдущих этапах.

– Не здесь ли реализуется ваш неизменный интерес к педагогике?

– В определенном смысле, да. Недавно я понял, что все педагогически идеи ММК есть осмысление самого ММК, самих себя, своей практики. И тотчас пришло понимание, что новая педагогика возникает в ситуациях, когда есть «группа прорыва», вынужденная транслировать свое содержание. Момент необходимости трансляции является ключевым в традиции европейского рационализма, а все остальное – философия, методология, наука и т.д. проявляется в ситуации, когда необходима передача наработок «группы прорыва» неофитам. Другими словами, эти дисциплины есть формы решения важнейшей проблемы – передачи идущим следом содержания, которое было наработано передовой группой. Поэтому сейчас я уделяю много внимания созданию высшего учебного заведения нового типа – Школы культурной политики.

Что означало осуществлять методологическую работу в стране в период 50-70-х гг.? Это означало, что надо было достичь предельного понимания по многим направлениям. Либо за счет онтологической работы, «протыкающей» слои знания и выходящей за горизонты, где мы имеем дело с фиксацией и описанием каких-то фундаментальных процессов. Либо за счет широкой понимающей работы, имитации разных позиций, сценирования ситуа-

ций, мыслительного проигрывания вариантов движения в контексте программирования.

Что это означает сегодня, когда границы разорваны и страна «вывалилась», фактически, в огромную сферу мировых процессов? Это означает, что нужно пытаться проделывать ту же самую работу, но на уровне, или в рамках, еще более широкого поля деятельности. Фактически речь идет о резком расширении спектра процессов, которые приходится анализировать, понимать и соотносить план локального действия. Мы ведь сегодня переживаем период, когда – хотим мы того или нет, понимаем или нет – решается вопрос о перспективах развития России на 20-25, а то и на 50 лет.

Приходится размышлять над кругом вопросов, о которых лет 5-7 назад думать не приходилось. Не нужно было – в целях сохранения некоторой ограниченности производимой работы. Поэтому, в частности, мне приходится сейчас медленно, постепенно восстанавливать некоторый историко-культурный контекст: анализировать, что происходит в Европе, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке, Южной Америке, и отвечать себе на вопрос, какому миру мы принадлежим или можем принадлежать.

На этом я поставил бы точку в нашей сегодняшней беседе.

Я не хочу быть потерянным поколением...*

Договариваясь о беседе с Петром Георгиевичем Щедровицким, я сказал, что меня интересует три темы: его точка зрения на то, как и в каких формах будет существовать методология, его видение ситуации со Школой Культурной Политики и то, какое место Школа занимает среди существующих сейчас групп. Это и задало общую направленность разговора.

Г. Копылов

– Мое понимание перспектив развития методологического и игротехнического движения во многом определено проектом и горизонтами Школы Культурной Политики (ШКП). Для меня неким магическим символом является число три. В свое время я сделал доклад, назвав его «Три источника и три составные части ШКП». Это не было случайным парафразом.

Три функции заложены мною в основу проекта ШКП: 1) исследовательская – ШКП действует как философско-методологическая лаборатория, 2) учебно-образовательная и 3) консультационная функция.

Называя исследовательскую функцию, я, прежде всего, имею в виду исторические исследования на основе базовых текстов Московского методологического кружка (ММК). Это могут быть работы, связанные с реконструкцией истории Кружка, или компаративные исследования,

* Первая публикация – «Кентавр», выпуск 11 (1994 г., № 2)

направленные на сопоставление работ Клуба с работами философских, логических и методологических школ, складывавшихся чуть раньше или позже в европейской и американской традиции.

Второе направление работ ШКП – культурологические исследования процессов формирования социокультурных регионов и анализ социальных ориентаций, поведения и установок различных социальных групп, формирующихся на территории бывшего Советского Союза и вообще на постсоветском пространстве. И, наконец, третье направление, которое мы скорее пытаемся возродить – педагогические исследования, традиционные для ММК периода 60-х гг.

Учебно-образовательная функция заключается в том, что, начиная с 1989 г., ШКП ежегодно набирает около 20 стажеров. В течение 3-х лет каждый из них должен пройти несколько этапов подготовки по индивидуальной учебной программе в рамках несистематизированного учебного процесса. В прошлом году у нас было 9 выпускников. Я считаю, что это нормальное число для образовательного учреждения, функционирующего по принципу отбора. Мы продолжаем набирать стажеров. Единственное существенное изменение за последние два года заключается в том, что произошла переориентация на рекомендательный набор: подведомственное нам или находящееся с нами в отношении сотрудничества учебное заведение рекомендует одного-двух своих выпускников для поступления в ШКП как в высшее учебное заведение. Некоторые из наших абитуриентов уже имеют среднее специальное или профессиональное образование, например, закончили предпринимательский колледж, а другие получают рекомендацию после средней школы. Обучение проводится в рамках программ открытого образования, которые мы осуществляем в разных регионах страны.

И, наконец, третья функция ШКП – консультационная. Мы продолжаем активную работу на рынках образовательных услуг: проводим экспертизы учебных программ и проектов учебных заведений, оказываем менеджеральную поддержку учебным заведениям и помощь в формировании нового содержания образования.

Отвечая на вторую из поставленных передо мной тем, скажу, что в настоящее время ШКП активно работает на рынках услуг, связанных с разработкой программ регионального и городского развития, начиная от локального регионального планирования и заканчивая разработкой законодательной базы для местного самоуправления. Мы активно внедряемся на рынок услуг по «реприватизации» и «доприватизации», захватывая комплекс работ, связанных с повышением эффективности функционирования предприятий, их превращением из производственных коммун в предприятия «по понятию». Это услуги по санации предприятия, смене системы управления, переподготовке управленческих кадров, анализу рынков сбыта, технологий и т.д. Мы внедряемся на рынок слияния и поглощения предприятий, обмена пакетами акций, банкротства, анализа задолженностей и на рынок, связанный с консультированием финансовых, капитальных предприятий – банков, страховых компаний, трастовых компаний разного типа. Основная трудность заключается в том, что этот рынок формируется очень медленно, так как люди, входящие в этот вид деятельности, считают, что они – уже консультанты.

Хочу особо подчеркнуть, что синтез названных мною трех функций – исследовательской, образовательной и консультативной, – на мой взгляд, есть *differentia specifica* университетов пятого поколения. Я считаю, что средневековые университеты, возникавшие при монастырях или в вольных городах, были университетами первого

поколения. Новоевропейские университеты XVII-XIX вв., готовившие бюрократов и государственных служащих, типа германских университетов XIX века, были университетами второго поколения. Университеты Германии или, в большей степени, американские университеты в конце XIX – начале XX века, совмещавшие учебную подготовку с исследовательской работой, были уже университетами третьего поколения. И, наконец, небольшое число университетов, возникших после второй мировой войны, в которых совмещены учебная и проектная деятельность, типа Беллифельдского, это университеты четвертого поколения. В России чуть раньше был такого рода синтез в области инженерного образования.

В настоящее время в образовательных структурах необходимо совмещение уже трех функций. Стало быть, требуются совершенно особые эпистемологические режимы – перевод знаний в другие формы, например: из формы исследовательского знания – в учебные программы, или из формы консультационного прикладного знания – в исследовательские и учебные, а из исследовательских и учебных форм – в прикладные. Такой сложный эпистемологический ход определяет тип университетов пятого поколения и ту совокупность логико-методологических проблем, с которыми приходится сталкиваться на практике.

Существуют, по крайней мере, два основных процесса, характерных для второй половины XX в. и задающих место, функции и назначение подобных университетских корпораций. Социокультурные функции подобных университетов связаны с изменением политического контекста, т.е. с изменением отношений на полюсах «власть»– «интеллект», и с проблемами практическими, в частности, хозяйственной практики, где замыкающий ресурс смещается от капитала к знанию. Университеты 5-го поколения, с одной стороны, становятся местом существ-

вования носителей интеллекта, способом их социализации и профессионализации. С другой стороны, они – источник формирования новых практик.

Я не случайно употребил термин «университетская корпорация», поскольку университеты пятого поколения – это университеты, опирающиеся, прежде всего, на деловую сеть, состоящую из консультирующих профессоров и экспертов, а также исследователей или специалистов, имеющих практический опыт, но уже потерявших интерес к работе в функционирующем режиме. В новых условиях оргструктура, характерная для традиционных университетов 3-го и даже 4-го поколения, неэффективна, поэтому начинает формироваться университетская корпорация, которая реально осуществляет трансрегиональный и трансструктурный тип работ, учебных, исследовательских и консультационных.

Отвечая на вопрос о месте ШКП среди других методологических групп, замечу, что оно напрямую связано с еще одной триадой, а именно: с тремя этапами развертывания проекта моей школы.

Первый этап можно назвать героическим: он был связан с лидерской организацией. Я создавал ШКП как синтетическое учебно-исследовательско-консультационное заведение, и поэтому в нем была сформирована иерархическая модель управления. Эта иерархия во многом опиралась на авторитет и некоторые культурные корни, связанные с моей личной историей, с моим опытом методологической работы.

На втором этапе существования ШКП основной проблемой стала сама иерархическая форма. Ее нужно было преодолеть, в определенном смысле сломать и заменить сетевой формой организации. Основную роль начала играть деловая сеть, в которую вошли не только представители различных генераций методологического движе-

ния, но и достаточно широкий круг предметных специалистов и экспертов, работающих как консультанты или прикладные специалисты. В настоящий момент эта сеть включает в себя примерно 200-300 человек, учитывая и выпускников ШКП разных лет, которых сегодня насчитывается 18 человек.

Наши выпускники в основном хорошо устроены в жизни. Есть определенная доля маргиналов, как во всякой компании, и свои «вечные студенты». Около 70% выпускников имеют индивидуальную программу и собственное дело. Они начинают помогать друг другу в реализации конкретных проектов и в проведении каких-либо работ.

Я думаю, что за два-три года мне вместе с коллегами (здесь уже нельзя говорить, что это только мой проект) удастся сформировать новую университетскую корпорацию, корпорацию знающих – в том смысле, который идея университета несла в средневековой Европе.

На третьем этапе развития ШКП новая университетская корпорация должна сформировать факультет университетского центра. Мы планируем сделать это в ближайшем Подмосковье, по аналогии с университетскими городами Европы и США. Я исхожу из того, что ШКП может стать основой для философско-методологического факультета такого университетского центра или для факультета прикладной методологии. Второй вариант ближе к тому, на что я ориентирован. Выдвигая требования полипредметности, полипрофессиональности и универсальности современного знания, мы должны обеспечить существование в этом центре других факультетов, которые не смогут зародиться внутри методологического сообщества.

В этом вопросе мы сталкиваемся с реальными оппозициями. Я считаю, что разговоры Д. Дмитриева и Ю. Громыко о том, что они создают методологический университет – скорее идеологема, чем реальный проект.

По моему мнению, методологического университета, самого по себе, быть не может. Это нереально. Но я прекрасно понимаю, что в идеологическом плане можно вдохновлять своих сотрудников или контрагентов подобным проектом. Я критично отношусь к возможностям методологии и считаю, что попытки полностью отказаться от предметных дисциплин, либо, как это делают некоторые методологические группы, выдать методологическое образование за модное ныне финансовое, управленческое и какое-либо другое, являются никуда негодными.

Моя позиция заключается в том, что я не называю образование, которое даю, ни управленческим, ни финансовым, ни педагогическим. Я не могу учить этому, поскольку я не предприниматель, не финансист и не педагог – я могу учить только методологии. Структура, которую я создаю, может быть в лучшем случае методологическим факультетом некоего университета. Я понимаю, что если объявить обучение финансам, то ко мне прибежит масса молодых людей, стремящихся быстро разбогатеть или войти в новую элиту постсоветского общества. Пусть лучше людей будет меньше, но зато те, кто придет, будут знать, зачем они пришли. Пусть они получают финансовое, экономическое, предпринимательское образование где-нибудь в другом месте, а потом приходят на методологический факультет.

Приведу пример со школой П. Мрдуляша. Люди, которые в ней преподают, в основном выходцы из методологии. Меня пригласили прочитать лекцию о проблемах рынка, что само по себе является для меня странным показателем. Обычно я читаю такие лекции методологам или людям, пытающимся понять, что такое рынок в неэкономическом языке. Я не претендую на то, чтобы учить экономике. Меня поразило, что вопросы на лекции мне задавались методологами или людьми с методологической

подготовкой и по методологической тематике. Ощущение излишней методологизированности аудитории, с одной стороны, и ее поверхностности, вызванной такой псевдометодологической ориентацией, с другой, не оставляло меня на протяжении всей лекции. Возможно, делать обобщения на одном примере и неправомерно.

Приведу другой пример. Я собираюсь ехать в Тольятти в Банк-колледж к А.П. Зинченко. Те, кто бывал там до меня, рассказывали мне, что студенты этого заведения, проучившись в нем значительное время, так и не знают, что такое баланс банка, какие в нем статьи, что означает соответствующий номер счета. Им не дают специальных знаний – только рефлексивно-методологическое знание о том типе деятельности, которую они, может быть, дальше будут осуществлять.

Это особое методологическое отчуждение знаний от деятельности вполне понятно в ситуации, когда происходит движение от норм уже осуществляемой деятельности к необходимости их развития. Но оно совершенно не работает, на мой взгляд, при обратном движении, при освоении самой деятельности. Происходит прямой перенос игровой техники проблематизации специалиста и профессионала в сферу обучения. Это выдается за введение в специальность, но за этим введением ничего не следует. Весь курс сводится к введению, к большой философско-методологической или категориальной пропедевтике, которая не может исчерпать всю полноту учебно-образовательного процесса по данной специальности. Когда я даю философско-методологическое образование или образование для прикладного методолога, то читаю, в том числе, и предметные или препарированные в методологическом духе предметные курсы.

Эта же проблема существует и в среднем образовании. Например, в лицее Д. Дмитриева нет связи между ме-

тапредметами (основная идея Ю. Громыко) и предметными курсами. Фактически человек получает два параллельных образования: одно традиционное, а другое – в метапредметных курсах с элементами игровых тренингов. И между этими двумя направлениями, а также между двумя половинками сознания ученика стыковки и синтеза не происходит. Поскольку ученики в средней школе не склонны к проблематизации, то для многих это фактически предстает как еще один набор «предметов», наряду с «психологией семейной жизни» и «историей культуры».

– А как в вашем проекте будет осуществляться синтез консультационных, исследовательских и образовательных знаний?

– Он будет осуществляться на трех разных носителях. Во-первых, на отдельных людях, которые это как-то собирают на себе, в силу своих индивидуальных способностей. Во-вторых, на соответствующих коммуникационных площадках, где специально отрабатываются отдельные режимы работы. Существует метапространство, где обсуждаются проблемы исследовательской программы и связь исследований с консультационными практиками и учебными программами. Есть площадка, где обсуждается учебная программа. Организованы специальные консультационные площадки (семинары), где постоянно идет рефлексия опыта реального консалтинга и возможное его выворачивание в учебную и исследовательскую деятельность. В-третьих, на оргструктурах.

Я все больше склоняюсь к тому, что корпорация ШКП должна существовать в виде нескольких самостоятельных оргструктур, специализирующихся в разных типах деятельности. В учебно-образовательном и консультационном процессе – это очевидно, в исследовательском – менее очевидно, поскольку сегодня мы имеем только одну

исследовательскую лабораторию в Институте культурологии, которая должна выполнять эту функцию.

– Скажи, пожалуйста, почему в объявленных тобой темах направления исследований и темы консультирования не совпадают?

– А почему они должны совпадать? Здесь не может быть параллелизма. Переход знания не есть тематический параллелизм.

– Но как же осуществлять финансовый консалтинг, не осуществляя специальных исследований? Как вы без социального консалтинга можете осуществлять исследования по социальным структурам?

– Я категорически возражаю против прямого переноса предмета практики в объекты исследования и объекты понятий. Твой вопрос я охарактеризовал бы как типичную ошибку начинающего методолога. Эта ошибка, к сожалению, в силу потери семинарской культуры, начинает проследиваться и в деятельности людей, которых я считал грамотными и самостоятельными методологами. Типичный пример: книжка С. Попова «Идут по России реформы», в которой вся игра, захватывающая читателя и вызывающая ужас у методолога, строится на рефикации объектов понятий. То, что является объектом понятия, натурализуется и выдается за характеристики реального процесса. Это приблизительно то же самое, как если бы, введя методологическое понятие способа деятельности, я в классе стал бы спрашивать, где у ребенка «способ деятельности».

Способ деятельности существует только в понятийной действительности и не может быть приписан ни действительности коммуникации, ни действительности деятельности. В процессе исследования должен ставиться следующий вопрос: что в реальности мыследеятельности и в ситуациях коммуникации (я употребляю слово мыследея-

тельность в рамочном смысле) соответствует понятию способа деятельности? И пока мы не ответили на вопрос, что мы видим в реальной ситуации, что указывает нам на определенную форму существования и наличного бытия способа деятельности, мы вообще не можем говорить о способе деятельности на уроке. К сожалению, множество людей, прочитавших «Педагогику и логику», начинают искать способы деятельности в ситуации коммуникации учителя и ученика. Или начинают искать признаки современного рынка в результатах реформ Гайдара. Это ошибка.

Ты задаешь мне тот же вопрос: что я должен исследовать, если занимаюсь финансовым консалтингом, а в качестве предмета исследования выступают либо финансовые институты, либо сам финансовый консалтинг?

– Я утверждаю, что исследовать нужно культурные нормы и способы внедрения культурных норм в деятельность, в частности, разные типы культурного семиозиса. Исследовать нужно механизмы рефлексии, а отнюдь не финансовую деятельность.

– А я говорил об исследовании финансового консалтинга, а не об исследовании финансовой деятельности. А почему ты говоришь о механизмах рефлексии и семиозисе, мне, собственно, понятно.

– Это моя теоретическая гипотеза, связанная с природой экономики, финансов и финансовых игр.

– Переход от предмета практической деятельности к объекту исследования сам по себе является ключевой методологической проблемой. Здесь нет, и не может быть, прямого параллелизма. Верно и обратное утверждение: ни объекты теории, ни объекты понятий не могут быть напрямую натурализованы, объективированы и реифицированы. Это типичная ошибка второго года обучения методологии. Стажеров Школы я стараюсь отучить от этого именно на втором курсе, когда у них начинается курс про-

ектирования, поскольку считаю, что проектирование – это и есть одно из вспомогательных пространств или действительностей, в которых можно осуществить контролируемый переход.

Отвечая на поставленный вопрос принципиально, я мог бы сказать, что тот набор исследований, который мы проводим, несколько меньше того, который нужно было бы проводить. Но никакого прямого параллелизма между ними нет и быть не может. Исследовать нужно совсем иное, а не то, что кажется наивному натуралистическому сознанию.

– И ты перечислил вначале те направления исследований, которые считаешь нужным проводить?

– Я перечислил те, которые мы сегодня реально проводим. Очень трудно разграничить прото-исследовательские процедуры – наблюдения, рефлексии (в том числе методологически организованной), процедуры, связанные с полаганием пространства или действительности существования тех или иных объектов, – и исследования как таковые. Очень трудно провести границу между категориально-онтологической работой и исследованием. В этом плане 99% того, что считается исследованием, по сути, является прото-исследованием или подготовкой к исследованию, которой иногда всё может и закончиться. В методологии это еще заметнее, поскольку там все время происходит замещение исследовательской работы на категориально-онтологическую. Это хорошо видно в традиционных работах по исследованию мышления в процессе решения задач или, скажем, в работах, связанных с исследованием дизайнерской деятельности.

Я убежденный сторонник того, что разворачивание исследовательских программ является базовым каналом сохранения и воспроизводства методологического мышления. Понимая, что перечисленный набор исследовательских работ не исчерпывает не только того, что нужно для

моей практики, но и заведомо не покрывает того, что нужно для воспроизводства самого методологического мышления, я делаю то, что могу.

Я понимаю, что сеть ШКП, создаваемая уже в децентрализованной идеологии, быстрее воспроизведет консультативные практики, но с гораздо меньшей основательностью и меньшим успехом сумеет воспроизвести учебно-образовательные режимы. В этом я вижу задачу ближайших двух лет. Необходимо будет «снять» с меня образец того, что я делаю интуитивно, воспроизводя опыт своего собственного ученичества в ММК. На следующем шаге, в других социокультурных условиях надо восстановить и обеспечить эффективность исследовательской работы.

– *Чем определяется круг таких исследований?*

– Этот круг определяется моим опытом, наличным контингентом людей с их ориентациями и установками, а также теми оргструктурами, которые у нас есть. Я имею в виду наличие практических площадок, площадок для экспериментирования и площадок для спокойной, живущей в своем времени, исследовательской рефлексии. В конце концов, исследователями должны быть определенные люди, с определенным складом ума и они еще должны на что-то жить.

Таким образом, формирование университетской корпорации – это условие самовоспроизводства консалтинга и выхода на самовоспроизводство учебных практик. Формирование университетского центра – это уже условие самовоспроизводства учебных режимов и выход на воспроизводство исследовательских практик. Сегодня это напоминает пирамиду, в основании которой лежит консультационный уровень, затем – учебный, который проявляется меньше, и еще выше – исследовательский, совсем маленький. Это позволяет тому же А.П. Зинченко обвинять меня в коммерциализации деятельности.

– Ты утверждаешь, что это – необходимое условие для существования верхних этажей пирамиды?

– Да. С одной стороны, это необходимое организационное условие, а с другой – содержательное. Это условие адекватной постановки исследовательской проблемы.

– В каком режиме происходит постановка исследовательской проблемы?

– Прежде всего, в режиме свободной коммуникации между методологически оспособленными консультантами, в основном, представителями старшего поколения. Я имею в виду С. Котельникова, Б. Островского, В. Мацкевича, В. Авксентьева, Ю. Зендрикова, С. Зуева и себя. У меня есть план привлечь к работе в рамках учебной программы школы П. Малиновского, В. Данилову и еще несколько человек. Но здесь мы возвращаемся к твоему первому вопросу.

Сегодня методологическое движение представляет собой несколько взаимно пересекающихся друг с другом деловых сетей с различными институциональными ядрами. ШКП является ядром одной такой сети и взаимодействует с группой А. Зинченко или ММАСС, опирающейся на другие институциональные ядра. Мне кажется, что при всех концептуальных, организационных и даже идеологических (макроидеологических) отличиях единство принципа существования дифференцированной, многоцентровой, сетевой организации позволяет отдельным людям входить в несколько разных организационных структур. Такие функциональные отношения и создают предпосылки для коммуникации и кооперации. Я имею в виду не только рабочую кооперацию для каких-то конкретных проектов, но и некую виртуальную кооперацию как несогласованное движение, но с определенными целями и ценностями.

Для меня неприемлема последняя книга Ю. Громыко «Стыки». Несмотря на это, я стремлюсь не конфликтовать с ним в конкретной работе в регионах. Я понимаю, что его деятельность (возможно не в силу его собственного целеобразования, а благодаря заложенной в него в ММК программе) идет в том же направлении, в котором работаем и мы. Мне трудно на кого-либо опираться, прямо или косвенно, в своей деятельности, кроме как на тех участников методологического движения, которые строят свою работу по принципам деловой сети.

– Насколько я понимаю, формирование деловых сетей позволило завершиться периоду размежевания. Была найдена форма деловых отношений...

– Я смотрю на это по-другому. В 1988-89 гг. мне объективно было уже тесно работать вместе с Сергеем Поповым. Появилось ощущение, что я один могу делать то, что раньше мы делали вдвоем. Это было субъективным ощущением, но стало позитивной программой, так как нужно было развить себя до минимальной целостности. Сейчас я все больше понимаю, что Георгий Петрович сумел заложить в каждого из нас идею интеллектуального рейнджерства.

Поскольку я предполагал, что могу делать многое, то спокойно отошел в сторону. Подумаешь, немного поругались по вопросу «С чего начинается мышление: с понимания или с рефлексии»? Сейчас это кажется смешным, поскольку ответ – ни с того, ни с другого. Затем я начал экспансию: стал наращивать свои организационные связи и свою деловую активность. Думаю, что это было нормальным шагом к автономизации, хотя и болезненным. У некоторых автономизация превращается в страсть, и она может длиться достаточно долго.

Примерно два года назад я твердо понял, что есть целый класс практических, образовательных и исследова-

тельских задач, которые сам я решить не могу. Более того, ситуация в стране в целом такова, что переход от этапа «системного кризиса» к этапу «системной катастрофы» угрожает тем локальным проектам, которые каждый из нас осуществляет. А все эти проекты носят, конечно, локальный характер: локально-территориальный или локально-эпистемологический. Им угрожает опасность остаться незавершенными в силу не зависящих от нас общих геополитических и геоэкономических тенденций.

Я не хочу оказаться потерянным поколением после 15-ти лет активной жизни, чтобы выяснилось, что из-за чьего-то недоумства ничего не состоялось и нужно все начинать с нуля. Я активно двигаюсь в направлении кооперации, коллаборации, взаимодействия с другими представителями методологической провинции, в которую входят разные группы и разные сети. Я понимаю, что где-то мне нужно чисто прагматическое сотрудничество, а где-то я нуждаюсь в критике и проблематизации оснований. Думаю, что никогда размежевание методологических групп не носило осознанного деструктивного характера.

Другое дело, что с началом взаимодействия, появится целый класс вопросов, связанных с расхождением на макроидеологическом уровне. Мне кажется, что базовая идея методологии – идея инструментализма – позволяет произвести такую состыковку. В этом наше отличие от традиционной российской интеллигенции, которая всегда была чужда инструментализму и пыталась соединять явно не стыкуемые ценностные ориентации. Если мы, методологи, не сумеем соорганизоваться, являясь по происхождению и ценностным установкам законченными инструменталистами, то спрашивается: а кто же сможет? По принципу – если не мы, то кто же? Я не могу позволить себе участвовать в разнузданных оргиях политического

непримирения и взаимной брани, которые демонстрируют постсоветские социальные группы разного толка.

Более того, я думаю, что наивная уверенность в том, что реализация проектов и приватизация их результатов возможны в течение двух-трех лет и небольшой группой, прошла. Она исчерпала себя, потому что стало очевидно, как не хватает активных людей, хотя все были уверены, что как раз с людьми у нас все нормально. У большинства элементарно не хватает знаний при полной уверенности в том, что при нашей-то проработке, игровой подготовке, все можно будет сделать. Этот наивный этап доступности проектов, доступности во всех отношениях, включая и результаты этого проекта, прошел окончательно.

Возникла некая внутренняя стратификация. Появились люди, умеющие неплохо зарабатывать деньги, но плохо думающие. Появились люди, которые неплохо думают, но не умеют зарабатывать деньги. Появились реальные менеджеры, которые умеют совместить и то, и другое. Произошла некоторая внутренняя специализация самого сообщества.

Позитивным моментом в этой ситуации является то, что каждому члену сообщества была дана возможность сделать то, что он хотел. Страна большая, мест приложения интеллекта и активности много, напрямую, на одном пяточке, никто никогда не сталкивался. Если не получилось, то пенять не на кого. Начинается процесс переоценки ценностей и возможностей для достижения реальной самооценки.

Я считаю, что 1994 г. будет тяжелым, будет годом, когда каждый должен понять, чего он стоит, и что он может. Если ты понимаешь, что ты можешь и чего ты не можешь – ты способен к коммуникации и кооперации. Я оцениваю эту ситуацию как нормальную, как очень конст-

руктивную и развивающую, и со своей стороны сделал несколько шагов, чтобы сформировать для этого площадки.

Во-первых, я с согласия Георгия Петровича прекратил не соответствующую духу методологии программу съездов. Однако мне не очень нравится и название «конгресс»: это скорее рабочее совещание или конференция. В этом году мы проведем такое совещание по проблемам метода. Во-вторых, мы договорились с группой А. Зинченко о том, что в середине июля проведем совместный семинар по теме «Методологические проекты и программы в образовании», где будут обсуждаться и конкретный опыт, и некоторые теоретические понятия. Я готов к дальнейшему взаимодействию и сотрудничеству со всеми.

При этом возникает проблема наращивания потенциала. Внутри каждой монохроматической группы интенсивность коммуникации и дискуссий не соответствует ни задачам момента, ни тому опыту, который имел ММК, получавший все результаты именно за счет предельной концентрации интеллектуального потенциала и интеллектуальной разнородности в узком хронотопе. Сегодня этого нет. В достижении этого – задача движения каждой группы. Но я не хочу торопить события.

Вторая проблема – агрессивность внешней среды. Эти сети сегодня объективно принимают на себя ряд несвойственных функций. Рамочный консалтинг и консалтинг, связанный с организацией процессов и систем деятельности, которым мы занимались, сегодня фактически начинает перерастать в консалтинг политический, инфраструктурный или региональный, когда речь заходит о разработке моделей развития для крупных городов или регионов, что заведомо не соответствует нашим возможностям. Мы к этому не готовы, хотя из всех существующих интеллектуальных групп, по всей видимости, наиболее

близки к решению. А наши заказчики и контрагенты, в свою очередь, не готовы к тому, что мы не готовы.

– *И что вы делаете в таких ситуациях?*

– По старой привычке стараюсь подумать.

Это нужно воспринимать как вызов поколению. Я стремлюсь перевести это не столько в вопрос вызова моей профессиональной позиции, сколько в вопрос вызова моему поколению. И тешу себя надеждой, что одновременно со мной существует целый ряд разумных, достойных, активных людей, привыкших жить в условиях, когда катастрофа стала образом жизни, и сформировавших набор нетривиальных способностей. Я не знаю этих людей. Очень важно, что я знаю не всех, кто реально может что-то делать и делает. Такая гипотеза дает мне возможность выживать в сложившейся ситуации. Интерпретируя агрессивность внешней среды как вызов поколению, я стараюсь не очень сильно и быстро реагировать на политические или социокультурные перемены.

Когда мне задают вопрос, что происходит во внешнем мире, а не в моем собственном методологическом или практическом регионе, я отвечаю шуткой: «Эпилептики возбуждаются, глядя на паралитиков». Я не участвую в этом процессе: не хочу погружаться в паралитические структуры, коими сейчас являются многие структуры государственной власти и управления на региональном уровне. Но я не хочу выступать и в качестве одного из эпилептиков или социальных идиотов, которые реагируют на этот паралич и начинают предлагать какие-то явно не соразмерные, частичные, но эпатажирующие публику решения. Я думаю, что отвечать на вызов нашему поколению еще рано. Я сдерживаю тех, кто предлагает что-то взять в свои руки и устроить «по нормальному».

Для меня это не только социально-демографический вопрос, но во многом и эпистемологический. Поколение

есть не только социально-демографическая характеристика, но и характеристика определенного типа знаний, типа рамок и типа действия. Бессмысленно стиль своего поколения пытаться вставить в структуру другого поколенческого стиля. Это типичная ошибка, которую сделали младшие научные сотрудники из экономических институтов.

Большая работа, проделанная А. Аганбегяном, Л. Абалкиным, С. Шаталиным в 70-е годы, сыграла дурную шутку с экономистами этого поколения. Они попытались реализовать свои идеи напрямую, не учитывая того, что новый тип знаний не соразмерен старой номенклатурно-бюрократической структуре принятия решений, которая до сих пор сохраняется и будет служить опорой при попытках дальнейшей стабилизации ситуации в стране. Я стараюсь относиться к происходящему спокойно, считаю, что время нашего поколения еще не пришло.

– Каковы же перспективы нового поколения Школы, которое идет нам на смену? Я привык судить о Школе по тому, о чем люди говорят на переменах. Твои школьники ведут, по-моему, в основном «светские беседы». Это не верное впечатление?

– Не знаю, подумаю об этом, но могу сказать одну вещь. Я пошутил про «три источника», а на деле одним из моментов, подвигнувших меня к проекту ШКП, был источник, никак не связанный ни с понятием культуры, ни с понятием политики, ни даже с игровым опытом. Это был опыт моей поездки в Польшу, летом 1987 г. в составе делегации, организованной «Комсомольской правдой». Там я попал в ситуацию полемики с молодыми поляками, занимавшими «вторые» посты в управлении. Они вели очень согласованную идеологическую работу по критике социализма, «советизмов» разного рода и существовавших тогда отношений между СССР и Восточной Европой. Критиковали впустую, так как из команды, в которой я

приехал, может быть, всего два-три человека были склонны обсуждать этот круг вопросов. Я воспринял это как личный вызов и попробовал проблематизировать их. В одной из дискуссий мне это удалось. Но я обратил внимание, что могу их проблематизировать, поставив вопрос в неожиданной для них плоскости, и что средний уровень подготовки, эрудиции, коммуникативных способностей этих людей, а фактически целого слоя, был на порядок выше среднего уровня нашей команды.

Предшествующая культура была фактически культурой формирования гениев. Каждый, кто не «сломался» при этой системе, был, по определению, гений в своей маленькой или более широкой области и обладал очень высокими личными и интеллектуальными способностями. Тот же, кто «ломался», опускался ниже среднего уровня.

После этой поездки я сказал себе: первое, что должно быть сделано в этой стране, это существенное повышение среднего уровня развития людей. Пока ШКП готовит «хорошистов» – она не готовит гениев. Отсюда вытекает целый ряд очень сложных коммунальных и личностных техник, которые я пытался сформировать специально, во многом на противопоставлении опыту Кружка и игровой практики.

Георгий Петрович делал из нас гениев. А гений должен уметь вовремя «дать в зубы» своему товарищу, сделать это красиво и не пострадать. А то, что товарищ «умылся кровью», – показатель техничности. Такая подготовка скорее похожа на тренировки спецназа, чем на школу. ШКП – школа: если кто-то из ребят станет отличником, это будет не моя заслуга. Но то, что каждый из них будет на своем, пусть, очень среднем, месте обеспечивать и устойчивость в режиме функционирования, и возможность включения в режим развития, я гарантирую.

– За счет чего происходит второе?

– За счет того, что развитие не должно быть способом жизни, и именно поэтому к нему нужно относиться спокойно. Люди, которые делают развитие способом жизни, в 99% случаев не умеют включаться в функциональные системы и очень плохо включаются в коллективные режимы развития. Это только кажется, что человек, который все время живет, стиснув зубы и стоя на цыпочках, может делать это бесконечно долго.

Я исхожу из того, что ШКП должна просуществовать 10-15 лет, и каждый год выпускать десять человек, в отличие от Кружка, в котором каждый год был годом прихода одного человека. Приходило, может быть, и больше, но реально оставался один человек. Скажем, в 1976 г. пришел М. Гнедовский, в 1977 г. – я, в 1979 г. появился С. Наумов, в 1980 г. – Ю. Громыко. Это люди совершенно другого уровня подготовки, я это понимаю. Но, с другой стороны, девять лет игровых и методологических тренингов – это не три года в ШКП. Может быть, всего один из десяти выпускников ШКП и будет дальше совершенствоваться в методологии.

– Ты сказал, что если появится гений, то это будет не твоя заслуга, но если он все-таки появится – что ты будешь делать?

– С гением я ничего делать не буду. Единственное, на что я все-таки надеюсь, что новые форма и содержание, немножко другая коммунальная ситуация помогут этим людям с легкостью и простотой говорить о своих учителях и о том, откуда у них ноги растут. У этих рейнджеров, в число которых вхожу и я, есть другая проблема: они с большим трудом вспоминают о том, кто их учил, и во многих случаях предпочитают на учителей не ссылаться. Именно потому, что учитель для них – это тот, кто заставлял их дожимать противника и бить его изо всей силы. Это неприятно. В школе, в силу создания, может быть, менее

развивающей, но более комфортной атмосферы, возможно, будет сформирован некий другой прототип людей. Они будут в конце своих текстов ссылаться на использованные статьи и материалы, а также спокойно смогут сказать, что эту мысль они заимствовали у другого автора.

Иногда я мечтаю восстановить уровень плотности и напряженности методологических дискуссий, опираясь, прежде всего, на «старые кадры», и в этом «котле» еще некоторое время «поварить» кого-то из школьников. Я понимаю, что создаю в ШКП, наверное, достаточно сильное, но монохроматическое поле, которое не может вырастить реального лидера. Лидер всегда формируется в соперничестве с равными. Как объяснял мне когда-то А.В. Юркевич, в команде борцов всегда есть два лидера, каждый из которых несет на себе определенный стиль борьбы, но чемпионом всегда становится третий, сумевший взять от первого и второго их лучшие качества. Именно потому, что в ШКП нет ни С. Попова, ни Ю. Громыко, ни С. Наумова, ни М. Гнедовского, ни им подобных – стажеры ШКП во многом формируются иначе.

Сколько бы я ни напрягался, я не стремлюсь обеспечить того, чего не могу. Было бы глупо думать, что Россия в 2010 г. будет состоять из одного Ю. Громыко. Я не могу позволить себе роскошь длить таким способом свою индивидуальность. Я твердо знаю, что если не могу обеспечить реальной содержательной проблематизации из-за того, что у меня нет оппонента, равномогущего мне по скорости рефлексии, то не буду имитировать этого.

Раньше были совершенно другие семинары, был другой тип коммуникации, был другой тип проблематизации. И в тех условиях формировались другие люди. Я не знаю, лучше они или нет. Если бы нам удалось через год, два или три сформировать подобную ситуацию, где было бы несколько реальных, методологически оспособленных,

но различных парадигматиков, то тогда появилась бы возможность формирования людей определенного типа. К этому моменту, однако, должна быть достаточно мощной и большой «популяция четверочников».

С одной стороны, это будет питательная среда для методологов уже пятой генерации, а, с другой – некоторая прослойка, из которой можно набирать новых рекрутов. Я не исключаю возможностей индивидуального роста. Я думаю, что в каждом выпуске был один, а, может быть, два человека, которые в силу своего жизненного пути, некоторой изначальной критичности выбрали очень точную стратегию поведения и имеют потенцию интеллектуальных генераторов.

Но будет ли их работа методологической – в этом я не уверен. Я не уверен, что Егор Никулин – методолог, хотя он неплохой в будущем историк философии. А вот кто из выпускников ШКП будет работать как методолог и в этом видеть свой путь, я не знаю. Если этого не произойдет, мы рискуем попасть в ловушку, в которую до нас попадали очень многие профессиональные группы: разрыв между поколениями в них оказывался таков, что был уже непреодолим.

О культурной политике*

Это интервью состоялось 16 апреля 1997 г. Поводом к нему, с моей стороны, послужили планы трансформации Центра гуманитарных исследований, в рамках которого я вел тогда свою деятельность, в Институт гуманитарного партнерства. Соприкоснувшись вновь с задачами, относящимися к полю культурной политики, я обратился к П. Щедровицкому с просьбой поближе познакомиться меня с этим экзотическим зверем и заодно показать, с чем его едят.

Мой визави дал согласие на то, чтобы текст интервью был опубликован полностью в моей редакции, за что я и приношу ему свою дружескую благодарность.

О. Генисаретский

Культура поверх деятельности

– Школа культурной политики была создана в 1989 г., в период игровых интервенций в среду Союза Кинематографистов. Тогда же словосочетание «культурная политика» приобрело среди методологов терминологическое значение. Что побудило тебя остановиться на этом именовании, в какой степени содержание дискуссий в СК определило этот выбор и что изменилось с тех пор в понимании целей и смысла культурной политики?

* Первая публикация – «Вопросы методологии», № 3-4, 1997 г.

– Сегодня я исхожу из различия четырех основных смыслов понятия культурной политики.

Первый – и наиболее распространенный из них – общий как для европейских, так и отечественных деятелей культуры, да и бюрократов в этой области. Здесь культурная политика определяется по отношению к некоторым морфологически заданным областям и/или отраслям культуры, как-то: кинематограф, театр, музей и т.д.

Меня этот смысл интересует менее всего, так как я считаю, что сегодня морфологическая трактовка культуры достаточно себя исчерпала и перестала быть плодотворной. Так понимаемая культурная политика в большинстве случаев не может быть *эвристичной*, практически реализуемой, ибо ее предмет недостаточно определен для действия, а комментарии к нему слишком традиционны и относятся к тому пониманию названных областей культуры, когда никакой культурной политики по отношению к ним не предполагалось.

Второе смысл культурной политики ближе к распространенному пониманию политической культуры, культурной организации политической деятельности. В этом контексте можно говорить о сосуществовании различных политических культур, соотносить их с политическим и экономическим устройством того или иного региона или страны, рассуждать о присущих им политических ценностях и т.д.

Этот смысл мне ближе, потому что здесь есть что обсуждать. Но в данном контексте ключевым является понятие самой политики, а не культуры или культурной политики.

Третье понимание, вытекающее из предыдущего, заключается в том, что с какого-то исторического момента речь вообще идет о широкой политизации культурных факторов: культура и различные культурные функции ста-

новятся предметом прямой политической деятельности. В основном этот процесс лежит в области этнокультуры. Именно вокруг этого вопроса разворачивается самый широкий пласт дискуссий о возможностях и проблемах политизации культуры. Но одновременно этим процессом затрагиваются и вопросы конфессиональные, и вопросы профессиональной культуры и т.д.

Почему, вытекая из предыдущего, этот пункт является самостоятельным? Мне кажется, мы здесь выходим на проблему превращения культуры в предмет искусственно-технической деятельности.

И потому естественно, что следующим этажом в понимании культурной политики является то, что получило название культуротехники. Это различного рода инженерии, имеющие дело с отдельными культурными нормами, и с более сложными и сильными структурами, включая современные информационно-коммуникационные системы. Есть целый ряд концепций, вроде медиологии Р. Депре, в рамках которых предпринимаются попытки, во-первых, теоретически осмыслить процессы превращения культуры в своего рода искусственно-техническое образование, а во-вторых, выстроить связанные с ней инженерные практики.

Это понимание культурной политики смыкается для меня с дискуссиями, имевшими место в СК в 1987–1992 гг. Именно тогда, в работе с режиссерами, продюсерами, прокатчиками и представителями других кинопрофессий для меня стал достаточно очевидным жанр культуротехнической работы на определенном – в данном случае, кинематографическом, – материале.

– Для меня в данном тобой перечислении пониманий культурной политики наибольший интерес представляет второй и третий моменты, то есть то, что лежит на пересечении политики и культуры.

Дело в том, что техническая артикуляция культурных форм, их превращение в предмет технической деятельности было методологически предусмотрено уже в самом начале работ по методологическому исследованию деятельности проектирования (начиная с 1965 г.). Я имею в виду тему «проектирование и культура» и, в частности, концепцию эквивалентности культурных норм (=образцов), складывающихся в культуре естественно-исторически, с одной стороны, и проектов, создаваемых в деятельности проектирования, с другой. Отсюда далее выросла проблематика проектной культуры.

Мне кажется, что именно возможность искусственно-технического отношения к объекту, означаемому противопоставление «культурная норма // проект», и лежит в основе культурно-политических связей (реальных или только воображаемых, эвристичных, как ты выражаешься, а по мне «сильных», или «слабых», политически не значимых).

При всем том, политизация культуры – эмпирически наблюдаемая, намеренно практикуемая или только мыслимая – не могла не привести к сдвигам в понимании природы культуры, а для методолога – к переосмыслению базовых схем и практик мышления, коммуникации и деятельности в пространстве культуры и по поводу нее. Я предлагаю далее в нашей беседе сосредоточиться на этом поворотном моменте.

– И тут мы переходим к самому сложному в понимании культурной политики, потому что вовсе не легко выразить этот поворот понимания схематически.

Я начну отвечать несколько издалека – со схемы воспроизводства деятельности и трансляции культуры. Отправляясь от этой схемы, можно сказать, что есть, как минимум, два различных отношения к культуре.

Первое из них достаточно обычно для методологических дискуссий, когда культура рассматривается как один из *ресурсов деятельности*. При этом схема воспроизводства используется для изображения не только того, как культура «сама собой» реализуется в деятельности, но и того, как она в ней намеренно используется, «эксплуатируется».

Второе отношение к культуре связано с пониманием ее как *завершения и смысла деятельности*. Мне кажется, это близко к твоим размышлениям 60-х гг. о месте смысла в деятельности и к той связанной с этими вопросами полемике, которая разворачивалась на внутренних методологических семинарах того времени. Уже тогда, как я себе представляю, дискуссии о *смысле* – в противоположность *пониманию* – и о деятельности разворачивались, в том числе, и на модели трансляции.

– Ты имеешь в виду разворачивание смысловое или ценностное, сопряженное с понятием культуры?

– Я готов был бы проанализировать в дальнейшем это различие, но сейчас, на обозначенном тобой повороте, хотел бы сказать, что для моего понимания культурной политики важен следующий тезис: культура есть смысл и цель политики. А потому, по сопричастности к политике, то есть в той мере, в которой политика есть практика воспроизводства интересубъективности в ее различных поворотах, культура становится смыслом и целью всех тех деятельностных образований, вовлеченных в политический контекст. И схема воспроизводства дает основание для подобной трактовки культурной политики.

Поэтому не случайно – во всяком случае для методологического мышления – появление изображения *культуры поверх деятельности*.

В свое время я начал рисовать схемы такого типа: мыследеятельность (МД), а поверх нее – культура. И стал

рассматривать, каким образом отображается и транслируется в культуре уже не деятельность, а МД; и что означает различие действия, коммуникации, понимания и чистого мышления по отношению к различным каналам трансляции культуры.

Культура при этом понимается не только как надстроечное образование, в котором деятельность отображается и застывает, но и как форма, в которой деятельность «обжимается», форматируется, в которой она имеет самостоятельные каналы развития.

– Но если принять, что политика – это воспроизводство интерсубъективности, то схему воспроизводства деятельности и трансляции культуры нельзя рассматривать и использовать в отрыве от схем кооперативного типа...

– ...или от схем МД.

Продолжая отвечать на вопрос о видении культуры в ее отношениях с политикой, я хочу сделать теперь шаг чуть в сторону и обратиться к идее И. Гердера о культуре как содержанию всеобщей истории человечества. Она была высказана в контексте продолжавшейся с середины XVIII и до середины XIX вв. полемики о единстве человечества и о тех интегративных механизмах, которые это единство обеспечивают. А в связи с этим – о взаимоотношениях экономики и культуры.

Любопытная вещь: известно, что К. Маркс сначала намеревался написать не «Капитал», а «Закон». Начав свои размышления с проблематики права, он далее – через понятие правовой нормы – вышел, и не мог не выйти, на проблематику нормативности так таковой, а затем – на проблему функциональности любой нормировки... и наткнулся на то, что гегелевская логика не позволяла работать с функциями как таковыми, хотя она, казалось бы, именно на это и была сориентирована. С одной стороны,

это была одна из первых логик, сделавших своей проблемой оппозицию морфологического и функционального, но, с другой, она не была «доделана» до таких логических схематизмов, которые позволяли бы эту проблему разрешить. Отсюда неудача марксовой трактовки закона и права, и переход в область экономики, которая позволяла более простое морфологическое описание. Ведь вся проблематика «Капитала» построена фактически на парадоксе функционального и морфологического.

– *А потом эту право-не-способность марксизма пытались восполнить неокантианцы в концепциях правового и/или этического социализма.*

– Да, этот ход не мог не стать естественным ходом.

Однако продолжим наш исторический экскурс. К идее о том, что культура есть смысл, цель, ценность и, в каком-то смысле, директриса развития как деятельности, так и политики подступались достаточно давно. По сути дела это идея о том, что именно культура есть базис, а все остальное, включая экономику, суть надстройки. Заданная этой идеей линия мысли обозначилась уже довольно давно, но отсутствие адекватных ей функциональных логик не позволяло довести эту линию до более развёрнутой формы мысли. Дискуссии на тему, что же образует базис – культура или экономика – продолжались вплоть до конца XIX века.

Тот же вопрос просвечивает и сквозь ставшую традиционной оппозицию культура/цивилизация. Что из них является связующим, интегрирующим звеном? *Экономика* – в рамках этой оппозиции – может относиться к цивилизации и противопоставляться *культуре*, но вопрос, что же их них первично, каковы их функции по отношению к деятельности, политике и истории сохраняет тот же самый смысл.

Будучи доведенной до предела в одной из своих ветвей (например, в политэкономическом подходе, где экономика становится смыслом политики), оппозиция

культура/цивилизация естественно оказалась исчерпанной. И это ни к чему, кроме как к фукуямовскому *концу истории*, привести не могло. Когда экономика становится смыслом политики, а экономическая система достаточно оформляется, когда становится понятным, что в ней можно детализировать отдельные моменты, но принципиально менять, во всяком случае, сейчас, ничего не нужно, потому что она нормально обрабатывает свою скрепляющую функцию. И начинается возврат к проблематике культуры, с одной стороны, как смыслу и завершению целого МД, а с другой – как к базису ее.

– *Представленный тобою ход мысли, заканчивающийся перераспределением созначений элементов в оппозициях «экономика/культура» и «базис/надстройка», в свою очередь, вызывает ряд вопросов. Например, что происходит с культурой после далеко зашедшего обособления финансовой сферы от экономики, когда финансовая деятельность становится своего рода виртуальной реальностью и сближается с другими виртуальными формами культурного авангарда? Или вопрос о развитии информационных систем и коммуникационных сетей как нового пространства бытования и творческого развертывания культуры.*

– Да, эти вопросы также должны быть включены в рассмотрение. Еще Д.С. Миль хорошо понимал, что хозяйство есть этическая категория и, во многом, предмет культурологии, а не экономики. С тех пор стыковка экономических форм организации и хозяйственной деятельности продолжает обсуждаться в качестве одной из ключевых проблем. По мере того, как объектом технико-экономических преобразований становятся все более сложные структуры, вплоть до регионов и стран, эта проблематика тоже выходит на передний план, и мы возвра-

щаемся к традиционному вопросу: как экономика связана с хозяйством и как в этой связке работает культура.

Это одна сторона дела. Вторая же – та, которую называешь ты: высокая финансовая инженерия фактически смыкается с культурной политикой. Там, где инженерия ею не становится, она не работает или работает деструктивно.

«Культурная политика
...наивысшая на сегодня точка раз-
вития политических практик»

– Давай вернемся теперь к развитию твоего романа с культурной политикой до создания Школы Культурной Политики.

– После известной игры на РАФе в 1987 г. мы с Поповым стали заниматься проведением конкурсов руководителей и провели цикл открытых оргдеятельностных игр, связанных со школами управления. Однако наши отношения развивались так, что нам, по разным причинам, трудно стало уживаться, работая на одном и том же контингенте участников. Исходя из одной и той же ситуации, мы, как и начинавший работать самостоятельно в то же примерно время Ю. Громыко, стали разрабатывать разные подходы. Но их это не выводило в проблемы культурной политики.

– Кстати, о Громыко. Разве те идеи и подходы, которые он сейчас разрабатывает на материале образования, национальной безопасности, апеллируя к проблемам этнокультурной идентичности, национального само- и сверхсознания, не могут быть проинтерпретированы в рамках культурной политики, в твоем ее понимании?

Или, как можно догадаться, для тебя важнее не материал, не содержание подобной работы, а применени-

ем концепта культурной политики и соответствующей ему культур-технической установки, оформленной конструкционно и развиваемой систематически?

— Основа культур-технического и культур-политического подходов заключается в том, что в них *слова создают сущности*, и поэтому, не сказав этого слова, на мой взгляд, позитивно и конструктивно раскрутить эту проблематику невозможно. Иначе она все время будет сворачиваться в очень странные содержательно связанные, я бы даже сказал, содержательно *зажатые*, программы, которые обязательно обнаружат свою *контрпродуктивность*. Мы к этому еще вернемся.

А теперь что касается раскрутки темы культурной политики. Здесь нужно принять во внимание большую и малую линию моей работы.

Большая линия заключается в том, что я последовательно движусь в осмыслении и систематизации знаний от освоения одних практик — к освоению других.

Я начинал с практики образования, которая для меня есть одна из ветвей практики воспроизводства человека. Я заимствовал комплекс представлений на этот счет, наработанных в кружке, и стал развивать их, опираясь на схему МД. Основной инновацией, которую я сделал, было последовательное и разностороннее использование схемы МД — в отличие от ее редуцированных, чисто коммуникативных вариантов, на которых была построена статья Г.П. Щедровицкого «Смысл и значение» и цикл его лекций «Понимание мышления. Смысл и содержание» (1973 г.). Одновременно он читал лекции по педагогике. Там было много любопытных вещей с применением коммуникативного подхода (в отличие от чисто деятельностного), но они не получили, да и не могли получить, дальнейшего развития, потому что использовавшаяся им схема акта коммуникации не давала возможности производить раз-

вертки намечаемых линий, не задавала для этого необходимого пространства.

Я начал последовательно применять схему МД для осмысления образовательной практики и результатом этого стали пять или семь версий курса «Основы СМД педагогики». Параллельно я, с опорой на Л.С. Выготского, критиковал саму педагогику.

Основной тезис этой критики заключался в том, что философско-антропологический и антрополого-педагогический идеал, сформированный в начале XX века и развитый, в частности, Выготским, не может быть реализован только в педагогической практике. То есть педагогическая практика дефицитна в своем смысле по отношению к философско-антропологическому идеалу, сформированному в ходе развития философии гуманитарных наук. И поэтому для его реализации надо искать другие практики, не педагогические. Отсюда – сформулированная тогда идея антропоники, потом – идея разных антропотехник, и, наконец, идея антропопрактики, которая была во многом мною сформирована под воздействием М. Фуко и его трактовки практик субъективности.

Эта большая линия последовательно развивается, доходит до своего пика и... потом я ее бросаю. Начиная с 1991 г., я все меньше уделял ей внимания, более детально разворачивая в лекциях то, что уже было надумано и уже содержится в моих внутренних текстах. Никаких новых идей, касающихся этой области у меня до последнего времени не было. Параллельно я начинаю плотно продумывать тематику «Хозяйство и экономика».

– Поскольку уж речь зашла о педагогике, скажи хоть несколько слов о развиваемых тобою идеях относительно педагогики свободы. Они вытекала из упомянутой тобою критики или имеют другой источник?

– Педагогика свободы возникает именно потому, что, как я только что сказал, философско-антропологический идеал не мог быть реализован ни в одном регионе сложившейся педагогической практики. Ни педагогика развития, ни инновационная педагогика, из тех, которые сегодня складываются в нашей стране (а я думаю, и в мире) не способны полноценно освоить декларируемый педагогикой философско-антропологический идеал. Это тезис, из которого я исходил.

– *Только перечисленные тобою педагогические практики неспособны это сделать, или педагогика как таковая?*

– В принципе педагогическая практика не способна освоить то содержание этого идеала, которое уже сформировалось.

– *Почему же тогда получилось, что философско-антропологический идеал отказался шире педагогики и не вместим в нее, хотя его разрабатывали параллельно с педагогическими запросами, а педагогика оказалась площадкой, на которой он был сформулирован?*

– Да, он оказался шире, и был сформулирован во многом на критике педагогики. Начался поиск новых технологий внутри самой педагогики, и постепенно поиск их начал разрывать материнское тело педагогики. Сегодня в любой ситуации, где начинается серьезное применение инновационных методов, мы просто выходим на границы педагогики и педагогического отношения как такового.

Это многократно обсуждалось, фиксировалось и потому педагогика свободы в каком-то смысле – это «круглый квадрат». В тот момент, когда мы выходим на проблематику свободы – в твоем смысле понятия свободопользования, мы выходим на границу педагогики, и она не может ответить на возникающие здесь вопросы.

Когда мы обсуждаем эти вопросы с педагогами, я говорю им только одно: давайте пытаться! И это скорее культурно-политический тезис, чем педагогический.

– И тогда сразу же вопрос про соотношение образовательных практик и культурной политики, о которой мы ранее говорили?

– Образовательные технологии автоматически попадают под культурную политику, как ее раздел, наряду с такими другими ее разделами, как дизайн, социальное проектирование, работа средств массовой информации (и то, что с ними так или иначе связано, например, паблик рилейшн, имиджмейкинг), новыми политическими технологиями, правовой инженерией. Это фактически полисфера, которая чуть ли ни всё ассимилирует, втягивает в себя.

– Хорошо, а тогда какова связь так широко понятой культурной политики с так называемой политикой развития? Если, конечно, это понятие для тебя не только приемлемо, но и имеет рабочий смысл.

– Это понятие для меня не очень осмысленно, но одна из ключевых тем, которую я сейчас прорабатываю, это категория развития – ее освоение социально-гуманитарными науками, во-первых, и усвоение ее разными практиками, во-вторых.

– Что же получается, проблема развития ключевая, а понятие политики развития при этом не осмысленно?

– Да.

– Тогда что же такое, по-твоему, политика развития, как концепция, как подход? Фигура поверхностной политизации проблематики развития? Или, быть может, схема политической практики, альтернативная культурной политике?

– Мне кажется, что пока это только попытка... Если мы, скажем, рассмотрим хозяйственную, политическую и образовательную практики, как стремящиеся к взаимной

ассимиляции, то можно без особого труда увидеть, что сегодня политическая практика обладает наибольшими возможностями ассимиляции остальных. При этом по отношению к хозяйственной практике такая ассимиляция дала уже целый ряд позитивных эффектов и процессов. Можно сказать, что формирование хозяйства – не как самостоятельной практики, а как предмета политики, привело к очень интересным разворотам, о чем можно отдельно поговорить. Дальше видно то, что принципиально не осваиваемо, что может быть освоено только в схемах взаимной ассимиляции.

С другой стороны, политическая практика доминирует сегодня в ущерб образованию и другим антропопрактикам.

– Означает ли это, что существует принципиальный предел политизации, политической ассимиляции каких-то практик, сфер деятельности? Или же – при дальнейшем развитии этих политически ассимилируемых практик (и самой политики) возможны иные, более эффективные формы их политизации?

– Да, если речь идет именно о культурной политике, как наивысшей на сегодня точке развития политических практик.

«Культурно-политическое государство... сможет ассимилировать и управленческое, и предпринимательское государство»

– Итак, я двигался в русле образования, а потом стал работать с проблематикой хозяйства, экономики, управления и т.п. Первые же попытки заимствовать распространенные в этих практиках оргтехнические представления показали, что они недостаточно развиты как в интеллектуальном, так и в деятельностном отношении. Отсюда мой интерес к проблеме предпринимательства, в

понимании которого я во многом следовал за А. Шумпетером. Его представления о предпринимательской деятельности были позитивно переработаны мною в духе схем развития и оргтехнических схем, предполагавших доминирование знаний. И затем следующий шаг – противопоставление позиции предпринимателя позициям управленца и культурного политика. Кажется, близкими этому вещами занимается сейчас С. Чернышев в рамках концепции корпоративного управления.

Управление, как профессиональная МД, во многом возникает в оппозицию к предпринимательству, но с попыткой снять и включить в себя предпринимательский инструментарий, то есть инструментарий развития (или инновации, являющейся, на мой взгляд, квазиформой развития).

Но дальше оказывается, что политическое пространство не позволяет проделать этого принципиального перехода. То есть в существующих политических рамках переход от деятельности предпринимательской к деятельности управленческой может дать только фашиствующее корпоративное (или коммунистическое) государство, что и было продемонстрировано в ряде стран в начале века. Они попробовали осуществить индустриализацию и освоить инновационную форму деятельности, минуя развитие предпринимательства, сделав все то же самое за счет деятельности управления. Создали управленческие сети, создали корпоративное управленческое государство и... проиграли свою предпринимательскую и геополитическую игру.

– И это можно рассматривать как критику корпоративной системы?

– Естественно. Однако моя реальная практика гораздо уже, чем вариации моего мышления, поэтому упражняться на этом поле я не могу. И все же я допускаю такой вариант развития событий, при котором культурно-

политическое преломление управления позволит проделать этот шаг. Я думаю, культурно-политическое государство будет гораздо эффективнее предыдущих и сможет ассимилировать и управленческое, и предпринимательское государство.

Во многом оно будет другим, не похожим на современные формы государственности. И здесь можно обсуждать, будет ли оно вообще государством, и если будет, то каким.

– Раз уж прозвучал лозунг культурно-политического государства, то в каком отношении оно находится к гражданскому обществу и, что мне особо близко, к гражданскому государству? В частности, может ли культурно-политическое государство быть дооформлено до социального или гражданского государства?

– Я думаю, что в чем-то это очень близкие вещи. Но проблема для меня заключается в том, что я, как я уже сказал, интеллектуально продвигаюсь, переходя от одной практики к другой. Я потратил пять лет на то, чтобы в общем проработать всё, относящееся к хозяйству и экономике. И только теперь сдвигаюсь к обозначенной твоим вопросом общественно-государственной и философско-правовой проблематике.

Поэтому первый мой ответ уклончивый. Догадываюсь, что то, что я имею в виду под культурно-политическим государством, может оказаться достаточно схожим с концепцией коммуникативного государства и дискурсивной общественности, которые у нас обсуждались со ссылкой на немецкую традицию (в этом смысле очень интересна нашумевшая статья Ю. Хабермаса «Парализованная политика»). Или с латиноамериканской идеологией развития, где в схожем контексте рассматривается связь государства и общества. Но, к сожалению, я с

этим словарем очень плохо знаком. И вообще, я стараюсь сначала сам придумать, а потом посмотреть, где что есть.

По моей внутренней линии я двигался от первичного освоения образовательной проблематики и связанных с этим практик воспроизводства и развития – к хозяйственным практикам и экономике. Итогом размышления о предпринимательстве стал большой курс лекций по рынку, первая статья про рынок «Понятие рынка в системомыследеятельностном подходе», которая эту проблематику схватывает, несколько больших курсов по философии хозяйства (самый развернутый я прочел в 1995 г. в Тольятти). Сейчас я готовлю еще более развёрнутый курс, втягивающий философию хозяйства и хозяйственной практики в управленческую и предпринимательскую проблематику.

Этому сопутствует большой цикл размышлений по поводу управления, основывающихся на предложенной мною схеме, являющейся своеобразной интеллектуальной проекцией разных МД позиций, сгруппированных по секторам хозяйства, экономики, управления, государственности и т.д.

«Никто не развивает методологического аппарата теории МД»

– Коль скоро речь идет о новом, и как мне представляется, достаточно радикальном репозиционировании твоего поля МД, у меня возникает вопрос: а как постулируемые тобою аналитические позиции связаны с распространенными в практике институциональными формами деятельности управления (или иных деятельностей)?

– Специфика моего подхода такова, что теперь, когда это понимание уже сложилось и достаточно разверну-

то (хотя я никогда не стремился его высказывать и всё время уходил от обсуждения), я смещаюсь в область политики. А для того, чтобы мне туда сместиться, я должен попробовать начать в ней действовать. Поэтому я занялся выборами. Для меня то, что я сейчас делаю, даже хозяйственные проекты, – это, прежде всего, попытка увидеть некие реальные механизмы политики. И лишь затем перейти к осмыслению этой сферы. При этом я все время повторяю, что мои последние проекты – *освоенческие*.

Первое. Сейчас я активно работаю в ряде регионов над антикризисными программами, над программами среднесрочного развития территорий, над схемами разграничения полномочий «субъекта федерации – федеральный центр».

Второе. Мы работали недавно с крупным предприятием-банкротом и тему этой работы, которую я заявил и провел, «Снижение ущербов от банкротства крупного предприятия», я трактую как культурно-политическую тему.

Наконец, я участвовал в выборах мэра Красноярска, и сейчас участвую в выборах в Амурской области. И для меня эти занятия вовсе не сводится к электоральной прагматике. Я очень жестко оппонировать своим коллегам: они – имиджмейкеры, делающие выборы, а я не имиджмейкер, я держу рамку (и позицию) культурной политики. Поэтому я поехал в Амурскую область, где с самого начала была полностью проигрышная ситуация (и мы ее так проиграли), но это дало большой, ни с чем не сравнимый культурно-политический опыт. Мне было очень важно понять, как застраиваются сегодня коды электорального сознания, как из-за этого в практически одинаковых ситуациях получаются разные результаты.

Я и далее буду, еще год-два, продолжать работать в этой сфере, на разных границах ее. Сейчас я сейчас веду переговоры насчет рекламного заказа, но трактую его как

культурно-политическую деятельность. И в этих рамках мне придется осваивать имеющийся профессиональный арсенал. Иначе мне очень трудно говорить про инструментарий культурной политики и про ее место внутри более широкой сферы деятельности.

А в другой, более узкой, линии разработка культурно-политической проблематики фактически двигалась следующим образом.

Это, в первую очередь, обсуждение проблемы самоопределения, поставленной внутри образовательной линии; последовательное введение несколько моделей самоопределения; выход внутри этого на проблему рамок; достаточно длительное обсуждение понятия «рамки» на границах между программированием, анализом целей, категорий смысла; и прокручивание всего этого, к сожалению, пока в аппарате теории деятельности. Потому что нет еще развитого аппарата теории МД, систематически никто её не развивает и мне её очень не хватает, а сам я не успеваю этого делать, я двигаюсь слишком экстенсивно.

Это, далее, выход к проблемам онтологии. В 1992-93 гг. я прочел первый цикл лекций о культурной политике, где ключевым становится понятие рамок и *онтопраксиса*. После этого – проблематика культурных регионов, осмысление культуры как множества регионов, а региона как культурного образования (в этом смысле, как экстерриториального). Создание сектора во Всероссийском институте культурологии и попытки обсуждения там темы «Культура и мышление». Но в какой-то момент я столкнулся с тем, что дальнейшее развитие этих представлений упирается в то, что у меня для этого не достаточно материала.

И еще несколько фатальных текстов, вроде выступления в 1993 г. на собрании Фонда Сороса «Культурная

политика на пути в открытое общество», которое никто не понял, а меня записали в сумасшедшие.

Должен признаться, что смещение интереса в сторону политических технологий во многом было вызвано осознанием неэвристичности того, что мы ранее называли «культурными проектами» (что обозначено в твоих вопросах как «прямое, личное участие в культурных инициативах»). Осознав это и отказавшись от дальнейшего консультирования в СК, мы с С. Зуевым начали сотрудничество с европейскими центрами подготовки менеджеров в области культуры. Привлекали их специалистов по культурной политике (администраторов, консультантов, преподавателей) для участия в наших региональных школах и семинарах. Рефлексия результатов этой работы снова дала осознание неэвристичности чисто консультационных работ, ибо во многом они сводятся либо к чисто управленческим играм, либо к *социальному акушерству*, о котором говорил наш любопытный американец на пароходе. Кстати, очень хорошая тема, показывающая ограниченность всей этой проблематики.

– *Окидывая внутренним взглядом сказанное тобой сегодня о культурной политике, я замечая, что мне более понятно то, что относится в ней как культуре, чем как политике. Поэтому еще раз о том понимании политического, из которого ты исходишь.*

– Да, по поводу политики. Мы хорошо понимаем, что в тот момент, когда начинает формироваться какая-то новая область практической деятельности, все понятия, привлекаемые из прошлого и со стороны для ее осмысления, должны переопределяться. Ведь понятие культуры во всех четырех, выше названных смыслах культурной политики разное, и понятие политики тоже, по-видимому, разное. Я не готов сейчас дать подробную развертку понятия политики, но чувствую, что мы о политике говорим в раз-

ных смыслах. Так что приходится пока пользоваться старым понятием Георгия Петровича, согласно которому политика есть рефлексивно-коммуникативная надстройка, возникающая в условиях невозможности управления. Приходится признать, что проблематика взаимоотношений политики и управления, политики и власти в методологии пока еще недостаточно проработана.

– И последний вопрос чисто методологического свойства: ты по-прежнему считаешь, что схематизм воспроизводства деятельности, трансляции и реализации культуры является базовым для методологии и что он – в свете твоих же культурно-политических изысканий – не нуждается в переосмыслении и переопределении?

– Я пользуюсь этим стандартным схематизмом, хотя внимательно в свое время читал вашу с Георгием Петровичем дискуссию по научно-технической политике 1969 г., где ты выстраивал возражения против упрощенного понимания взаимоотношений воспроизводства, трансляции и реализации. Но, честно говоря, никаких сверхпринципиальных выводов для себя из этого не сделал.

А вот что касается проблематики исследования культуры внутри линии культурно-политических разработок, то я вижу ее, по-моему, достаточно хорошо. Тут для меня важны, как минимум, три основных контура размышлений.

Первый контур задается двумя традиционными представлениями: культуры и природы, с одной стороны, и культуры и цивилизации, с другой. Я считаю его исторически сложившимся уже в греко-римский период и, полагаю, что его содержательное ядро, продолжая транслироваться сквозь всю европейскую историю, сохраняется до сих пор.

Второй контур задан, по меньшей мере, четырьмя трактовками культуры, которые также можно выразить,

прибегая к оппозициям: это – телеологическая/казуальная, интегративная/дифференцирующая, коллективистская/индивидуалистическая и, наконец, массовизирующая/квалифицирующая трактовки. Разумеется, в каждом конкретном случае они могут присутствовать в смешанном виде.

И, наконец, поверх того, что относится к первым двум контурам, проступает самая важная, на мой взгляд, проблема, о которой я уже упоминал, а именно, соотношение функциональной и морфологической трактовок культурных феноменов. С одной стороны, культура понимается как чистая функция (аналитически привязываемая к проблеме нормы); с другой, имеет место чисто формологическая трактовка культуры, выражающаяся в элементарном перечне языковых, бытовых, трудовых и прочих практик, когда все без исключений становится культурой.

На мой взгляд, все вопросы, связанные с перечисленными альтернативами, были поставлены и, так или иначе, отвечены уже в начале XX века, в связи с критикой тейлоровского описания культур. Возникший из этой критики структурно-функциональный подход к описанию и пониманию культуры и общества, радикально сфокусирован на проблеме функциональности. Но этому подходу, как и другим гуманитарным наукам, не хватает логики и методологии описания «функциональных вещей».

– Поскольку на сцене нашего диалога замаячили социологи, мой следующий вопрос будет о форме их привлечения в культурно-политические изыскания.

– Через понятие социокультурных реализаций. Если мы зафиксируем пространство МД и отображение в нем социального пространства и культуры, то сможем рассматривать МД и культурные реализации в социальном пространстве, ввести такое представление о социокультурной сфере, где «культурное» и «социальное» интегри-

ровались бы между собой через МД процессы. И сюда приглашать социологов и привлекать социологическое знание – для создания больших массивов описаний таких социокультурных стяжек.

– *При условии, что эти социокультурные стяжки происходит через МД?*

– Да, и здесь мы вновь возвращаемся к тому фило-софско-антропологическому пониманию, которое у меня сложилось благодаря движению по выготскианской линии, и которое в моей мысли предшествует социально-культурной проблематике.

«Я вырос в архиве ММК»

– *На Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого 1996 г. я оппонировал А. Тюкову, заявившему в качестве главной теме институционализации методологии, и попытался развернуть вопрос о различных фигурах идентичности методолога. Если тебе не чуждо это различие, то каково твое понимание институциональных перспектив методологии и в чем состоит твоя собственная фигура методологической идентичности?*

– Я, без сомнения, считаю это чрезвычайно важным вопросом, причем не только в социокультурном, но и в историческом поле, вопросом, требующим спокойного, длительного описательного и исследовательского отношения.

К сожалению, из первого набора ШКП мне не удалось выпустить ни одного исследователя, который занялся бы историей и современным состоянием методологии, в частности, процессами ее институционализации и профессионализации. Единственный, кто по складу ума мог бы им стать, это Егор Никулин. Но в силу жизненных обстоя-

тельств он занялся проектированием образовательных процессов (что, в общем-то, не совсем его стезя).

Так что в настоящее время работа в этом направлении ведётся по двум линиям: это – издательская деятельность (два тома трудов Г.П. Щедровицкого, а также состоящий из его неопубликованных работ номер «Вопросов методологии») и создание компьютерного архива ММК. Замечу кстати, что в ближайшее время в Архив будут попадать только авторизованные самим Г.П. Щедровицким тексты.

Что касается моей методологической идентичности, то должен сказать, что *я вырос в архиве ММК*. И мое отличие от многих других методологов заключается в том, что я достаточно много читал материалы Архива, причем целенаправленно читал именно тексты дискуссий, а не законченные в той или иной мере работы. До сих пор я, можно сказать, ни одного текста Георгия Петровича всерьез не прочитал, а прорабатывал, в основном, его высказывания в дискуссиях, и только в связи с ними некоторые его тексты.

Думаю, именно поэтому у меня сформировалась достаточно терпимое *политопическое* представление о методологическом движении и его содержании.

Следующая особенность моей позиции состоит в том, что я пытаюсь, где и как могу, использовать *ресурсы методологического движения*. Я считаю, что это именно ресурс и что – при всех многочисленных отклонениях, вплоть до клинических, которые наблюдаются в среде методологов, – с этим ресурсом можно и нужно работать.

– *И в чем же состоит стратегия твоей работы с доступными тебе методологическими ресурсами?*

– Теперь я работаю с ними в основном регионально.

Мне давно стало ясно, что проводившиеся в Москве методологические съезды постепенно переставали быть

всероссийскими и отчетливо становились региональными. Наблюдая за тем, что происходит с теми методологическими группами, с которыми я работал и работаю в регионах, я замечаю, как они, пусть медленно и наивно, но самоопределяются-таки в новых социокультурных и политических условиях.

Я вижу, как минимум, три направления регионализации методологической работы.

Первое и самое массовое – это канализация методологических усилий в сторону тех или иных образовательных институтов, вплоть до создания собственных структур (вроде Академии бизнеса и банковского дела в Тольятти). Условно говоря, до трети участников методологического движения – в его низовом слое – сегодня работают в сфере образования. Появление в школах ставок методолога – не единичный случай, а повсеместное явление.

– *Ставка школьного методолога? Честно говоря, для меня это новость!*

– Да, не говоря уже о показательных случаях (вроде Дмитрия Иванова, работающего штатным методологом Школы самоопределения в Москве), так работают десятки людей за пределами Московской кольцевой дороги. Между прочим, в ряде школ можно увидеть на дверях таблички «Лаборатория методологии» или «Сектор методологии».

Здесь, правда, надо заметить, что многие школы в связи с давлением рыночной экономики фактически превратились в более универсальные по своим задачам *образовательные центры*, обслуживающие систему дистантного образования или систему повышения квалификации. В таких центрах появление методологических служб и функций не вызывает сомнения.

Вторая, меньшая по составу, группа методологов (включая выпускников ШКП), ушла в бизнес-кон-

сультирование, или в сам бизнес, но бизнес рефлексивный. Это не торговля, конечно, а обслуживание финансовой деятельности, освоение и создание новых финансовых инструментов (для нужд той же самой торговли или, например, городского развития). Что касается деятельности консультирования, я ее считаю очень перспективной.

– *Эвристически это понятно, поскольку на рынках интеллектуального труда на этот вид деятельности есть спрос. Но только ли?*

– Нет, и я могу объяснить, почему так считаю.

Что такое консультирование? Это работа с *трассами знаний, обслуживающих управление*. Если уж мы заявили в свое время, что управление – это, прежде всего, работа с системами знания, и дали ее эпистемологический портрет, то стоит продолжить эту линию, сказав, что консультант – это тот, кто превращает знание и трассы его движения относительно управления в предмет своей деятельности. В самом простом случае консультант просто переносит знания из одной ситуации в другую.

Чем занято, по сути, огромное число консультантов (и на Западе, и у нас в России)? Они оформляют знания о средствах, прецедентах или ситуациях управления, и переносят их из одних сфер деятельности в другие. Таким путем консультанты становятся носителями и распорядителями достаточно сложных знаний, специалистами, работающими в рамках высоких типов управленческой деятельности, таких как стратегическое планирование, программирование, сценирование и пр.

Поэтому в любой социокультурной сфере, где есть спрос на управление (а потому и на консультационные услуги), важно знать, каким образом консультирование в качестве социального института и типа деятельности, может

быть вписано в институты и типы деятельности, присущие данной сфере.

– Однако обычно считается, что знание первично производится в сфере науки, а распространяется в сфере образования. Ты утверждаешь, что консультирование берет на себя какую-то часть функций образования?

– Да, этот процесс начал отчетливо наблюдаться на Западе (прежде всего, в США) сразу после второй мировой войны. Там весь фронт опытного консультирования развернулся в сторону образования, и возникла сфера *обучающего консультирования*. Консультанты стали дублировать профессоров, компенсируя недостатки образовательной системы.

И сегодня большинство западных консультантов фактически учат, тренируют, а не помогают в принятии решений.

Обратившись к ситуации с управленческим консультированием в нашей стране, я должен сказать, что этот ход (от практического консультированию к обучающему) здесь не пройдет. У нас в целом другая институциональная ситуация: считается, что у нас консультанту легче прижиться в существующих уже образовательных заведениях, промышляя там работой по повышению квалификации и получая за это свои маленькие деньги.

Однако, консультанты, попавшие сюда из сферы повышения квалификации, переподготовки и второго образования, энергично вытесняются консультирующими вузовскими профессорами и сотрудниками научно-исследовательских институтов, восстанавливающими здесь свои старые позиции.

Сегодня приходится признать, что большинство из тех, кто получили первичную методологическую подготовку, работать в качестве практических консультантов просто не могут. Их спросят, например, санировали они

хоть один завод, и вопрос будет закрыт. А обучать они не могут еще и потому, что как социальный институт повышения квалификации сегодня сильнее, чем любые методологические акции.

Но все-таки методологическая линия и перспектива в консультировании есть. И десяток-другой людей, получивших методологическое образование и накопивших опыт практического консультирования в разных областях управленческой работы, постепенно сформируют собственно методологический формат этого типа деятельности и станут признанными специалистами. В этом смысле я могу сослаться на пример Тимофея Сергеева, который одновременно работает и как консультант, и как проектировщик-менеджер, или Олега Алексева, имеющего уже большой опыт муниципального консалтинга.

И, наконец, есть еще малочисленная группа методологов, ведущих собственно исследовательскую работу. Их и в столицах буквально единицы, а на региональном уровне и того меньше, там таких людей удержать не удастся. Но и тут, и там небольшие группы могут позволить себе (или поручить кому-то) поддерживать разного рода исследовательские программы. По идее, надо было бы (и, быть может, в этом смысл следующего Методологического конгресса) опубликовать исследовательскую программу, включающую, кроме обзора методологического движения, перечень исследовательских проблем. Так мы могли бы повлиять на конституирование этого третьего сектора методологического движения.

– Вопрос об исследовательской программе, намечающей наиболее перспективные направления развития методологического дела, время от времени возбуждается кем-то из причастных нему, но тут же повисает в воздухе. И даже если, как случилось на Методологических конгрессах, какие-то достаточно интересные проблемы

предлагались к разработке, никакого встречного движения со стороны коллег-методологов в направлении их обсуждения что-то не наблюдается.

– Да, я тоже не вижу людей, готовых и способных заняться такой работой. Хотя и считаю важной подготовку большого числа работ по различным методологическим парадигмам. В свое время ориентировал на это Егора Никулина, Светлану Табачникову и других людей, но пока мы не имеем ничего.

Более того, я сейчас веду переговоры с Пьером Бурдые о том, чтобы он написал предисловие к сборнику работ Г.П. Щедровицкого по социологии и культурологии. Он не знает русского языка, но есть посредник, который готов ему переводить. Бурдые отказался писать, так как ему – как он сказал – это сложно. Но хотелось бы найти для начала человека из «крупника», который бы мог это сделать. А затем уже можно было бы начать набор компаративных работ, например, «Г. Щедровицкий и Ю. Хабермас» или «Г. Щедровицкий и П. Бурдые».

– Это был бы очень высокий уровень сопоставлений, а есть более низкий и, по-моему, более доступный: сопоставление по отдельным методологическим конструкциям. Например, многоплоскостное строение знание у Г.П. Щедровицкого, с одной стороны, и поверхности/серии Ж. Делёза, с другой.

– Я в свое время написал несколько компаративных работ по Выготскому: «Л. Выготский и З. Фрейд», «Л. Выготский и И. Ильин», но они остались неопубликованными. Более того, я их никому не показываю, потому что они, как мне теперь кажется, очень слабые. И уже тогда мне было ясно, насколько это сложно.

Возвращаюсь к твоему вопросу. Мне пока не удалось найти кого-то, кто мог бы написать что-либо осмысленное о сравнении хотя бы одного понятия или конст-

рукции (я мучил по этому поводу Валерия Подорогу и других людей). А то, что можно было бы сделать на уровне слабо артикулированной герменевтической техники, где можно соотносить все что угодно и узнавать все что угодно, мне неинтересно. Нужна хотя бы одна работа по поводу какого-либо конструкта, какой-либо системы размышлений, которая убедительно показала бы параллельность или близость сравниваемых вещей.

– Может быть, все дело в том, что привычные формы организации усилий методологов (семинары, игры и т.д.) не способствовали приобретения навыков к полноценному интеллектуальному сотрудничеству (и между собой, и, что еще очевидней, с представителями других профессионализмов)? Как в этой связи ты относишься к возможностям сетевой самоорганизации методологической активности?

– Я всецело тебя поддерживаю по поводу желательности развития методологических сетей, по поводу новых, более развитых форм кооперации методологов (между собой и с представителями других профессиональных позиций), но мой опыт показывает, что происходит это очень тяжело и медленно.

И в этом смысле наши с тобой многолетние отношения, быть может, единственный пример, притом не кооперации, а терпимого параллельного движения с взаимной подпиткой. Все мои попытки вступить в кооперацию с людьми моего поколения привели к страшной ревности и уходу из ситуации предложенного сотрудничества. Почему? Понять я этого не могу, могут только догадываться.

Что касается уровня региональных методологических групп, то в отношениях с ними складывается что-то вроде дистантного сотрудничества. При всей их разношерстности, например, калининградской группы, и массе

проблем в общении с нею, они, в общем-то, признают меня в качестве организационного и идейного лидера. И то же самое для ряда других региональных групп.

Я смотрю на это как на естественный процесс. У меня в планах добраться до Екатеринбурга, до Иркутска и более плотно работать с Питером, где уже есть, как минимум, три методологические группы, не связанные пока между собой.

– Недавно я обратился ко Л.П. Щедровицкому за помощью в создании собственного рабочего электронного архива и, может быть, специального рабочего стола для него. Я хотел бы иметь такую возможность работы с собственными текстами и телекоммуникации с коллегами, чтобы метаязыком этой операционной системы был методологический язык. Или, во всяком случае, язык методологически интерпретируемый. В надежде, что есть всегда такой человек, которому это будет интересно.

– Я думаю, что здесь будет две группы продуктов.

Первый, условно говоря, учебный продукт, ориентированный на учащихся и на тех, кто осваивает методологические ресурсы. Этот продукт может быть достаточно стандартизованным, но его стандартизация, на мой взгляд, является функцией лидера какого-то методологического сообщества. Продвижение в этом направлении будет происходить достаточно медленно и не без понятных трудностей. И это придется обсуждать долго и подробно.

Второй продукт – индивидуально-ориентированный архивный комплекс. На самом деле мне нужен *свой* архив – созданный другими мне не нужен. И он у меня есть, хотя страшно неорганизованный, и в этом он ничем не отличается от стеллажа Георгия Петровича (или моего), потому что только я знаю, где там что хранится. В нем с трудом систематизируется и даже ассимилируется даже тот материал, который уже хорошо организован, не говоря уже о

кусках других архивов. И я не знаю, что с этим делать. Может быть, мы уже умрем, а еще не будет никаких суперсистем, которые позволили бы такие вещи делать. Вот у меня портативный 586-й компьютер, там у меня фактически все мои тексты, я как-то в них ориентируюсь, правда, иногда трачу часы, чтобы найти какой-то файл, но в принципе я в них ориентируюсь. А параллельно происходит то, что у меня происходило в библиотеке: вытаскивал один файл, я по дороге читал другой и удивлялся.

То, что будет происходить с одинаково методологически организованным архивом, о котором ты говоришь, мне трудно себе представить. Кстати, то же самое и с консультантами. Я думаю те, кто будет заниматься реальным консультированием, будут создавать под себя индивидуализированные экспертно-консультационные системы, подогнанные под специфику их авторизованной практической деятельности.

Конечно, вполне можно было бы сделать некую компьютерную методологическую сеть, телеконференции и т.д. На самом деле здесь нужен какой-то моторный молодой парень, который начнет создавать эту новую для нас среду.

Что касается архива Г.П. Щедровицкого в его нынешнем состоянии, то я больше всего заинтересован в том, чтобы параллельно готовились к изданию следующие тома по разным темам и направлениям. Кажется, Г.А. Давыдова подготовила том по языкознанию, а Л.П. Щедровицкий – тома по антропологии и психологии. Но я-то думаю, что если у таких томов не будет, условно говоря, авторов, то мы будем ждать их выхода еще сто лет. По идее, может быть стоит разбить весь авторизованный материал на блоки, предложить котировку для выпускающих редакторов тома, а к предварительной работе подключать кого-то из

вторых людей. Ну, а дальше... садиться самому и становиться главным редактором.

– Это – дела архивные. А если вновь вернуться к возможной исследовательской программе, какие проблемы ты назвал бы первоочередными?

– В первую очередь, исследование самого ММК. Я считаю, что нам просто необходимо издать маленькую книжку под названием «Московский методологический кружок». В частности, потому, что, по моему мнению, единственно доступный вход для западного читателя в проблематику ММК – это вход через его социально-культурную форму. Грубо говоря, все знают, что такое Римский клуб, но мало кто читал, что они там делают. То же самое и здесь. Нам, может быть, и не так нужно, чтобы они читали наши тексты, но они же не знают, что такое ММК. Поэтому необходимо описание тех социально-культурных форм, в которых возник ММК, и развивалась его деятельность; описание, выдержанное в очень точных тонах, чтобы не происходила синонимизация его облика ни с шестидесятниками, ни с диссидентами, ни с кем-то еще. Это – одна из главных проблем.

Я много раз обращался к разным людям, писались какие-то планы, но пока, увы, этого нет, как нет. Такое издание про ММК должно быть упреждающим введением в предмет, должно быть оснащено хорошим аппаратом (фотографиями, списками участников, важнейших конференций и симпозиумов, разветвленной библиографией и тому подобными вещами), оно должно выйти в свет до того, как мы переведем и издадим работы сами работы Георгия Петровича. В противном случае он будет воспринят неадекватно – как структуралист или еще черти кто.

– А что будет с методологическим конгрессом? Он похоронен окончательно?

– Нет, но для этого нужна новая организационная форма коммуникации, кооперации и взаимодействия. Я считаю, что она должна быть скорее публично-демонстрационной, чем докладно-академической. Я сейчас думаю над тем, чтобы провести в разных регионах несколько разных методологических съездов. Но для этого надо туда приехать с развернутой исследовательской программой. Я чувствую, что ни я, ни многие другие к этому еще не готовы. А раз так, то зачем кого-то собирать? Ну, приедут, посмотрят и скажут: а из-за чего весь сыр-бор?

Давай делать это осенью или весной следующего года, выводя в публичное пространство несколько таких географических и проблемно-тематических точек.

Приложение. Вопросы, предложенные П.Щ. для интервью

1. Обстоятельства создания Школой культурной политики. Мотивы выбора этой номинации. Дискуссии того времени в Союзе кинематографистов. Темы культурной и образовательной политики в ОДИ до момента создания ШКП.

2. Основные этапы раскрутки темы культурной политики: циклы лекций, игры ... публикации.

3. Культурная, образовательная и гуманитарная политика.

- Их взаимопереплетения, конверсии.
- Понимание термина «политика» в контексте этого триединства.
- Связь этих трех политик с политикой развития (прорыва, освоения ...).

- Связь с проблематикой человеческого капитала, потенциала с политикой человеческого развития.
- Связь с политичностью как таковой.
- Политика как метаигра, снимаемая в других, более развитых играх.

4. Философия культуры, культурология и культурная политика.

- Схема трансляции и воспроизводства культуры. Ее обусловленность происхождением из двух контекстов: педагогического (отталкивание от методического подхода в педагогике?) и естественное/искусственное (естественный язык и АЛГОЛ?). Культурологизация схемы (в частности сближение ее с концептуалистикой социологии культуры; например, с концепцией культурного образца). Основные линии трансформации этой схемы.

- Принятые, складывающиеся и проектируемые институциональные формы культурной политики сегодня.

- Актуальные проблемы *прямой и публичной* культурной политики: какие?

- Прямое личное участие в культурных инициативах, проектах или их поддержка (в том числе, *в чьих и с кем?*).

- Живые интуиции, метафоры... о культуре?

5. Философия (и педагогика) свободы.

6. О методологии.

- Взгляд на методологическое движение, коли таковое есть...

- Мнение о возможности и целесообразности модернизации основных методологических конструкций, схем... (в частности, путем сближения с «посторонними» схемами и конструкциями, например от М. Фуко, П. Бурдьё или Ж. Делёза).

- Мнение о целесообразности обсуждения на следующих Чтениях или Конгрессе вопросов о методологических *конвенциях*, корпоративной этике методологов.

Состоится ли встреча с самим собой?*

Идея беседы с П.Г. Щедровицким возникла после того, как я окончательно утвердился в решении остановить издание журнала, во всяком случае, в его нынешнем виде. Впервые желание остановиться возникло после расширенной редколлегии 1995 года («ВМ», N 1-2, 1995), на которой «самые продвинутые» методологи отказали редакции в реальной помощи, ссылаясь на отсутствие у журнала содержательной концепции, продюсера-менеджера и пр. в том же духе. Принимая критику, я остался при убеждении, что методологи, – если, конечно, они продолжают считать себя таковыми, – не ставят перед собой задачу развития «аппарата теории МД» (П. Щедровицкий в беседе с О. Генисаретским, «ВМ», № 3-4, 1997). Но если никто этим не озабочен, если сообщество атомизировалось, а движение, утратив первоначальные цели и энергию, себя исчерпало, то – зачем журнал? Тем более, не будучи методологом, я отдаю себе отчет в том, что в иной ситуации, при другой постановке дела некоторые из публикуемых сегодня статей отправлялось бы авторам на доработку, а какие-то и вовсе в корзину...

Так или иначе, номер журнала 1999 года – последний. А потому, помня, что в первом номере была опубликована наша беседа с П. Щедровицким («Кто мы, откуда, куда

* Первая публикация – «Вопросы методологии», № 1-2, 1999 г.

идем?», № 1, 1991), мне захотелось отметить завершение цикла жизни журнала повторным интервью с ним, сформировавшимся – по его собственному признанию – в «архиве» ММК. К тому же предстояли две, разделенные несколькими месяцами, «родственные» юбилейные даты: 40-летие ПГ и 70-летие ГП.

Замечание для «внешнего» читателя: будучи давно и близко знакомы, мы с Петром очень скоро стали обращаться друг к другу на «ты» и решили сохранить эту манеру в публикуемой ниже беседе.

М. Хромченко

Люди длинной воли

– Петр, в своем заочном выступлении на IV Чтениях памяти ГП ты проблематизируешь наличие методологической школы как таковой, и наличие общих целей, по крайней мере, у последней генерации его учеников. Каковы основания такого утверждения?

– В последние три-четыре года своей жизни Георгий Петрович постоянно возвращался к одному и тому же вопросу – утрате целей, как им лично, так и в рамках методологического движения в целом. Он обсуждал эту тему с разных сторон. Часто говорил: «Цели потеряны, потому что я всего достиг».

Прежде всего, цели, поставленные им в середине 50-х гг., а если брать экзистенциональный план личных целей, то даже раньше, в конце 40-х – оказались реализованными.

С другой стороны, ситуация в стране и мире изменилась настолько, что ранее поставленные цели оказались неадекватны. Это, скорее, указывает на проблему нового исторического самоопределения методологии.

В-третьих, цели – как специфическая организованность мыследеятельности (МД) и воли, особый масштаб, задаваемый мыслью, – оказались недостаточно обеспечены энергией.

Быть может, ГП и знал, что делать, но сам этого сделать уже не мог, устал, у него не было больше сил. В мыслительной рамке масштаб не превращается в цель; а остается неким неисполнимым требованием к чьей-то деятельности. Если я не могу этого сделать, то зачем мне цели?

В «признаниях» ГП в начале 90-х гг. в разных пропорциях присутствовали все три аспекта. Я считаю, что в наследство методологическому сообществу никаких проектов, программ и целей не оставлено. До начала периода ОД игр, ММК «проскакивал» многие этапы своей работы, оставляя «за собой» гениальные прозрения, намётки, контуры того, что надо было проработывать. Никто на этом не задерживался. А если и задерживался, пытаюсь оформить выдвинутые идеи более подробно, как, например, В.М. Розин, то выглядело это очень скучным.

Как-то ГП рассказал мне, что А.А. Зиновьев однажды предложил публиковать лишь оглавления будущих книг: тому, кто понимает, оглавления достаточно, а другим и текст ни к чему. С этой точки зрения историю ММК можно представить в виде набора оглавлений ненаписанных книг. Возьмись кто-нибудь написать их сегодня, получится такая скукотища, которую вряд ли будут сегодня читать, разве что в рамках исследовательских работ, как археологию мысли. В таких текстах не будет энергии, духа.

– Продумывая свою личную историю в связке с историей Кружка, ГП еще в 70-е годы как-то заметил, что ему изменили все.

– Но не потому, что не приняли его целей. Может быть, они их не поняли или не вынесли тяжести их реализации, масштаба деятельности. Кстати, идея масштабирования – одна из основных, над которыми я размышляю в последние годы. На мой взгляд, это важная логико-методологическая характеристика МД.

Что означало принять цели? Перенести их в том же виде в ту или иную предметную область нереально. Значит, речь идет о переоформлении: необходимо так масштабировать МД, чтобы сохранить дух и порыв, меняя содержание в соответствии с направлением конкретного движения.

В этом смысле все поколения ММК оказались вне целевого контекста, заданного ГП. Первые – по причине скорости движения мысли в Кружке, «оглавленческого» характера работы. Последние – в силу реализованности базовых идей, программ и смены социокультурной ситуации.

Этот важный момент я хочу дополнить двумя сообщениями.

В начале небольшое отступление. Я стараюсь осторожно и внимательно относиться ко всем, кто какое-то время прожил в методологическом сообществе, помня известные слова о том, что «других писателей у нас нет» и тезис О. Генисаретского о «безотходном мотивационном хозяйстве». Независимо от моего или нашего отношения к этим персонажам, все они – люди длинной воли!

В юности я часто ходил следом за отцом на лыжах. Лыжники знают, что мужская дистанция – не 5-10 км, а 25-50. Неважно, как ты прошел первые пять – самое трудное начинается на последних километрах. Способность идти на «длинные дистанции» – т.е. выходя за рамки спортивной метафоры, сохранять рефлексивность, целеустремленность и осмысленность каждого шага – способность редкая, даже уникальная. Кого бы мы сейчас не вспомни-

ли – Б. Сазонова или В. Розина, В. Лефевра или В. Дубровского, Ю. Громыко или С. Попова – они, при всех различиях, идут на длинную дистанцию. Очень опасно оценивать их по наблюдаемым извне, часто незаконченным, действиям, что встречается у людей «поспешных». Надо стараться детали, которые выносятся в публичное пространство или даются через какую-то привходящую информацию, рассматривать в разных контекстах.

Могу сказать, что никто ничего не потерял. Вообще еще ничего не состоялось, рано о чем-либо говорить. Например, никто не может оценить влияния многочисленных текстов, в том числе учебников, которые пишет В.М. Розин. Я могу по-разному относиться к нему и содержанию того, что он пишет, но должен понимать, что, спустя несколько лет, читая лекции студентам, начну сталкиваться с тем, что они учатся по его книгам. Я могу, как угодно относиться к идее «метапредмета», но отдаю себе отчет в том, что с упорством, достойным лучшего применения, Ю. Громыко его построит, реализуя свою идею. Совершенно непонятно, где и как, в какой форме это проявится в дальнейшем.

Свой горизонт целей, которые они реализуют при всех взлетах и падениях, есть у каждого участника ММК.

– Бесспорно, что «выпускники» ММК, как бы они себя сегодня ни называли – философами или культурологами, социальными инженерами или педагогами – оснащены СМД инструментарием. Но озабочены ли они «дальнейшей разработкой этого аппарата»? В беседе с О. Генисаретским ты отвечаешь на этот вопрос отрицательно. Означает ли это – если с тобой согласиться, что история развития СМД аппарата завершилась, а если и возродится, то через десятилетия или даже столетия, как греческая философия?

– Нет, не означает. Никто пока не сказал, что будет развивать методологию, разворачивать аппарат теории МД! Но это не значит, что у кого-то из бывших членов Кружка нет рефлексии, в которой отрабатываются методологемы, относящиеся к СМД подходу или пакету теорий МД. Есть большая разница между тем, что я или кто-то другой делаем целенаправленно, и тем, что получается по ходу движения в силу наличия многоуровневой, более или менее обыскуственной рефлексии. То, что Ю. Громыко докладывал на IV Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого, по многим аспектам может быть отнесено к интересующему тебя моменту.

Итак, я высказал два, казалось бы, противоречащих тезиса: никто не несет на себе прежних целей, и мы имеем дело с людьми длинной воли. Поэтому совершенно не ясно, что именно развернется в их деятельности.

Есть масса любопытных пересечений. Один из моих учеников как-то сказал, что его коллеги по финансовой компании говорят на «нашем» языке. Значит, есть некий слой людей, вовлеченных в пространство «МД языка, в том числе поколение, знакомое с СМД подходом и ГП по книгам. А это – совершенно новый феномен, с которым предстоит разбираться: что они читают, что понимают из прочитанного. Как говорится, процесс пошел. И очень трудно сегодня произвести его ревизию и оценку.

Замечу, что когда идешь на 25 км, бессмысленно смотреть, кто и как идет рядом – это лишь сбивает с толку. Поэтому людям длинной воли присуще нечто вроде исторического цинизма, или рейнджерства, когда приходится исходить из того, что всех остальных – убили или могут убить, что они отстанут или не выдержат напряжения, а тебе надо дойти до финиша. Конечно, в решении конкретных вопросов можно рассчитывать на чью-то поддержку, но реально опираться можно только на свои силы

и возможности. Мы же воспитаны в традиции интеллектуальных единоборств.

– *Открытого ринга?*

– Да, хотя большинство из тех, кто провозглашает открытый ринг, работают в «неконтактной» форме, ведь в единоборствах убивают. Поэтому каждый рассчитывает только на себя и на близкое окружение, которое не будет подвержено всей совокупности искушений, например, ложной автономии. Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой. К размышлению над ней меня подтолкнула, в частности, одна из последних, проходившая пару лет назад, «семейная» игра по осмыслению опыта ШКП. Все дни я задавал себе вопрос: что я вижу в своих учениках?

Я давно пришел к выводу, что в схеме шага развития должно быть не два топа – прошлое и будущее, а три, имея в виду будущее-1 (ближайшее) и будущее-2 (отдаленное). «Ближайшее будущее» есть не только результат переноса некоторого опыта, материала и форм из прошлого, но и проекция движения из будущего-2 в будущее-1. Это принципиально другая схема. Чтобы понять, кто есть я, надо сопоставить моих учеников – с Георгием Петровичем. Только в таком повороте можно ответить на вопрос, чему я у него научился. Я могу обладать какими угодно личными техниками – это результат моей индивидуальной истории. Вопрос в том, что из этого набора воспроизводится. И потому, думая о Юре Громыко, я на самом деле думаю о Диме Дмитриеве. В нем весь Юра! Сам по себе он – уникальное, не воспроизводимое «образование». Что в нем есть реального и что воспроизводится, видно в его учениках. И потому, думая о Сергее Попове, надо увидеть Тимофея Сергеева. Именно в учениках заметно то, что мы сами реально взяли у ГП.

Это очень непростой вопрос. Последнее время я размышляю над тем, имею ли право набирать новых уче-

ников? Стал ли я другим в плане возможного воспроизводства? Глядя на выпускников ШКП, я лучше, чем кто бы то ни было, понимаю, где не доработал, что мне не удалось сделать или что я сделал неправильно.

Меня мало волнует, что обо мне говорят. Как-то один из студентов ШКП прибежал с «выпученными глазами» после семинара С. Попова, на котором подвергли критике мою игру в Ростове Великом (зима 1991 г.). Я заявил там программу игр по образованию, кто-то рассказал об этом Попову, а он устроил образцово-показательный «разнос», уверяя своих слушателей, что у меня никогда и ни за что не будет какой-либо программы. А чего стоит его статья в твоём журнале о «протезировании менталитета»?!

Знакомясь с такой критикой и помня о длинной воле, я всегда и всерьёз думаю о реальных реализациях. Не о том, как мы надуваем щеки: «я разрабатываю социальную инженерию» или «я строю культурную политику», а о том, что удастся реально – в учениках, текстах, проектах. И во многом другом, потому что ни для кого из нас не проблема написать книгу. Но прочтут ли ее? А если прочтут – что вычитают?!

Однажды Сергей сказал мне, что мою брошюру о топике игры можно дочитать лишь «до скрепок» – вторая половина не читается. Я запомнил это на всю жизнь. И когда сейчас что-то пишу, все время думаю: а не дочитают ли этот текст только до «скрепок»? Точно также я спрашиваю себя: кто прочтет и что вычитает в книгах В. Розина или Ю. Громыко?

Для людей с длинной волей это – ключевой вопрос: на каком-то шаге ты начинаешь сталкиваться с последствиями своей собственной деятельности. Помнишь конференцию, посвященную 10-летию ОДИ? Я не могу забыть, как на последнем заседании ГП оглядел зал и произнес:

«Облить бы вас всех бензином и сжечь»!.. Вот реальная драма! Потому что есть замыслы, есть энергетика реализации, а есть... Любое действие движется энергией заблуждений! На языке методологической теории деятельности – любое действие возможно лишь в пространстве закрытых рамок. Дальше предстоит самый тяжелый момент – встреча лицом к лицу с последствиями своей деятельности. Конечно, от этого можно уйти, списав все на естественноисторический процесс или на агрессивные обстоятельства. Но нет, будь любезен, рассматривай всё, как сделанное тобой, и ответь себе честно: хотел ли ты этого? И готов ли за то, что сделано, нести реальную ответственность?

Признаюсь, что ругались мы с Сергеем Поповым много раз. Структура наших отношений была силовой структурой дружбы-вражды: каждый имел свою силу, и она была аргументом взаимодействий. А разошлись мы – глубоко – в тот момент, когда я дал оценку перспективам Школы игротехников, в создании которой сам же и участвовал. Отчетливо помню, когда и как это произошло: шел семинар, обсуждалась иркутская игра, Сергей «распекал» одного из игротехников за отсутствие пресловутой рефлексии. Вдруг я отчетливо, зримо, увидел ту личностную структуру и схему воспроизводства, которая начинала складываться... Меня она явно не устраивала. И расхождение стало принципиальным. Не исключаю: промолчав, мы допустили ошибку – наше расхождение должно было стать предметом публичной дискуссии и рефлексии.

– На мои вопросы о причинах ваших расхождений, – а я считал, что при этом каждый из вас как агент развития методологии становится слабее, – и Громыко, и Попов отвечали: вначале нам надо обрести методологическую самодостаточность, а для этого на какое-то время разъединиться, двигаться своим путем.

– Тогда придется обсуждать другую тему: в чем суть Другого в МД? Что есть Другой? В какой степени Ю. Громыко, С. Попов и С. Наумов были другими по отношению ко мне, я – по отношению к ним, и все мы – по отношению к ГП? Вспомни две позиции в схеме МД и ответь на вопрос: каковы условия, при которых эта разнопозиционность действительно может быть представлена на разных людях? Что мне спорить с Поповым, когда он, по сути дела, такой же, как я?

А можно вспомнить «Диалоги» Платона: во многих из них – особенно ранних – нет никаких диалогов, один сплошной монолог. Другой в них – марионетка, который задает «удобные» вопросы и принимает запрограммированные ответы. И у Галилея нет диалога: во многом это позиционно-функциональная растяжка одной позиции, одного мировидения, одной точки зрения.

– Но разве Попов не противопоставлялся тебе, когда писал о «протезировании менталитета»?

– Нет, конечно! Я задаю более серьезный вопрос: не есть ли т.н. методологическое сообщество лишь одна мультиплицированная позиция, демонстрирующая – в лучшем случае! – различие понимающих, рефлексивных и реализационных моментов одного и того же типа МД? На мой взгляд, нюансы можно разглядеть лишь под лупой. А стоит изменить масштаб рассмотрения, как выяснится, что это – одна позиция. Более того, только в целостности многообразия ситуационных реализаций на разных группах, на конкретных людях – и различий материала понимания, который зачерпывается разными участниками в силу того, что они читают разные книги и включены в разные коммуникативные контуры, эта позиция обладает неким объемом, некоей МД релевантностью. А если брать отдельно того же Громыко, не удерживая периферийным зрением

Попова или меня (себя я не выделяю), то и нет никакой особой позиции – так, нечто неопределенное!

– Усомневая наличие «других» в методологии, станешь ли ты также оценивать ситуацию в философии, в физике?

– Не знаю. Я не хочу давать оценок, я пока задаю вопросы. Может быть, то, что каждый из нас все время разыгрывает из себя некую самодостаточную единицу, и есть симптом того, что никакой целостностью мы пока не являемся? А являем собой лишь проекции некой целостности? И в этом смысле нет никакого «открытого ринга», о котором ностальгически вспоминает Анатолий Тюков и ёрничает Александр Зинченко – его собственная история и вовсе «подканатная»... Экая смелость – бой из-под каната! Но отнесемся к этому не коммунально, не психологически – постараемся отнестись онтологически.

– Но в таком случае, говоря о целостности методологии, можно вспомнить только ГП?

– И его нельзя, потому что и он не был самодостаточен вне той «машины», которую сам же на каждом шаге своего движения создавал. В одной ситуации он эту целостность держал, в другой – не удерживал. С Зиновьевым не смог разобраться, с Лефевром... Поэтому я предлагаю отнестись к схеме МД всерьез, причем не теоретически всерьез, а оргдеятельностно.

Вновь вернусь к тексту Попова о протезировании. Что в нем заметно? Во-первых, страстное желание дистанцироваться от методологии. Сама идея отрыва ОДИ от методологии, фактически, есть провозглашение способа отделения – автономизации. Причем, отделения индивидуально-психологического. Вот уж, действительно, самопротезирование!

Во-вторых, в этом тексте есть три сюжета, три мысли (по содержанию довольно банальные). Автору систематически прописать их не удастся – не хватает объема,

понимания целого. Нет ни начала, ни конца, а где-то в середине зияют «проплешины» – в эти места он вставляет полемику со мной в форме критики и разбора моего интервью. Делается попытка заявить несколько тезисов, которые не удается прописать. И это – всё.

Я тоже иногда так поступаю: когда не могу систематически развернуть какую-то идею, начинаю писать в духе полемики с кем-либо. Это может быть ситуационно оправданно.

В своем докладе на Чтениях-97 Олег Генисаретский назвал меня «фреймером» или «фрамужником». Не могу не согласиться: я действительно исхожу из того, что сущность чистого мышления есть смена рамок, которая в философской традиции получила одну из технологических интерпретаций в идее трансценденции. Суть чистого мышления – не в интенциональности, не в представлении, не в схематизации, а в смене рамок.

Но если теперь вернуться на шаг назад и взглянуть на нас сквозь призму идеи воспроизводства, то... да, конечно, мы все «снимали» какие-то фрагменты техники мышления и рассуждения с ГП, его влияние огромно. Но в большей степени мы снимали проекцию с той целостности, которая была представлена Кружком, Игрой... Мы вынимали оттуда некую часть, приспособивая ее к себе, брали соразмерное нам самим и разное, затем начинали достраивать эту «проекцию» до новой «личной» целостности. Так случается с профессиональным лучником: развивая в себе одну способность, он со временем начинает постоянно щуриться одним глазом.

Эта разность проекций в нас сама по себе очень любопытна. Но более важно другое: то, что мы берем и присваиваем – часть, проекцию, план – мы немедленно объективируем в картине мира. И потому можно сказать, что из всей методологии Сергей Попов понял только схе-

матизацию, ее на себе простроил и ее объявил сущностью методологии. А что еще он может объявить, если всего остального не понял? Юра Громыко взял за основу метод восхождения в его достаточно сложной логико-методологической форме, и потому он из всех нас наиболее глубок. Я взял рамочность, которая тоже есть проекция, несу эту идею на себе и именно ее объявляю сущностью мышления.

И при этом, напоминая, есть длинная воля и собственная дефектная ведомость. Мы же понимаем и свою силу, и свою слабость, и соотносим себя с другими – кто больше, кто меньше; кто-то боится признаться себе в своей слабости, кто-то признается легко, зная, что всякую слабость можно превратить в силу.

Говоря сейчас о мыследеятельности, я подразумеваю коэволюцию ее редуцированных структур со вспышками-событиями собирания целостности МД и последующим ее распадом. Какое-то время МД существует в инобытии частных и частичных реализаций, сохраняя в своих отдельных морфологических элементах совокупность материально закрепленных возможностей собраться вновь и равно возможность аннигилирования. Более того, названная возможность собирания в целостность относится к любой из различных частей и элементов МД.

Представь себе киношного киборга-3: как из его отпавших фрагментов тут же вырастают целостные, маленькие киборгнята – такие особые части целого, способные и успевающие достраивать, доразвивать себя до новых целостностей. Или – не успевающие. Ведь процесс воспроизводства должен быть еще вписан в более широкую социокультурную ситуацию: она такому «строительству» либо способствует, либо не способствует.

– А персонажи первых генераций ММК тоже брали лишь часть и ее, достраивая, несли?

– Конечно. И в этом смысле каждого из нас, как некую «единицу», можно считать результатом личного проекта: мы сами себя проектируем. А соразмерность подобного проекта контексту реализации есть условие, способствующее – или не способствующее – достраиванию себя до целого. Проект либо состоится, либо нет. Первые генерации жили в других контекстах (иные и вовсе оказались в других странах), и то, что они снимали, а затем реализовывали, было принципиально другим. Они в других горизонтах видели свое будущее и другое считали значимым в том, что делал ГП или все они вместе. Все генерации ММК – это совокупность живых примеров состоявшегося-несостоявшегося. У нас, четвертой, были свои, особые рамки и свое самоопределение.

К слову, на меня большое впечатление произвел рассказ нашего знаменитого спортсмена, борца вольного стиля А.В. Юркевича. Когда создается новая команда, все обычно сводится к соперничеству двух лидеров, представителей двух разных школ. Но ни один из них, замечает Юркевич, чемпионом не станет – им станет кто-то третий, «серый», которого в первый момент, когда ребята гурьбой приходят к тренеру, ни за что не выделишь. Именно он «снимет» с каждого лидера часть техники и соберет в такую конфигурацию, которая позволит ему победить остальных.

И если теперь представить всех нас как рейнджеров, то у каждого есть шанс и победить, и проиграть, но боремся мы не с каким-то внешним Другим, и не с обстоятельствами – каждый борется с самим собой. У кого-то хватает сил, кто-то уходит – в шизофрению, депрессию, сектантство, или в обустроенную профессиональную нишу – в образование, бизнес, управленческое консультирование.

– И все же... Когда-то ГП (цитирую тебя) сказал юному неопиту, пожелавшему стать методологом:

«Молодой человек, в этой стране методолог уже есть – это я!» С тех пор «малая история» ММК завершилась, ГП не стало, да еще все мы попали в принципиально иную социокультурную ситуацию. Так что же реализовал ГП – если целостной методологии, с твоей точки зрения, нет? И в чем он сегодня продолжает жить: в издаваемых трудах? в Чтениях? в учениках, которые во внешнем мире предпочитают умалчивать о своем методологическом происхождении?

– Продумывая возможные повороты нашей беседы, я не придумывал «послания» кому-то и не исключаю: то, что я сейчас проговариваю, столь же преждевременно и непонятно, как и то, о чем я говорил тебе в 1991 году.

Некоторые выпускники ШКП попадают в ситуацию, вынуждающую их вспоминать обо мне. Помнят они меня всегда, но нынешний рынок заставлял их как бы «педалировать самостоятельность», которой – по охвату мышления, по определенности действий – на самом деле еще нет. Но в какой-то момент выясняется, что ссылка на меня повышает гонорар... Отношение к учителю всегда очень сложное, особенно в наших социокультурных условиях, вне традиций цитирования, академических ссылок, традиций ученичества.

И на твои вопросы я отвечу резко и грубо: в тот момент, когда ссылка на ГП будет увеличивать почасовую оплату, все б... немедленно начнут на него ссылаться! Чего сейчас они практически не делают. Я никого ни в чем не хочу уличить – лишь подчеркну, что никто из учеников ничего не сделал для издания трудов ГП. Почему? Потому что период «подростковости» еще не завершился: если не все, то большинство, продолжают самоутверждаться. И постоянно меняющийся социальный контекст как бы длит эту подростковость: только голову подняли – опять все поплыло... И всё, что они после выхода из Кружка завое-

вали, опять ничего не стоит. Деньги зарабатывать надо: а как? а чем? Кто ты, не социализированный ни в одной профессиональной сфере, не владеющий никаким признанным ремеслом? Увы, имя тебе Никто, и звать тебя Никак – страшная штука.

Такова одна из характеристик нашей ситуации. Вторая связана с тем, что парадигматика СМД методологии в культуре еще не выделена.

– Кем не выделена? ГП не выделял? Вспомним хотя бы посмертно изданный второй том его трудов, названный «Философия. Наука. Методология». Или тезисы Александра Буряка на третьих Чтениях об общей методологии и частных философиях...

– Интересно, говоря это, ты в каком временном горизонте об этом думаешь? Когда это случится? Почему ГП говорил про 200 или 300 лет развития методологии? Да, ГП парадигматику выделял, постоянно делал определенные усилия для этого. Но далеко не у всех есть столько сил и времени, чтобы на каждом шагу, этим заниматься.

Давай поставим вопрос иначе: при каких условиях и в каком масштабе выделяется парадигматика таких образований как СМД методология или методологическая теория деятельности? Обрати внимание, ты говоришь: философия и методология, или – наука и методология. Но не методология и, скажем, кристаллография? Физика, химия или биология – все есть науки. А еще есть методология. Ничего себе замах! И демонстрируется такой замах перед младшими научными сотрудниками Института истории естествознания и техники. Где те сотрудники, где тот институт?.. Сколько должно пройти десятилетий или столетий воспроизводства способа мышления и деятельности, способа самоопределения, трансляции и накопления соответствующей парадигматики, чтобы в какой-то момент слова представителя очередной генерации ММК «я – ме-

тодолог» не провоцировали недоумения на лицах младших научных сотрудников?!

Меня восхищают предлагаемые Олегом Генисаретским символические формы. Какую тему он обсуждает – «фигуры идентичности методолога»! И это очень важно, потому что к тому, что с нами сейчас происходит, можно отнестись как к формированию пространства разных идентификаций, лишь совокупность которых создает поле, или зону, существования методологии и, вместе с тем, место для парадигматики. Олег и без разговоров про МД мыслит мыслительно: не приговаривает, не говорит про это – он МД подход демонстрирует, предьявляет.

И когда мы встаем на такую – популятивную – точку зрения, у нас меняется взгляд на то, что происходит с нами сегодня. Я порой злюсь, читая тексты Юры Громыко. Но в последнее время, читая его, я все больше думаю, что читаю себя – ненаписанного! И благодарю Бога (или МД, или ГП) за то, что Судьба позволила мне не делать и не писать этого. Потому что не будь Юры, вдруг это сделал бы я?.. И как бы мне потом было больно и обидно. Не потому больно, что так не надо делать – потому что это не мое. Не мой путь. Но это один из путей внутри универсума методологии. Очень легко сказать: это – не методология, этот – не методолог, а вот я – надув щеки – ме-то-до-лог! Но куда эффективнее сказать, обрисовав круг: вот она, методология в ее социокультурных реализациях, в ее реальной многопозиционности и – уже в силу этого – многоконтекстуальности. Потому что понятно: в той или иной степени у этих людей – разные контексты.

Что есть наследие ГП

– В таком случае я, сменив масштаб рассмотрения, спрошу тебя, что есть наследие ГП – инструментальный или «учение»?

– Прежде всего, мы имеем дело с СМД подходом, который, извини за менторство, есть особая организованность средств мышления и деятельности. При этом я исхожу из того, что в ядре любого подхода лежат определенные категории. Ядро СМД подхода составляют категории «системы» и «МД».

Второй момент. Еще Иммануил Кант различал два типа категорий или, если исходить из функционального принципа, две функции категорий в мышлении и МД. Одну он называл конститутивной, другую – регулятивной, понимая при этом, что одни категории регулируют способы нашего мышления, отвечая на вопрос «как мыслить?», а другие выступают в качестве строительного материала для конструкции объекта, или, иначе, конституируют устройство противостоящего нам мира, определяя структуру объекта, онтологическую картину.

Затем критика метафизики (конец XIX – начало XX вв.) и субъект-объектных отношений привела к пониманию, что мы имеем дело не столько с двумя типами категорий (и в этом смысле с противоположностью устройства объекта и организации мышления), сколько с особой организацией пространства мышления и деятельности, в которой одни категории организуют мышление и умозрение, а другие структурируют картину объекта. И хотя любая категория по содержанию может выступать и в той, и в другой функции, в любом локальном рассуждении, в любой законченной системе представлений прослеживаются обе функции, и может быть установлена некоторая их связанность.

Поэтому можно исходить из того, что для ГП и ММК в целом категория системы длительное время регулировала способ мышления, а категория МД (поначалу в своей редуцированной форме – в форме представлений о деятельности) указывала на объект. В самом общем виде

утверждалось, что окружающий нас мир есть мир МД, или, если двигаться в исторической последовательности, мир мышления, мир деятельности и мир МД, а мыслить о нем надо системно. Я оставляю в стороне нюансы перефункционализации, потому что, опираясь на развитый аппарат рефлексии и рефлексивного мышления, мы можем ее производить постоянно, что и делаем.

Можно сказать, что происходит постоянное «перемалывание» содержания с одной доски, на которой лежат регулятивные категории, на другую – объектную, онтологическую, и наоборот. Поэтому всю историю философски-спекулятивных исследований Кружка можно представить как взаимное обогащение этих двух типов (рядов) категорий.

Положив в качестве первого предмета – мышление, взятое из материала содержащих его следы текстов, и применив к ним простейшие представления системной логики (часть-целое, связи, структуры, элементы, функции и т.д.), ММК вынужден был начать усложнять обе группы представлений. Структурно-функциональная логика, развитая в конце XIX – начале XX вв. и применявшаяся в разных областях (в химии, социологии, языкознании), оказалась дефицитной по отношению к рассматриваемому предмету – мышлению. Одновременно усложнение системных представлений (появление категории процесса, морфологии, связи, морфологических структур и т.д.) и применение их к исследуемому предмету стало усложнять само мышление, расслаивать его на совокупность процессов. В частности, уже на первых шагах в мышлении было выделено то, что не соответствовало понятию «рассуждение», а было связано, например, с процессами рефлексии, понимания и смыслообразования.

Вспомним нотную азбуку. Владимир Лефевр стал вносить в схемы замещения смыслы. Появление в структурах замещения единиц смысла расслаивало и расщепля-

ло действительность мышления, заставляя рассматривать понимающее мышление – смыслопорождение – как особый процесс, не сводимый к тому мышлению, которое бралось как деятельность.

Не вдаваясь в нюансы, можно сказать, что такое оборачивание заставляло расщеплять ранее недифференцированное мышление на много процессов. Одновременно усложнялись системные категории при переходе к той самой «пятичленке», которая сегодня уже не может, на мой взгляд, считаться наиболее развитой версией системного подхода, но в 70-е годы вполне устраивала ММК.

– Ты начал свое рассуждение со схемы МД, но она вроде бы относится к более поздним периодам работы Кружка?

– Нет, это не так. Уже в 1971-73 гг. появляется схема акта коммуникации, в развернутой форме описанная в статье «Смысл и значение». Ее исходные представления, как можно убедиться, знакомясь с архивом ММК, обсуждаются уже в конце 60-х гг. В 1973 г. ГП прочел большой цикл лекций с названием «Понимание, мышление, смысл, содержание». Ему предшествовала серия дискуссий с любопытными схематизмами, в которых акты коммуникации соотносились с символизирующими ситуации действия полуовалами – с тем, что в дальнейшем было опущено в нижний слой схемы МД. Тогда же пунктирно прорисовываются надстраивающиеся над актом коммуникации структуры, относительно которых обсуждается вопрос о появлении знаний, их связи со смыслом. Значения делятся на лингвистические и культурные, а работа в ситуации отсутствия значений и затруднений в процессах понимания соотносится с конструированием понятий и знаний. Так начинает намечаться верхний слой схемы МД, который в дальнейшем, в более поздних вариантах схемы, получает выражение в виде «доски» мышления.

История создания схемы МД, опубликованная в 1983 г. – это, конечно, своеобразный миф. Поскольку иг-

ровая практика в той или иной форме связана с массовой деятельностью, возрождение мифологии как средства регулирования массовых процессов необходимо.

При этом мы должны четко понимать, что схема МД не может отождествляться с самой МД. Речь идет именно о схеме как о результате понятийно-фокусной схематизации. Что это значит в плане метода? Это значит, что, рассматривая некое сложное явление, но, фокусируясь на отдельных процессах, мы как бы «снимаем» с него одно фокусное (фокусированное) изображение за другим. Частично это представление, хотя и в упрощенном виде, содержится в схеме многих знаний, как указание на несколько проекций сложного объекта.

Удерживая мысленным взором сложный, всегда с пунктирной границей, объект, мы снимаем с него проекции и полагаем эти, аспектно выделенные процессы и соответствующие им структуры в виде отдельного топа составного изображения. Прделав эту процедуру несколько раз, мы получаем серию фокусных изображений и находим форму сборки – обрати внимание! – в виде схемы. Но она не изображает объект, а фиксирует сам набор проекций.

Повторю, схема МД ничего не изображает – она лишь фиксирует принцип множественного существования рассматриваемого объекта. Вместе с тем, мы как бы «переносим» на нее контур того апперцептивного единства, который существовал (точнее, *пред*=полагался) в исходном объекте. Таким образом, любая схема объекта в СМД подходе – это много чего разного, а вместе с тем – одно! Единство и множественность.

При этом обрати внимание, в самой схеме МД нет единства! Она уровневая, бластная, ленточная, ее тяжи напрямую никак друг с другом не связаны. Единство, и соответствующие ему связи, как бы примысливаются позиционером, находящимся в горизонте осуществления прак-

тического действия или решения мыслительной задачи. Здесь работает методологема «систем, нарисованных на системах». Сама схема не содержит связей, она – понятийно-фокусная и, в этом смысле – схема-принцип. В отличие от связей, которые нарисует позиционер, находясь в своем горизонте, относительно своих рамок. Вместе с тем, любая произведенная им относительно данного горизонта *сборка* будет редуцированной по отношению к абстрактным возможностям схемы-принципа. Последняя строится (схематизируется), не только в объектно-онтологическом, но и в оргдеятельностном измерении – чтобы возникла широкая гамма различных позиций, осваивающих МД и тем самым конституирующих реальность МД. Эти позиции будут как бы «поверх» поля, заданного схемой МД, устанавливать разные связи в соответствии со своими рамками, горизонтами, задачами и т.д. Еще раз: связи устанавливаются, прорисовываются позиционным сознанием. Иными словами, их прорисовка – один из результатов занятия позиции.

Самое интересное то, что работа по понятийно-фокусной организации соразмерна истории ММК. Вначале методология описывала мышление как деятельность. Взяв этот, апперцептивный и гипотетически положенный объект в одном срезе, ММК действительно выявил и зафиксировал в мышлении все то, что могло быть описано как деятельность. А что осталось? То, что не могло быть описано как деятельность, но было при этом – гипотетически – мышлением!

На втором шаге своей работы ММК начал описывать мышление как рефлексию. Прodelывался тот же ход – с гипотетического объекта «мышление» было снято всё, что могло быть описано как рефлексия и рефлексивное мышление, или та инфраструктура, которая выросла на исполнении рефлексивных функций, и зафиксировано в

отдельном схематизме. Вспомни трактовку рефлексии как смены позиций.

Параллельно, хотя и с некоторым запаздыванием, они начали описывать мышление как понимание, как смыслообразование. Опять взяли одну проекцию и получили еще одно изображение. А «внутри» всё время что-то остается. Что-то вычерпывается, а что-то остается. Но уже на втором шаге появляется возможность перемножений: проблема связей процессов мышления как деятельности и мышления как рефлексии создает огромное пространство работ по их соотношению. Третий фокус – мышление как понимание – еще больше усложняет картину. А есть еще мышление как речь (как мысль-коммуникация)...

И, наконец, великая «выдумка» этого периода ММК – «чистое» мышление или то, что остается всякий раз после очередного «вычерпывания» мышления вначале как деятельности, затем как рефлексии, затем как понимания и т.д.

В нарисованной мною «картине» есть и принцип проблематизации, т.е. постоянное сохранение пустоты, неопределенности места, и принцип верстака. Предполагая, что мышление суть деятельность, мы выделяем огромный пласт мышления, которое действительно является деятельностью; предполагая, что мышление суть понимание, мы действительно выделяем все то, что в нем является пониманием или понимающим мышлением с обеспечивающим его интеллектуальным инструментарием. И всякий раз оставляем пустоту, неисчерпанность и возможность сказать, что мышление – это еще что-то, кроме...

После того, как была построена схема-принцип МД, прошла череда дискуссий по поводу того, что же располагается на верхнем этаже этой схемы. У представителей разных «эпох» Кружка было желание на это место поместить то, что они знают. Адепты теоретико-мыслительного подхода помещали туда совокупность процедур и опера-

ций, обеспечивающих развертывание знаковых систем; те, кто занимался рефлексией – ее особые варианты и т.д.

Про себя я сказал: мое отличие в том, что сутью чистого мышления я полагаю рамочность, смену рамок, а значит трансценденцию или, как писал Эрнст Блох, «перешагивание». Но я утверждаю это в рамке проблематизации, поскольку знаю, что когда сниму эту проекцию, там вновь останется...

– ...чистое мышление!

– Да. Здесь можно провести различие между онтологией и метафизикой. Первая «знает», что она всего-навсего онтология, рефлектирует свои рамки. А метафизика, не оставляя зазора между проблематизацией и утверждением о мире, производит натурализацию, или реификацию, проецируя частное и частичное знание на место объекта или онтологической картины.

Поэтому, утверждая, что чистое мышление суть работа с рамками, я знаю, что если (когда) мне удастся описать рамочность как одну из инфраструктур и один из регионов мышления, то в верхней ленточке схемы МД вновь останется «чистое» мышление как зона поиска, неисчерпанности и неоднозначности сферы мышления.

– *И этим естественнонаучный подход с его соответствующей онтологией отличается от СМД подхода?*

– Вопрос хороший, но преждевременный. Вначале надо проанализировать эпистемологические и методологические образцы оформления результатов понятийно-фокусной схематизации.

Фиксируя статус схемы МД как схемы-принципа и результата понятийно-фокусной схематизации, я должен учесть то, что это делается не одновременно, имея в виду не физическое, а деятельностное время. На каждом этапе снятия разных проекций мышления ГП и Кружок в целом ориентировались на разные логико-методологические об-

разцы и прототипы организации работы по исследованию гипотетического объекта «мышление» и оформления его (исследования) результатов. Поэтому нельзя говорить о соразмерности предмета и объекта, предмета и метода.

Когда методологи описывали мышление как деятельность, они хотели построить теорию мышления. Какую теорию? На мой взгляд, это очень интересно и важно. Менялась сама методологическая концепция теоретической работы и устройства теории. Начиная исследовать мышление, многие члены ММК (и, прежде всего, сам ГП) полагали, что это может быть оформлено как теория естественнонаучного типа. Столкнувшись с описанием процессов рефлексии и выявив роль рефлексии в мышлении, они постепенно вынуждены были сместиться в сторону теории деятельностного типа. А, обнаружив феномен понимания, вновь сдвинулись в сторону теории философского, или спекулятивного, типа.

– *Но почему все время теории?*

– Потому что сохранялся весьма живучий прототип теории и теоремы. Но уже теория коммуникации – это совсем не теория деятельности, это другой образец самого знания, также как содержательно-генетическая логика – тоже вовсе не логика.

Что же получается? По ходу понятийно-фокусной схематизации каждый фокус строится в другой методологии, т.е. другим аппаратом и в другой системе прототипов. Схема МД нарисована на доске, но, изымая одну ленточку из структуры состава, мы понимаем, что имеем дело с особой организованностью: она не рядоположена с двумя остальными – с точки зрения методологии, форм фиксации и языка. Образно говоря, нижняя строчка написана на русском языке, средняя – на французском, а верхняя и вовсе нотной азбукой. В этом смысле схема МД и гетерархирована, и гетерогенна.

Вполне представима такая задача: переписать схему МД в понятийных фокусах отдельных этапов истории ММК. Переписать все содержимое этажей схемы вначале на одном языке, затем на другом и т.д.

– *Давай вернемся к вопросу о наследии ГП и ММК в целом. Отвечая на него, ты выделил системный подход и МД. Этим можно ограничиться?*

– То, что я говорю – это моя реконструкция. Из всех учеников ГП я, «пропитанный» в архиве ММК, больше всех знаком с текстами дискуссий в Кружке. Что, на мой взгляд, следовало бы сделать ГП? Ему надо было написать короткий, буквально страниц на десять, текст «про СМД подход». В свое время я даже пытался написать такой текст за него; мало кто обратил внимание на наши с ним совместные тезисы, с которыми я выступал на 1-м методологическом конгрессе (или 5-м съезде) и которые были опубликованы в соответствующем сборнике.

О чем я? О том, что есть ссылки, а есть – сноски. И все те труды ГП, которые ныне публикуются, это сноски – все тома, тысячи страниц. К каждому слову есть своя сноска, некоторые составляют сотни страниц. И почти отсутствуют ссылки! Поле чтения было заужено относительно масштаба программы ММК и развертываемого гипертекста – одно это должно было быть программой работы большого НИИ.

– *Заужено по отношению к текстам или сделанному?*

– А к «сделанному» относится всё в целом. Но ссылки – отсутствуют, а сноски порой непонятно к чему, к какой фразе текста относятся. Поэтому трудно оценить, что же реально сделано. Непонятна даже первая рамочная вещь, а именно – куда проецировать. Грубо говоря, сноски не разделены на сноски – и «сносочки»... или «сноски к сноскам». При этом порой сноска к сноске оказывается важнее самого текста. Знаю это по своей работе: иногда я отсылаю слуша-

телей к тому или иному тексту, заведомо зная, что это сноски к сноске, но она очень важна для понимания.

Поэтому и определить, что сделано ГП и ММК, практически невозможно. Что это – наука? философия? идеология? А дальше начинаются проблемы самоопределения тех, кто, надувая щеки – «Я ме-то-до-лог!» – пытается обойти этот вопрос. И не менее серьезные проблемы тех, кто, чувствуя свою неадекватность, объявляет себя – консультантом, проектировщиком или еще кем-нибудь.

– Я еще раз, как дятел, задам тот же вопрос. Посетив после 16-ти лет своей американской жизни Москву, Владимир Лефевр, в частности, сказал (я слышал это от ГП или Галины Алексеевны, точно не помню): «Юра, ты создал новый язык». Вроде бы, признание: ввести в культуру «всего лишь» новый язык тоже не каждому, мягко говоря, удастся в жизни.

С другой стороны, я пытал ГП вопросом: на чем основана мощь, в частности аналитическая, СМД подхода в ОД играх? Он отвечал, что к тому времени был вооружен самыми мощными со времен Платона и Аристотеля категориями. Ты назвал системный подход и МД – это и есть те самые мощные категории?

– В утверждении Лефевра гипотетически предположен некий другой объект. И системность, и МД выкладываются на регулятивную доску и относятся лишь к одному блоку или, точнее, одной оси категориальной работы – блоку языков. Одновременно предполагается наличие некоего гипотетического объекта. Какого? – Объекта «Х», по отношению к которому все, что сделано, объявляется языком! Частью категории! На мой взгляд, такой квалификацией В.А. Лефевр скорее решает некий класс социальных задач, в том числе задачу собственного дистанцирования от методологии.

Что же касается ответа ГП на твой вопрос... Понятно, что он при этом делал: выделял категориальную часть подходности. Можно сослаться на целый ряд его работ по сопоставлению разных категориальных формаций.

– Ты выделяешь схему МД как одно из достижений ГП и ММК, а я вспоминаю, как на 1-м или 2-м съезде обсуждалось, что схема МД якобы закрывает дальнейшее движение.

– Тут есть одна реальная проблема. Жить в слишком открытом, почти безграничном пространстве очень тяжело – можно заблудиться... В свое время на играх ходила такая метафора. После того, как на игре по схематизации в Новой Утке Юра Громыко с Володей Жегалиным построили очень сложную многоэтажную топику и сделали доклады, у всех возникал вопрос: откуда они говорят? Метафора звучала так: люди ходят по этажам небоскреба, заблудились, высовываются в окна и кричат – Юра, ты где? а Юра откликается: не зна-а-ю... Считает из окна этажи и продолжает: кажется, я на 16-м... Но можно ли, высунувшись из окна, не ошибиться в подсчете?

Когда поле возможных перемножений – операций, сопоставлений, рефлексивного оборачивания, переброски единиц содержания или его связывания – резко возрастает, можно легко заблудиться. А схема МД лишь задает принцип множественности – ничего не собирает и путеводителем по «небоскребу» быть не может; она для другого предназначена.

По отношению к очень многим членам Кружка ГП какое-то время выполнял функцию своеобразного сталкера. На основе огромного опыта «хождения по этажам», не описанных ни в каких книгах, а лишь хранящихся в его памяти, он мог сказать: ты находишься там-то, иди туда-то, за поворотом встретишь Змея Горыныча... А люди делились на тех, кто не ходил за поворот и кто ходил и

встречал Горыныча, восхищаясь точностью предвидений ГП. И тех, кто ходил, но никого не встречал, потому что и повороты «слоились», и ГП не всюду сам ходил, да и Змей Горыныч на одном месте не сидел!

Но – вначале надо обсудить оргдеятельностное употребление схемы МД. Я остановился на том, что выстраивание отдельных процессов, их фиксация, описание и схематизация производились в разных методологических рамках, т.е. в ориентации на разные логико-методологические прототипы и с помощью разного инструментария. А теперь к этому приходится добавить еще одну линию усложнения. МД содержание постоянно зачерпывалось всякий раз одним из способов организации собственного мышления и деятельности. Можно было понимать мышление системно, и с таким же успехом – деятельностно, или деятельностно мыслить рефлексивно, или мыслить рефлексивно понимающе... Голова идет кругом, не так ли? Чем хороша традиционная теория? Она плоская. А потому в тот момент, когда мы от теории как формы схватывания отказываемся, т.е. отказываемся от монопроцессуального рассмотрения, переходя в эту пульсирующую топку пересечений, связей, наложений, взаимных компенсаций и взаимного вытеснения разных процессов, тут-то с головой действительно начинает происходить нечто несусветное.

– *Что же спасает?*

– Техники философски и методологически организованной рефлексии. Но вернемся на шаг назад. Что утверждалось о МД на уровне общего подхода? Что она не просто выступает как матрица для прорисовки поля возможных объектов или онтологии – она еще и реализуется.

– *Становится реальностью?*

– Переход к утверждению о реальности МД возможен только с принятием рамки ОДИ, которая и есть *имя* некой специально очерченной, оконтуренной реальности,

в которой реализуется идея и принцип МД (точнее, МД организации). Только в ОДИ – больше нигде.

– *А в нашей повседневности?*

– Нет, конечно. Только в искусственных условиях ОДИ! Отсюда аналогия игры с экспериментом. «Пустота» есть имя несуществующей реальности: если выкачать воздух из емкости, возникнет «вакуум» как совокупность экспериментальных условий, в которых воплощаются закономерности свободного падения, имеющие вне этих условий идеальный характер. Так и с ОДИ: игра есть искусственно созданное локальное пространство, рамка экспериментирования, где реализуются определенные механизмы, процессы и их связки, выраженные в идее МД.

Точно также сегодня можно сказать, что на каждом шаге развития МД представлений создавалось искусственное поле условий, где они реализовывались. На одном этапе работы Кружка коллектив разнопредметных специалистов рассматривал якобы один и тот же объект, то есть мышление, с разных сторон, реализуя принцип и «схему многих знаний». На другом этапе выстраивалась квазипрактика обучения мышлению как деятельности – именно в этих и только в этих экспериментальных условиях (именуемых учебной задачей) реализовывались представления об операциях и процедурах мышления.

Если теперь поставить задачу рассмотрения схемы МД как чертежа реализации, превращения схемы МД в набор чертежей различных машин МД, то это будет означать принципиально ее перерисовать.

Тут есть одна хитрость. Мы можем подойти к подобной задаче формально, как, скажем, к геометрической – создать корпус чертежей для каких-то мыслительных машин. При этом следует понимать, что отнюдь не все они были реализованы по ходу эволюции Кружка. А если взять историю реализаций, и попробовать нанести ее на

карту схемы МД – как пути и трассы «географических открытий», то выяснится, что реализованы разные сегменты, фрагменты, связки, да еще разного объема и конфигурации. Одну такую конструкцию слепили в работе по инженерно-психологическому проектированию, другую реализовали в обучении рефлексии, третью – в ОДИ.

Тем самым мы не имеем – объективно, в истории (тем более в «малой истории» ММК) – полноты реализации вариантов МД. Мы не имеем точных «чертежей» реализованных МД конструкций. Такую работу никто не проводил. Более того, все эти реализации были обусловлены случайными, ситуационными причинами. В различных ОД играх точно также реализовывались некие частные конструкции, возникающие в рамке идеи МД, но не тождественные самой схеме в ее развернутой форме. Такого соответствия и быть не может: перед нами – схема-принцип, а не изображение и не проект некоей конкретной МД.

Возвращаюсь теперь к одному из твоих вопросов. Да, конечно, представители разных поколений ММК несут на себе частные методологические технологии. Поскольку они формировались на разных этапах работы кружка, то несут на себе «родовую метку» наиболее в то время развитой технологии. Иногда это – авторские технологии: та МД структура, которую они на себе вырастили, не тождественна той, которую другие могли присвоить в ходе кружковой работы и обучения. Одно – заимствовали, другое – достраивали, и каждый – своё.

Еще один шаг. Если теперь начать трактовать схему МД не как лежащую на онтологической доске, а как рамку и оргдеятельностный прототип проектирования разных МД машин, то, что происходит с системным подходом? Ведь сама идея системности – это, во многом, результат развертывания мыслительного инструментария, призванного обеспечить сборку разнородного содержания в одной дей-

ствительности. А мы теперь развалили схему на серию чертежей, каждый из которых ориентирован на построение особой машины МД. Что происходит с системным подходом? Отвечаю: его необходимо переинтерпретировать в ресурсный! Системный подход – это натурализм в квадрате, ресурсный – прямое продолжение деятельностного.

– Как совместить колоссальный масштаб проработки двух указанных категорий с твоим же утверждением об «оглавленческом» характере движения ММК?

– Очень просто. Если бы каждый свой шаг ММК оформлял и, к тому же, совершал по образцу академической науки XIX века, то любой десятой части одного шага было бы достаточно для появления научной школы со своим основателем, своими традициями, огромным сводом литературы и т.д.

– Но все мы люди своего времени. С той лишь разницей, что большинство в нем и останется, и лишь единицы реализуются в будущем – как Маяковский: «я к вам приду»... Только не сразу, а спустя десятилетия или столетия. Как Платон, как Аристотель.

– Реальность истории мысли – это группы людей с более или менее выделенной лидерской функцией и огромная черновая работа по созданию сносок и ссылок. Вне такой организации никаких гениальных прозрений в истории мысли не бывает. Помнишь, как у Стругацких? Упырь. Не бывает... Не будь Сазонова, Дубровского, Генисаретского, Розина, а потом Громыко и Попова – не было бы и ГП. И не будет. Если десятки людей не впишут историю и находки Кружка в исторический контекст, невозможно будет ответить на вопрос, что он сделал и сделал ли вообще что-нибудь – такова драма мыслительного самоопределения. Времени на то, чтобы что-то делать и при этом рефлексировать, что ты делаешь, в более широком культурном и историческом контексте, у людей обыч-

но не бывает. Приходится выбирать: либо одно, либо другое. Поэтому ГП – делал, а наша задача, если мы претендуем на статус его учеников – вписать это в историю. В том числе собственной работой, также не имеющей аналогов, прототипов и предыстории...

То, что сделано ГП, можно сопоставить с трудами современных философов, которые на грош придумают, а потом всю жизнь об этом пишут, зарабатывая степени, звания и регалии. И при том никогда не пишут о методе своей работы! Это – экономически не выгодно: реализуя метод в материале, они продают на интеллектуальном рынке только результаты своей работы. А потому, методологически проанализировав тексты даже хороших современных мыслителей, выясняешь, что содержания там – на одну страницу.

Надо отдать должное социальному подвигу ГП. Вместо того, чтобы пойти по привычному, накатанному пути надувания щек, он прорывался вперед, не заботясь о своем социальном признании и о формировании социальной идентичности. Хороший образ: он не тратил времени на поиск места на кладбище. Хотя в конце жизни переживал, что... не стал академиком... Он потратил немало сил на создание этого нелепого комитета СНИО по СМД методологии и ОД играм. Но это уже на склоне лет, на фоне усталости и... ожидания социальной реакции. А смолоду прорывался, не обращая внимания на то, что о нем говорят.

Впрочем, так было всегда: право быть услышанным – и еще жестче, право говорить о предельных вопросах зарабатывается очень дорогой ценой.

– На мой взгляд, мало сказать, что ГП не заботился о признании: предельно искренний в содержательных дискуссиях, он словно бы нарочно делал все для того, чтобы закрыть себе дорогу в философское и научное сообщества. Почему-то же когда «бунтаря» Зиновьева приняли

в Институт философии, ГП по-прежнему не пускали в МГУ; еще тяжелее его ситуация стала после скандала с «корифеями» от философии и социологии и исключения из партии. И на что мог ГП рассчитывать, произнося перед блюдущими политес учеными сентенции типа «наука умерла» или что она «будет жить вечно, но занимать во-о-т такое малюсенькое место»!.. Удивительно ли, что оппоненты переносят отношение к ГП на его учеников и после его смерти: порой даже библиографические ссылки на работы ГП грозят соискателям научных степеней провалом на защите.

– У ГП есть работа о социально-семиотических функциях произведения искусства, это конец 60-х, когда обсуждались проектирование, дизайн, а заодно, естественно, и весь художественный мир. В этой работе есть любопытный тезис: произведение искусства создается за счет скандала! Пока не нарушаются традиции, ничего не происходит, но как только автор разрушает норму, причем делает это сознательно, эпатируя публику и весь художественный мир, эти нормы воспроизводящий, тогда-то и начинает разворачиваться скандал, который завершается тем, что вызвавший его продукт художественного творчества помещается в Музей. Занимая в нем определенное место, он впервые превращается в произведение искусства – именно как нарушитель нормы. Спустя какое-то время это произведение само становится классикой, нормой, норму начинают копировать, она входит в культуру.

Так, на мой взгляд, происходит не только в сфере искусства – в культуре в целом. И есть разные способы нарушения норм – с соблюдением или нарушением этикета, общепринятого политеса.

Антропология схемы МД

– Давай сменим ракурс беседы. Вне зависимости от того, приняло «сообщество» цели ГП или нет, заявленная им программа живет своей жизнью. И тебя он воспитывал как продолжателя своей содержательной жизни. Так кто же ты, ПГЩ, сегодня? Считаешь ли себя ответственным за объявленные ГП столетия, принял ли их как свою задачу и свои цели?

– Я, конечно же, методолог. Но проблема не в том, чтобы мыслить некий шаг физического времени в сотню лет. Проблема в том, что каждый день необходимо прожить как последний, словно он хранит в себе энергию всех лет. Карлос Кастаньеда говорил: «Так живет воля». Что касается меня, то до замаха на двести лет я еще не дошел, но в масштабе 50-70 лет живу.

– За годы, что я тебя знаю, ты то входил в семинар, то выходил, то вроде бы заботился о продолжении методологических традиций, о «школе», то уходил в консалтинг, в политические технологии.

– Это ерунда. Моя реальная траектория действия и жизни непрозрачна и непонятна смотрящим со стороны, людям, не погруженным в лабораторию мысли. Подавляющее большинство учеников не включено в реальное проектирование с его реперными точками, содержательными ядрами и рамками, которые позволяют длительное время удерживать цели, смысл и направленность действия. Это гигантская проблема – передать кому-то понимание целостного действия.

Что же касается твоего вопроса, то очень важно с самого начала попасть в хорошую кампанию. Мне в этом отношении повезло. Не говоря уже о семье, я учился в хорошей школе: при всех перипетиях нашей истории большинству моих одноклассников удалось сохранить свою самость – независимо от того, чего они достигли в жизни.

Тут еще порода очень важна. Со мной в классе учились Марина Голенищева-Кутузова, Петя Пастернак, Володя Богданов, Катя Тоом, внучка Павла Антокольского и дочь Леона Тоома, Марина Мигдал, Варя Мясищева... Это создавало особую плотность среды, настрой общения.

А еще я очень рано, с 10-го класса, вошел в Кружок. Я помню встречи с Александром Пятигорским, доклады Владимира Лефевра, т.е. я застал отголоски «героического периода» ММК, условно – до ухода второй генерации. При этом я не был отравлен психологизмом третьей генерации, постоянными выяснениями коммунальных, хоть и содержательно обоснованных, но конфликтов.

– *Повлияло ли посещение Кружка на выбор института?*

– Я не выбирал институт. На одном из бабушкиных дней рождения Виталий Дубровский, глядя на меня, задумчиво произнес: «Интересно, как ты будешь выходить из своей ситуации»? А на мой вопрос, в чем она заключается, ответил: «Ну, как же, с одной стороны, тебе надо будет создать что-то свое, с другой – продолжать дело ГП». Отец чуть вилку в Дубровского не швырнул, стал яростно возражать, но я тот эпизод хорошо запомнил. На какой-то период это, действительно, стало моей проблемой: продолжать осваивать методологию, учиться у ГП, стараясь понять глубинный механизм его движения – и одновременно отделиться от него.

А поступление в институт регулировалось простым социальным расчетом: в МГУ из-за фамилии могут не принять. Идею поступать на новый факультет педвуза подсказал Никита Алексеев, который там работал. Помощи мне не потребовалось: нас, мальчиков, было всего шестеро, и когда после первых двух экзаменов я набрал девять баллов, меня поздравили с поступлением.

– К вопросу о воспитании: ГП рассказывал, как включил тебя в список докладчиков на конференции в Свердловске, как раз родился Павлик...

– Я хочу написать историю обучения кого-либо из моих учеников, например, Егора Никулина, одновременно предложив ему написать о том же: я убежден, что в этих историях значимыми окажутся совершенно разные события.

В моем самоосознании важной вехой была именно реплика Дубровского. Кроме того, я всегда стремился быть первым. Когда я понял, что не смогу стать чемпионом Москвы по лыжам, они утратили для меня всякую привлекательность. В школе мы издавали литературно-художественный журнал, куда я писал стихи. Но с тех пор, как я убедился, что даже в моем школьном окружении есть люди, которые пишут лучше меня, я не написал ни строчки. Это не мое...

А еще меня очень интересовала семинарская компания, где все были намного старше меня. Я посещал семинары дважды в неделю. Один – системно-структурный – проходил в академическом здании рядом со станцией метро «Октябрьская», второй – на квартире у ГП на Петрозаводской. На дорогу приходилось тратить не меньше часа. До сих пор помню этот жуткий, переполненный 233-й автобус в семь часов вечера... Мало чего понимая, я высиживал какое-то время на диванчике в углу и выскальзывал на кухню, где гоняла чай пара-тройка «семинаристов», которые, судя по всему, пребывали в таком же состоянии, как и я. Но продолжал ездить, приглядывался, прислушивался. Конечно же, я входил в методологию отнюдь не через содержание – через кампанию. Плохо помню, что обсуждалось, но как сейчас вижу Олега Анисимова, который на каждый семинар приносил написанный «томик», вру-

чал ГП, тот листал, приговаривая: «какой вы, Олег, молодец!» – и тут же помещал на самую дальнюю полку...

Задавая контекст рамки личного действия, надо понимать, что МД представления заставляют нас говорить скорее о преимуществах по отношению к мышлению, в этом смысле – о наличии программно-проектного потенциала в слое мышления и достаточной локальности (региональности) производимых действий. И если пользоваться схемой МД для анализа моей индивидуальной истории и моего действия, то можно сказать жестко: при всей его фрагментарности и региональности, все это было элементами и реализациями определенной интеллектуальной программы. В этом плане я двигался в слое мышления очень последовательно, разворачивая одно основное направление.

– И когда была сформулирована эта программа?

– Надо четко понимать, что между ситуациями жизне- и мыследеятельности любого конкретного мыслителя и содержанием его представлений имеется определенная связь. Когда неомарксисты рассматривают идеи Маркса как реализацию его позиции в буржуазном обществе середины XIX в., или когда мы связываем переход от до-критического к критическому периоду в работах Канта с конкретной болезнью автора, или когда мы задаемся вопросом, почему Фихте именно таким образом рассматривал проблемы «замкнутого торгового государства», мы обязаны удерживать план конкретной индивидуальной истории каждого из названных мыслителей.

В этом смысле можно сказать, что моя интеллектуальная программа началась с момента моего рождения, и основные мотивы моего мышления в каком-то плане инициировались моей жизненной ситуацией.

В частности, вспоминая «выпад» Дубровского, могу сказать, что исходной для меня была проблематика самоопределения. Я готов расширить этот контекст и ска-

зять, что для многих представителей моей генерации вопросы самоопределения были ключевыми. И не были таковыми, как ни странно, для предыдущих генераций. Не потому что они не самоопределялись, а потому что сам контекст их самоопределения был устроен иначе. Учитель был моложе, и в отношениях – в коммуникации и общении – присутствовали эгалитарные моменты, своеобразное «псевдоравенство». Не было такого массива текстов и парадигмальной рефлексии, было ощущение присутствия у истоков неких идей и программ, а потому не столь жестко воспринимался вопрос об авторстве. И не было ясного пространства для автономной позиции: ни в предметных областях, ни в самой методологической работе этот вопрос тогда не мог быть адекватно поставлен.

Поэтому я считаю, что наша генерация была вынуждена иначе мыслить самоопределение. Оно превращалось в подлинную проблему – в плане как реализации, так и рефлексии. И в этом смысле можно сказать, что пространство МД, которое я начал обустраивать, должно было решить эту задачу.

– В какой момент ты понял, что будешь методологом?

– Не сразу. Например, ситуация с поездкой в Свердловск была сугубо личностной. Я выбрал в качестве темы для курсовой работы «целеобразование», читал «Логические исследования» Традленбурга о понятии цели, писал текст, получалось плохо. И вдруг ГП объявляет, что от нашего имени отправил тезисы для публикации в сборнике конференции по теме «Логика научного поиска». Я вознегодовал: «так не делается, я ничего не писал», а он меня успокоил: «мы же твою тему в контексте программирования не раз обсуждали»... Делать было нечего: тема заявлена, мосты сожжены, и как человек ответственный, я начал готовиться к своему первому докладу перед взрослой ауди-

торией. Катастрофа постигла меня в поезде: перед сном я рассказал ГП содержание доклада, выслушал очевидную критику, все у меня тут же развалилось. Но проснулись мы в Свердловске, а на следующий день я вышел на трибуну... Из всей этой истории на будущее я вынес один вывод: надо себе доверять! Не замыкаться со своим ничтожным содержанием, быть открытым, потому что ты можешь производить некое интеллектуальное содержание, пусть даже наивно, но не глупо. Это был не доклад сына ГП – это был первый доклад Петра Щедровицкого.

Кстати, совсем иначе случилось в Тбилиси, на студенческой конференции по психологии: мой доклад все время переносили, я нервничал, подходил к организаторам, они отвечали – «нэ сэйчас», а в последний день сказали – «нэ здэсь». Официальная часть закончилась, коридорами университета мы прошли на кафедру психологии. Я открываю дверь и вижу – накрытый стол, во главе сидит шеф, который делает мне знак рукой: говори! Прангишвили помоему, совсем не слушал того, что я говорил, но когда я замолчал, сказал: «Дастойный сын дастойного отца»!..

А история, которую я всегда вспоминаю с особой нежностью, началась с того, что я сам себя назначил председателем Научного студенческого общества (НСО) факультета. Прежний уходил, я предложил ему себя, он вынес мою кандидатуру – единственную, других-то дураков не нашлось – на обсуждение. В ту же минуту меня единогласно утвердили. Спустя месяц или два я, приученный в ММК к мобильности и общению, почувствовал жуткую скуку: не покидая стен института, мы варились в собственном соку. Тогда я взял бланк НСО и написал письмо примерно такого содержания: «Уважаемые товарищи! Получив Вашу информацию о проведении в такие-то сроки научной студенческой конференции на такую-то тему, мы для участия в конференции рекомендуем того-то и того-

то». Места проведения конференций я определил по карте, сроки по календарю, темы конференций – исходя из собственных интересов и наших семинарских обсуждений. Разослал писем пятнадцать и, что самое фантастическое, получил шесть ответов: «В соответствии с тем, что такая-то конференция проводится в такие-то сроки, Оргкомитет приглашает для участия следующих студентов»...

Захватив приглашения, я отправился к проректору института по научной работе. Он выслушал меня, уткнувшись в свои бумаги, и сказал: «Наши студенты на научные конференции не ездят!» Я на голубом глазу возражаю: только что прошло заседание Ученого Совета по вопросу об активизации работы научных обществ, а как же ее активизировать без общения? Он помолчал, впервые взглянул на меня – в его глазах я все про себя прочитал – и как отрубил: «Если Фаина Израилевна разрешит – поезжайте, я возражать не буду!» И опять уткнулся в свои бумаги, будучи твердо уверенным, что разговор закончен: легендарная Фаина Израилевна была... главным бухгалтером института, а какой же главбух выделит деньги на командировки студентам?! Я это тоже понял, но купил букет и отправился на прием. Что уж на нее повлияло, знать не знаю, но деньги нам выделили, и мы съездили – в Ленинград, в Киев, Тбилиси, Ереван. Где только мы не побывали!

Я познакомился с массой разных людей, опираясь на них, стал проводить летние и зимние педагогические школы. На кафедре были против моей самодеятельности, вопрос о моем поведении обсуждался даже на партбюро. Я же не учился, не ходил на занятия, а, приходя, задавал вопросы и быстро понял, что лучше этого не делать. Так или иначе, но пять школ я провел, создав для приглашенных широкую среду общения; без меня они никогда не услышали бы Н.Ф. Добрынина, В.П. Зинченко, П.Я. Гальперина, В.Я. Дубровского, да и многих других. И немало тех,

кого я тогда вытаскивал в Москву на эти школы, по сей день остаются моими друзьями.

Создавая в институте свой кружок, скорее психологический, чем методологический, я наткнулся на работы Л.С. Выготского: мне необходима была отправная точка, парадигматика, мне нужно было на кого-то опереться. Я использовал имя Льва Семеновича как опору для самоопределения, создал из него искусственную фигуру, придумал «своего» Выготского, что позволило мне не «слипнуться» с ГП и не раствориться в его методологии. Потому что я понимал: не сохранив какую-то дистанцию, хоть какую-то самость, я буду лишь повторять ГП.

Работа Выготского «Трагедия о Гамлете, принце датском, У. Шекспира» и реконструируемый за ним антропологический проект были моим отправным пунктом. Именно с этой точки зрения, я относился и к психологии, и к методологии. Два тезиса, которые я затем последовательно провожу – то, что Выготский работал в действительности философской антропологии, а не психологии и, что его философско-антропологический проект не мог быть реализован в традиционной психологии и психотехниках – требовали выхода в другое пространство. Сегодня я с таким же успехом могу сказать, что философско-антропологический проект Выготского не мог быть реализован и в существующей тогда рамке методологической доктрины.

Поскольку сама идея мыследеятельности формировалась практически в тот же момент (1979-83 гг.), можно сказать еще жестче: он не мог быть реализован в рамках теоретико-мыслительного и теоретико-деятельностного подходов. Пафос философско-антропологических идей Выготского, а дальше, по сопричастности к ним, и других философских антропологов требовал – введения идеи мыследеятельности. И потому я – современник схемы МД: схема и моя личная концепция – одногодки.

Участники ММК выходили из Кружка, выбирая в качестве основного направления критики его антропологические представления, которые не удовлетворяли Дубровского, Розина, Рапппорта и многих других. Наличие развитого теоретико-деятельностного аппарата избыточно по отношению практически ко всем профессиональным дисциплинам. По отношению к архитектуре и дизайну схема проектирования избыточна технологически. Представления о мыслительной деятельности и рефлексии избыточны по отношению к педагогической деятельности, что показывает концепция развивающего обучения: традиционной педагогике до этого еще шагать и шагать.

Реальный антропологический, многогранный опыт Кружка в схемы 60-х гг. не вмещался. Попытки сопоставить опыт и схемы постоянно фиксировали их дефициентность. Критика шла по этому пункту: члены ММК, по существу дела, говорили, что в схемах теории деятельности нет человека, но не в смысле паршивого гуманизма – в них нет места для антропологической проблематики.

– *А как же позиционность, знаменитая «морковка»?*

– Ну да, вот вам и антропология!.. Очень важная процедура – позиционирование и, одновременно, словно бы специально, уничижительная форма говорения об этом... Но смотри, что любопытно: они не могли эту проблематику обсуждать содержательно! Это могло существовать только в коммунальных формах. Это могло существовать в форме открытых писем. Это могло существовать только в форме нападок на ГП как бессменного ведущего и организатора коммуникации. И следовали конфликты, ссоры, расставания, уходы... Что означают эти уходы? Реализовать, поставить в рамку содержательного обсуждения – невозможно! И также нельзя забросить в другую комнату: нет соответствующего пространства.

Мы, четвертая генерация ММК – современники схемы МД потому, что, во-первых, она появляется сначала в простых, редуцированных, затем в более сложных формах; во-вторых, расширяется, обретая другие грани, реальное пространство нашего самоопределения, опыт которого – удачный и неудачный – резко расширяет Игру. Наконец, в-третьих, уже стучала, что называется, в дверь антропологическая проблема – не решив ее, нельзя было двигаться дальше.

Но дальше у каждого из нас – свой путь. Уход Сергея Наумова в ашрам, в индуизм – это тоже своеобразная попытка поставить и решить упомянутую проблематику.

Итак, проблема самоопределения, которая уже в рамках МД подхода и с учетом разворачивавшейся практики ОДИ, была для меня исходной. В этом смысле идеи Выготского для меня продуктивно сомкнулись с Игрой, а все вместе – с моей личной ситуацией. Когда я пишу о Выготском, я пишу о себе. В этих текстах присутствуют элементы моей рефлексии моей ситуации. Но в той мере, в какой она есть ситуация моего самоопределения, моя интерпретация «через» Выготского прорывает границы разных дисциплин и подходов, в том числе методологического, и выводит к глубинной антропологической проблеме.

А теперь надо бы вспомнить другой вопрос, поставленный на И-50 в Красноярске. Это 1986 год, сентябрь. Исходная и основная тема – создание прикладных психологических служб. В последние дни игры я сделал несколько докладов: рисовал маленький квадратик, затем более широкий с пунктирной границей, внутри маленького – ядро, и обсуждал, каким образом задача перехода от локальных практик ОДИ к созданию сети психологических служб в различных сферах деятельности заставляет пере=парадигматизировать саму методологию.

Но, обрати внимание: в тот момент рамка практики для меня была пунктирной, а прикладные психологиче-

ские службы – пустым именем для не очень понятной институциональной формы реализации более широкого круга практик. Игра намекала на практичность, но сама такой практикой не была.

– *Говорилось тогда, что ОДИ – это практика методологии.*

– Да, говорили, но тут есть одна проблема. Когда мы ставим сито с определенным размером ячеек, то всё, что крупнее, вниз не проваливается. А потому это такая практика, которая изначально отфильтровывает все то, что не может быть ею использовано и переработано. Очевидный игротехнический ход первых дней на расслоение коллектива с тем, чтобы остались... обрати внимание – кто? Те, кто по своей психологической, ментальной, социокультурной ориентации близок духу ОДИ. В определенном смысле это ход на проведение границы: «задержанные ячейками сита» сами уходят из открыто-закрытой игровой формы.

Недавно я пересмотрел свои тексты 1988 года и нашел базовый, который сейчас хочу опубликовать. Раньше он казался мне сырым, а сейчас я понял, что он не сырой, а «выпуклый» в своей наивности, постановочности. Я буквально пишу следующее: «Выготский вышел за границы психики, тем самым вышел за пределы всех возможных психотехник, обозначив потенциальное поле антропотехники, внутри которого только и мог быть реализован философско-антропологический идеал его «Гамлета». Выготский поставил вопрос о тех понятиях, конструкциях, которые могут эти антропотехники обеспечивать, проблематизировал существующий пакет гуманитарных знаний». И сегодня перед нами, как и 100 лет назад – с той же остротой – стоит задача выхода в эту (бывшую для меня пунктирной) более широкую рамку. И это будет рамка культурной политики и социальной инженерии.

Дальше я пишу: «Значит, фактически первая задача – поименовать *это*, неизвестное; это, которое еще только возникает». Но, обрати внимание, когда мы кладем эту рамку уже не как пунктирную, а как некую сферу, то по содержанию должны положить ее так, чтобы она корреспондировала с философско-антропологическим проектом. Более того, они будут достраиваться относительно друг друга. Это две стороны одной медали. Сам проект по содержанию должен быть таким, чтобы его можно было реализовать в этих практиках, а практика по своей институциональной структуре должна быть такой, чтобы в ней можно было реализовать данный проект.

С этой точки зрения, этап работы с Сергеем Поповым по экспериментированию с игровой формой органически замещался и вытеснялся идеей культурной политики. Но не было бы никакой культурной политики, если бы не было нашей с Поповым жизни в 1987-88 гг. – РАФа, БАМа, Байкала. Если бы не было принципиального, уже на игровой стадии, перехода от закрытых к открытым играм в рамках конкурса и экспертизы, куда попадал совершенно другой – социальный, социокультурный, организационный – материал. Я имею в виду именно культурную политику, а не культуртехнику, о которой неоднократно говорил ГП, и не социальную инженерию, которую в этот период начинает обсуждать С. Попов. Инженерный и технический подходы к социокультурной и антропологической реальности были мне чужды уже в тот момент в силу наличия другой рамки: философско-антропологической концепции Л.С. Выготского.

– *Инженерия и техники индифферентны к материалу, он их не интересует?*

– Может быть, интересуется, но для ответа тебе я воспользуюсь отличной метафорой из статьи Андрея Пузыря, опубликованной в «Вопросах методологии». Бук-

важные словесные совпадения удивительны, я даже хотел позвонить Андрею и спросить, читал ли он мои тексты, хотя почти уверен, что не читал. Если вникнуть в различия между майевтикой и манипулированием, то культуртехника по отношению к организованным культурам и социальная инженерия – к социальным явлениям есть (в оценке Пузыря) чистое манипулирование. Проект Школы игротехники был во многом попыткой выявить эти манипулятивные техники, переведя их в арсенал средств.

Альтернативная игротехнике идея, которую я обсуждаю с 1990 г. – это отказ от технического энтузиазма, гуманитарного технократизма. А что удерживает? Отнюдь не невозможность или контрпродуктивность манипулирования – Выготский! Причем не поздний, когда он становится таким же технократом, а ранний, который во мне противостоит и Попову, и Громыко, объединившемуся с В.В. Давыдовым.

Продумывая доклад к предстоящим Читениям памяти В.В. Давыдова, я понял, что их связка – это технократизм в кубе. А можно сказать еще жестче – отстаивание примата государственности у Юры Громыко возникает как «военный подряд на социальную инженерию в особо крупных размерах». Научить всех, мать их так, мышлению! Кстати, к этому взывает «Педагогика и логика» как проект педагогической машины. В этом смысле ГП образца 1965 г. и В.В. Давыдов 1995 г. – один человек.

Но в чем сила групповой и коллективной работы? В возможности не делать того, что делают другие! Глядя на Громыко с Давыдовым, я вижу в них – как в зеркале – себя другого. Точнее, двух других: того, которого не должно быть – и того, какой еще должен состояться, чтобы в новом качестве им противопоставиться! И в этом смысле я говорю «нет» Школе игротехники, «нет» – социальной инженерии, «нет» – этой государственной машине принудительного обучения всех мышлению.

И еще раз подчеркну, что не будь влияния трудов раннего Выготского... Вчитавшись в него, я потом начал вычитывать этот мотив у других авторов – Макса Шеллера, Мераба Мамардашвили, Иммануила Канта. Я искал у них идеи раннего Выготского, я искал идеи «Гамлета». И благодаря тому, что искал – находил. Хотя в тех же текстах можно было найти совсем иное. Например, немецкую классическую философию можно читать как основу и предтечу... национал-социализма! В ней есть и то и другое. Точно также можно сказать, что у Давыдова и Громыко в какой-то форме присутствует ранний Карл Маркс с его антропологическими идеями. Но глубинное содержание антропологического проекта ими не выявлено, «замазано» мифологией общественно-государственного единства.

Та же линия в немецкой классической философии: Кант – Фихте – Гегель... Почему Кант? Потому что он – психологист. Но антропологический замах (запал, потенциал) Канта у онтологиста Гегеля умирает. Казалось бы, можно развернуть пространство, в котором этот потенциал мог бы быть реализован. Но в итоге мы получаем пространство без запала и запал без пространства, с одной стороны – немецкую кантианскую психологию с утраченной рамкой, в этом смысле, психологизм; а с другой – гегельянское обоготворение государства с утраченным антропологическим содержанием. То есть, было и то и другое, но развилась почему-то манипулятивно-государственно-фашистская линия.

Почему? И что нас уберезет от повторения такого же пути?

– Кстати, как ты относишься к констатации Юры Громыко, что методология, не проработав комплекса понятий, связанных с представлениями о государстве и государственном строительстве, проиграла перестройку?

– Можно согласиться: да, чего-то и даже многого методология не сделала. Но дальше я спрошу: а из какой позиции это можно сделать? На Чтениях-98 Сергей Попов сказал, что концепт проектирования и программирования требует переосмысления, потому что в качестве рамки его держит не методолог, а заказчик. Так из какой же позиции можно было – и вообще можно – строить методологию государственного строительства?!

– *Вернемся на несколько шагов назад, в твой педвуз: судя по всему, говоря о себе как о методологе, ты не только ГП, но и Выготского считаешь своим учителем, так?*

– Тут получается некая «машинка». С одной стороны, наличие Л.С. Выготского как масштабной фигуры в области психологии, в работах которого проигрываются гамлетовские вопросы моего личного самоопределения. С другой стороны, ММК – два, три, а иногда и четыре семинара в неделю, с каждым годом все больше самостоятельных докладов, которые обычно превращаются в циклы из нескольких докладов в течение месяца-двух. С третьей стороны, группа студентов, которая тянет разные темы, а я вынужден их курировать, участвуя в подготовке их докладов, в чем-то опережая или предлагая своё.

Я как бы воспроизводил фрагмент методологического семинара, а потому вынужден был воспроизводить и те работы, которые обеспечивали функционирование такой «машинки». Тем самым я стал методологом задолго до того, как стал формулировать для себя отличие методологии от философии или психологии.

И, слава Богу, потому что после окончания аспирантуры развернулась совершенно другая ситуация – жизненная. Двух стипендий и денег, что давали родители, нам хватало лишь для того, чтобы сводить концы с концами: уже должна была родиться дочь Полина. Я понял, что пора начать самому обеспечивать семью. Отправился в Общество

«Знание» – великая была кормушка. Хорошие заявки разбирали доктора и кандидаты наук, оставалось то, что никто не брал, я приходил и забирал все. И читал лекции, в любом формате – от 15 минут до 3-х часов, где угодно, вплоть до Красного уголка домоуправления или на заводе в обеденный перерыв. Помню прессовочный цех, где приходилось вкладываться в три минуты – между хлопками пресса – и где я рассказывал прессовщикам и прессовщицам что-то о проблемах подросткового возраста... Тем не менее, готовился я к каждой лекции, помня о том, как Л.С. Выготский однажды на спор прочитал часовую лекцию о мороженом! Вскоре на меня, рядового аспиранта, стали приходиться заявки.

Конечно, я заимствовал у ГП какие-то элементы формы, прежде всего, публично-дидактические приемы, а форма тянет за собой содержание. Вдруг на лекции для рабочих, вставляя нечто про системный подход, я обнаруживаю, что ничего не могу сказать, ничего в нем не понял, поэтому приходится возвращаться, слушать, читать, додумывать, задавать вопросы. Это был – в работе с Мишей Гнедовским, затем с Наумовым и Громыко – период активного ученичества. Я остро чувствовал и переживал свое непонимание, ругался с ГП – как бы содержательно, но и статусно. В итоге 1982 г. стал для меня кризисным, осенью я из Кружка вышел. И вернулся уже совсем в другую ситуацию – с Поповым и в свою программу, в этом смысле – не в Кружок. Но это уже другая история.

Выйдя из Кружка, я занялся зарабатыванием денег, которых, несмотря на лекции в обществе «Знание», не хватало. Мы жили вчетвером в однокомнатной квартире ГП, выхода – никакого, потому что прописаны были в разных местах, по советским меркам общей площади было достаточно. Работая ночами, я, когда все ложились спать, располагался в совмещенном санузле, подкладывая на

стульчак нечто вроде поддона. Все тогда стало дорожать, игры не оплачивались...

– ...и ты решил проверить себя как мужчина, глава семьи?

– Да, я должен был найти приемлемый для себя способ зарабатывать деньги. И я занялся старыми книгами, на которые в отсутствие механизма ценообразования не было и не могло быть государственной цены. Каталоги букинистов процентов на девяносто старых книг не захватывали. Можно сказать, что я стал зарабатывать на знании в точном смысле этого слова. Начал с того, что стал покупать и читать книги о книгах, запоминая тиражи, что и когда было издано, что уничтожено, какие книги издавались в регионах, особенно в 20-е годы. Изучал спрос, узнавал, какие книги ценятся больше, какие меньше. В основном разбирался в определенном типе литературы, которая касалась гуманитарных наук, философии, эзотерики и т.д. Схема простая: книги покупаются и продаются, цены в разных букинистических магазинах различны, есть клиентура, готовая платить чуть больше, есть совсем уж редкие книги, которые можно продавать музеям.

Через полгода я начал зарабатывать до 50-60 рублей в день, купил машину и много чего еще, но «квартирный вопрос» не решил, не подозревая, что для этого надо просто кому-то дать взятку. Короче, за три года я заработал столько, что...

– Замечательно...

– А почему – замечательно? Это очень значимо.

– *Согласен, значимо для твоего личностного становления, как, скажем, для Попова – годы руководства стройотрядами.*

– Конечно. Но знаешь, почему? На самом деле методологом может быть только независимый человек! Лично свободный! Не желающий стать, а чувствующий и ре-

ально действующий как свободный. Деньги – лишь особое измерение свободы. Я вернулся в Кружок после того, как обрел независимость. Я мог отказаться от любого финансово выгодного предложения, если оно не устраивало меня идеологически или содержательно, и не переживать, не находя у заказчика поддержки моего предложения. Кстати говоря, с этим связана одна из иллюзий консультирования: «умный еврей при губернаторе» – ложная рамка. И потому я если кого и консультирую, то по собственному желанию.

– *Ты как бы ставишь знак равенства между консультантом и методологом?*

– Да, по принципу самоопределения. Ни тот, ни другой не должны зависеть от заказчика. Интеллектуалы, предлагающие себя в этом качестве, находясь в бедственном положении – псевдоконсультанты. Дело не в размере счета в банке – необходим уровень обеспеченности, который освобождает человека от ежедневной заботы о зарплате, что становится навязчивой основой принятия решений.

И когда в годы перестройки игротехникам стали платить, например, мы с Поповым получали много, несколько тысяч рублей за игру, для меня это было сопоставимо с месячным заработком без игры, потому что некоторые книжные проекты не прекращались. У меня не было задачи зарабатывать деньги играми. Кстати, после работы с книжной клиентурой я стал по-другому к людям относиться, пытался просчитать их мотивацию, мне люди стали гораздо интересней, тогда как до 1982 года я их просто не замечал, такой долдон был.

– *Что означало, что ты вернулся в другую ситуацию, в другую историю?*

– Прежде всего, для меня важно было то, что я вернулся... И отнюдь не только потому, что началась перестройка, сказать так было бы слишком вычурно. Весной 1984 г. ГП устроил Попова и меня работать в лабораторию

Института нефти и газа, а осенью мы с Сережей провели свою первую игру. В тот момент я уже достаточно четко понимал, что методология – один из наиболее мощных способов целостной реализации личности, включающий в себя все уровни – интеллектуальный, социально-политический, экономически-статусный, организационный. Понимание того, что я возвращаюсь, само по себе было для меня чрезвычайно важно: я собирался сменить позицию ученика и стать, скажу так, полноценным «грандом», а потому искал союзников, сознавая, что Наумов и Громько ими уже не будут. И нашел Попова. Мы помогли друг другу: мне не хватало оргдеятельностной силы, ему – содержательной. Я нес на себе тексты, историю развития содержания, он – стройотрядовскую позицию, переведенную в новый регистр в контексте игропрактики. При этом я ощущал в себе мощный энергетический заряд, я вламывался в новую ситуацию и в наших с Поповым играх вполне мог занять место ведущего, уступив ему позицию методолога-консультанта, даже работать самостоятельно. Но, слава Богу, сохранил внешнюю позицию, хотя, конечно, не будучи погружен в организационный контекст проектирования и подготовки Игр, многое потерял.

В 1988 г. я разворачиваю свою микропрактику, она начинается с проведения серии ситуационных анализов на промышленных предприятиях Москвы. Затем в 1989 г., продолжая работать на «площадках» Союза кинематографистов, проводя семинары по научно-популярному и, шире, неигровому кино, формирую программу ШКП. И несомненно, что содержание, которое я переношу в ШКП, нарабатывалось совместно с Поповым.

– На мой взгляд, ваши с Поповым семинары – в сравнении с «классикой» ГП – другие. Потому что ему участники семинара были нужны как «армия прорыва» в пространство мышления и МД, что завершилось выходом

к СМД подходу, а вы несли уже наработанный прежде материал, нечто готовое.

– Но вместе со мной – говорю сейчас только о себе – также двигалось и развивалось определенное содержательное ядро. После того, как в 1976-82 гг. я сформулировал свою концепцию, все, что я делал затем, было попыткой найти пространство реализации данного содержания и проекта. Практически тогда же была написана и книга о Л.С. Выготском, которую я, незначительно поправив и дополнив, представил на защиту диссертации в 1991 году.

Всё это – последовательная линия движения, во многом отраженная в текстах. К слову, если ГП мог сказать, что все, что он делал, не публиковалось, то у меня публикуется все. Другое дело, что никто не читает этого как программы, хотя я честно публикую все, что программирую, а потом делаю то, что объявил. Быть может, моя пунктуальная, пошаговая последовательность – это моя беда. Так что все было не случайно: детские игры, выход на проблемы образования, Артек, БАМ, экспертиза на Байкале. Не будь Попова, Школы игротехники, не было бы и ШКП – она сформировалась и на заимствовании, и на оппозиции к нему.

Как я уже сказал, схема МД строилась во многом для втягивания антропологического содержания, но материал дали игры – гигантский сгусток группового, психолого- и социально-антропологического материала. В этом смысле игра принципиально отличается от схемы акта коммуникации невыраженной энергией антропологических представлений, имплицитно присутствующих в идее МД, но не схематизированных, не нашедших еще своего символического, графического выражения.

Если же предположить, что ГП все предвидел и программировал... У нас с Поповым есть байка на эту тему. В 1986 г. мы прилетели в Красноярск, где за полгода

до этого лечился ГП. Сережа знакомится с одной дамой, в какой-то момент она ему говорит: а вот я была у ГП в больнице, и он мне сказал, что приедет Попов, и ты ему скажи... Потом мы с Сережей это обсуждали: что ГП знал, что мы приедем, что Попов познакомится с этой дамой, что она ему скажет и т.д. Это – байка, но если придерживаться принципа программирования, то наша генерация – антропологична. Причем, обрати внимание, третья генерация была псевдо-психологической, псевдо-антропологической: дискуссии с участием Раппапорта, Генисаретского, Розина обозначили проблему, но не было пространства для ее решения, которым стала Игра. Поэтому реальностью для третьей генерации стали коммунальные проблемы, и она, в них погрузившись, исчезла, а мы – Наумов, Громыко, Попов, я, все по-разному – такой антропологической генерацией оказались. И хотя все шли разными путями, сошлись все в одном месте и в одно время, и фактически на нас лежит задача реального синтеза СМД подхода с гуманитарно-антропологическим комплексом наук. Даже не задача – миссия. Будет ли она выполнена? Не знаю, но схема МД дает для этого предварительное основание.

Итак, с чем я возвращался в ММК? Можно сказать, с программой. Можно сказать – с программой ГП. Хотя творчество Выготского я открыл для себя сам и достаточно случайно. Лев Семенович был основателем кафедры педагогики и психологии в пединституте, где я учился. Там я и обнаружил какие-то старые тексты, стал читать, а уж потом выяснилось, что это – работы Выготского!

А дальше – поиск рамок, освоение игры, совместно с Поповым – экспериментирование с игровой формой, формирование своего коллектива, перенос найденной формы в новую область – в ШКП. Обрати внимание, моя нынешняя практика – это ШКП, обращенная вовне, в ши-

рокое социокультурное пространство, хотя содержательно этот период исчерпан – все, что хотел, я уже реализовал. Создал группу учеников, которая несет на себе идею культурной политики, а я занимаюсь доработкой элементов и блоков.

При этом, заимствуя у Попова ряд организационных форм, я реализовал то, что он сделать не смог – создал экспертную сеть, втянув в ШКП практически лучшие в то время интеллектуальные кадры из философского, культурологического, экономического и прочих сообществ. Это была специфическая среда, в том числе для развития «школьников». С нами работали Валерий Подорога, Леон Оников, Алексей Кара-Мурза, Виктор Данилов-Данильян, Вячеслав Глазычев, Александр Высоковский и многие другие. До сих пор свои проекты они связывают с деловой сетью ШКП.

– Ты все же не слышишь моего вопроса. Дело не в форме работы, не в лекциях и семинарах, не в том, что среди ваших учеников я не вижу новых лефевров, дубровских, генисаретских, а в том, что ГП вместе с участниками семинаров прорывался к новому содержанию, вы же транслируете накопленное.

– Что касается содержания, то задачи у нас были другие, ставились иначе. Мы обсуждали культурную политику, образование...

– Но появилась ли за годы работы в ШКП хоть одна принципиально новая схема уровня трансляции и воспроизводства культуры, шага развития, которую можно было бы признать базовой?! Или – как на первом этапе, когда в итоге работы с операциями и процедурами мышления возникла содержательно-генетическая логика. Вот что я подразумеваю, говоря о прорывах, имея в виду не социокультурное время или почву, а настрой, порус, ориентацию.

– Я принял твой вопрос, буду над ним думать... Мы были другими по методологической миссии и практике. Что же касается моих учеников, скажу так: все выпускники ШКП состоялись...

– *А что для тебя маркер состоявшегося?*

– Это еще один вопрос, над которым я буду думать, а пока предлагаю вариант ответа: все они удерживают целостность МД структуры.

– *Наполнение схемы МД антрополого-психологическим содержанием – это и есть следующий шаг длиной в n-лет?*

– Да, но обрати внимание, методологическим этот шаг будет лишь в том случае, если параллельно и соразмерно будут разворачиваться практики, которые я еще должен организовать.

– *Ты сказал, что парадигматика СМД методологии не выделена...*

– ...потому что по отношению к пунктирной рамке ОДИ появилась возможность отрефлексировать парадигматику методологии прежних этапов. И такая рефлексия выявляет вполне определенную парадигматику этой методологии. Пунктирная рамка культурной политики требует переосмысления парадигматики СМД подхода. Появление *пунктирной рамки гуманитарных технологий* требует нового шага рефлексии и парадигматизации.

– *Как с понятийно-фокусным ходом: что вычерпываешь, то и получаешь?*

– Конечно. С позиции ОДИ парадигматика во многом была отрефлексирована. Хотя можно встать и на другую точку зрения, увидеть те пласты ОДИ, которые не рефлексировались, подвигать эту границу, поработать с парадигматикой. Но как только возникает новый горизонт – культурная политика, задача парадигматики меняется, все надо начинать сначала и заново, и внутри методологи-

ческого тела искать парадигматику, соразмерную этой новой практике.

В ШКП я никого ничему не учил, но рефлексировал методологию сквозь призму пунктирной рамки культурной политики, имея за плечами опыт работы в ММК и определенное видение наследия. Я все время просматривал его сквозь призму нового горизонта, производя и парадигматизацию, и (по сопричастности) обучение в этом контексте. А теперь я фиксирую, что горизонт вновь можно расширить – в этом смысле сфера гуманитарных технологий сейчас принципиально пунктирна и проблемна прежде всего потому, что проблемно объединение в одном термине гуманитарности и технологичности. Это с самого первого шага вызывает отторжение, непонимание и критику. Но именно пунктирная граница и задает новый горизонт развития практики, вовлечения в нее совершенно иных организованностей, совершенно иного материала, и одновременно становится принципиальным заданием на перепарадигматизацию методологического ядра. Мне надо будет все просмотреть заново, снова прочитать ГП, на сей раз и его тексты, а не только дискуссии. Более того, придется отвечать на вопрос о гуманитарно-технологическом смысле методологической революции в науке и философии в целом – и СМД методологии как частного случая реализации методологического подхода.

Эту задачу невозможно решить без пересмотра истории ММК, без рассмотрения всех вышедших из Кружка проектов как его, Кружка, элементов, без нового анализа Игры. Напомню, что говорил ранее: понять, кто ты есть, можно только сопоставив ГП со своими учениками, т.е. через шаг развития. Когда моя программа, мои проекты стали соразмерны идее культурной политики, когда я уже понимал, что это – не вариации на тему ОДИ, не учебные игры, не игры, вплетенные в консультационную практику,

а культурно-политическая практика,— в этот момент, в 1995-96 гг., я начинаю осознавать границы этого подхода, этой культурной майевтики с включенными в нее «родимыми пятнами» манипулятивности. Тогда же начинает формироваться идея гуманитарных технологий, которую я сейчас осмысляю и вбрасываю в публичное пространство, придавая этому термину специфический смысл и статус. В конце концов, и о культурной политике говорили до меня.

— *И здесь возрастает значение ресурсной переинтерпретации схемы МД? Три твоих, как принципиальный вызов всем, проблемных узла, начиная с утверждения, что методология – это не инструментализм, а онтопрактика.*

— Да, я настаиваю, – инструментальная трактовка методологии не просто узка, но и ложна. Уже само словосочетание «методология науки»... Идет фокусировка на средствах, они берутся областным способом. Точно также на средствах фокусируется инженерия. То же самое сегодня происходит в педагогике. Мы живем в инструментальную эпоху: средства гипостазируются, мы учим, образно говоря, не есть, а пользоваться ножом. Постоянно, упорно, неуклонно укрепляя инструментальный аспект, мы совершенно теряем из виду контекст, в котором нечто можно превратить в средство.

— *И при этом ты отрицаешь сам факт наличия единой методологической школы как таковой? Но что-то же было, начиная с вашей совместной жизни.*

— Я фиксирую одну простую вещь: все существует только в определенных рамках, и ничего – вне пространства, в котором оно должно или может существовать. Что значит: было ли нечто? Тексты, жизнь, воспоминания и прочее – это инобытие, предмет исследования. Все определяется продолжениями. Если сегодня это работает – значит, было, а не работает – значит, и не было.

Если мы сегодня с моими «сокамерниками» не просто расходимся в разные стороны – расходимся по глубинным ценностным основаниям, значит и не было у нас ничего, кроме общих дисциплинарных рамок, учебных задач, тренинга, не было общего концепта, как можно и как нельзя употреблять мышление. Впрочем, мышление – это тоже технология, и ГП был прав, так назвав свою статью в «Известиях». Дай технологизм в руки сволочи, получим – сволочизм. И что, назвать этот сволочизм методологией?!

Вот я и спрашиваю: куда делись рамки онтопрактики? У меня есть два ответа: они есть, но еще не проявились – вспомним о людях длинной воли. И второй: их не было, и потому они – если их не создать (воссоздать) – не появятся. Так воспроизводятся ли усилия по их воссозданию? Или все это уже прекратилось? Как пишет Мартин Хайдеггер, «когда умирает философия, возникает наука, когда умирает наука, возникает обучение».

Так что, методология умерла? Осталась одна теория деятельности, а когда и она отомрет, останется метапредмет?

– И вы навсегда останетесь разобщенными, никогда не воссоединитесь?

– Почему же? Пена исчезает, а люди все – хорошего класса, и школу прошли, чего уж там, хорошую. Да и усомневать всех – значит усомневать самого себя. А потому я говорю: шанс на воссоединение всегда остается, хотя бы – у каждого – в плане честности перед самим собой. Но воссоединения не в смысле социальной консолидации – в смысле встречи с самим собой, и с ГП в нас, с человеком в себе, наконец – в смысле оплаты по счетам. В общем и целом, мы всегда знаем, что реально делаем, даже когда скрываем это от других...

Претензия моего мышления всё та же

Предлагаемый далее читателю разговор с П.Г. Щедровицким как бы замыкает некий цикл бесед, начатый в 91-м году, продолженный в 94-м и 97-м годах, и завершённый в 99-м. В каждом из них Петр Георгиевич, выступая с позиции методолога и деятеля, в том числе в рамках культурной политики, обсуждал методологию в версии Г.П. Щедровицкого и ММК, методологическое движение, неизменно предъявляя свое – в соответствии с целями, который ставил в разные периоды жизни – самоопределение.

За прошедшие с 1991 года 15 лет в нашей жизни изменилось если не всё, то очень многое, при этом прежние цели, которые ставил ГП, его ученики и сподвижники, либо были исчерпаны, либо оказались неадекватными новому времени и его вызовам.

А потому меня интересует нынешнее самоопределение моего собеседника и как он оценивает нынешнюю ситуацию в методологии и методологическом движении.

М Хромченко

– На твой вопрос, как я его услышал: изменилось ли мое самоопределение? – отвечаю: нет! Каким оно у меня было 15 лет назад, таким и остается.

– Но чем-то же оно отличается от прежнего?

– Нет, потому что пространство мышления безгранично!

– *А социального действия?*

– А чем масштаб моего социального действия в период 1987-89 годов, когда мы вместе с Сергеем Поповым проводили выборы, потом экспертизу, уже сегодняшнего?

– *На мой взгляд, тогда это были ваши первые шаги в социальном пространстве...*

– А чем оно тогда было уже в сравнении с нынешним?

– *Ты ведь всё время говоришь о рамках и масштабировании. На мой взгляд, масштаб, или, иначе, возможности действия в те времена были значительно скромнее.*

– Масштаб действия приводится в соответствие с масштабом мышления. И никакой особой разницы между масштабом моего размышления 89-го года, когда в Слюдянке на Байкале я делал доклад о мировой системе разделения труда, и тем, о чем я размышляю сегодня, нет.

Другое дело, что тогда мои представления о мировой системе разделения труда были достаточно наивными. Сейчас они, наверное, чуть реалистичней, но столь же книжные. Потому что в масштабе мировой системы разделения труда я фактически еще никогда не действовал. Подчеркиваю – не действовал. Хотя, возможно, в ближайшие годы буду действовать.

Поэтому повторю: методологическое мышление в принципе, как, наверно, и философское, а в каком-то смысле и научное, претендует на то, чтобы охватить, открыть, даже взломать природу бытия. И поэтому оно глобально по своей претензии. И никакой в этом смысле разницы между моим мышлением 15 лет назад и сегодня нет – претензия та же.

Что же касается масштаба действия – социального, или если использовать метафору Толкотта Парсонса, антропологического (обрати внимание: понятие социального действия в этой социологической парадигме очень психо-

логично), то он определен человеческой претензией. Дело не в том, какое ты оказываешь действие, а в том, на что ты претендуешь, как самоопределяешься. На самом деле Парсонс, как и многие другие, скажем, Чарлз Кули или Джек Морено, вывернули социологию через антропологию – через самоопределение, через человеческое «Я». И это кардинально отличается от существовавшей ранее натуралистической социологии, например, Конта, Спенсера или Тарда. Новая социология исследует социальные структуры через призму человеческого самоопределения.

В этом плане претензия на социальное действие в игре – или экспертизе, или выборах – была тотальна. Более того, сама игра и игроподобные формы были своеобразным способом масштабирования. Если бы мы двигались в рамках административных систем, наше действие было бы очень маленьким, мы все время упирались бы в барьерчики между ведомствами, партийными или хозяйственными органами. Но когда ситуацию на Байкале обсуждают 300 человек, а в их числе заместители министров союзного правительства, и, вырванные из своих кабинетов, сидят в одном зале неделю!.. Я сомневаюсь, что сегодня мне – даже с моими связями и влиянием, удастся собрать такой синклит – тут же выяснится, что межведомственных барьеров не меньше. И собрать в одном зале сотрудников высокого ранга министерств экономического и регионального развития и заставить их работать неделю невозможно.

Игра была своеобразным мотором масштабирования, она ломала традиционную структуру и резко расширяла возможность социального действия. В этом плане можно сказать, что и по масштабу действия изменения не столь большие. Но что поменялось? В игре работа концентрировалась на первых этапах проектирования – концептуализации, анализе ситуации, проблематизации. Поэтому

экспертизу-то мы провели, но что делать с Байкальским ЦБК, до сих пор непонятно – он как тогда работал, так работать и продолжает. Если бы я занимался им сегодня, то, безусловно, довел бы дело до практического решения. Реально же произошло движение по технологической линейке проектного процесса. На это оказали очень важное влияние выборы и политические кампании.

– *Уже вне игровые?*

– Да, потому что у политической кампании есть четкий финал: ты не можешь не довести ее до конца – есть день, в который люди придут и проголосуют. У любого предприятия – условное время. Экономические итоги года: ты либо добился успеха в этом году, так что это отразилось в показателях, либо нет. (Как у мастеров восточных единоборств: тренируясь, они время от времени поднимают руку, что свидетельствует об их времени – так они отмечают этапы своей тренировки.) Была бы трехлетняя отчетность, были бы другие этапы. Это искусственное время, как бы искусственный календарь, созданный специально для переоценки на каждом шагу эффективности управленческой деятельности. А коль скоро наступление конкретной даты и момента голосования неотвратимо, то, следовательно, это есть измерение результата. И ты можешь говорить, что всё было великолепно, но если ты проиграл кампанию, то это становится очевидным.

Да, игровой этап был очень важным. Но с 1995 года и практически до сегодняшнего дня (хотя теперь с помощью команд, которые работают в разных ситуациях) я организую работу, которая очень четко поставила передо мной проблематику заточенности на достижение результата.

Выборы – это школа метафизики достижений, когда ты должен добиться результата в конкретные сроки, в определенный день, не позже, но и не раньше. Весь процесс

ты должен «подогнать» к некоторой точке. И я считаю, что люди, не имеющие такого опыта, сегодня и в бизнесе, и в госуправлении работать будут плохо.

– Но ведь такой опыт имеет ограниченное количество людей...

– Да, именно ограниченное. Всегда в стране есть небольшое количество людей, которые что-то могут делать. Но если в 80-е годы действие фокусировалось на начале процесса, то к 90-м годам акцент смещается на его финал. В этом смысле я впервые получаю возможность соотнести процесс концептуализации и замысливания с достижением результата. Появилась возможность посмотреть, как ошибка в концепции приводит к поражению в результате. И иногда наоборот, как достижение результата вообще не зависит от концепций.

Вклад проектного процесса в достижение результата равен нулю. И это видно на конкретных сюжетах: где твой проектный процесс повлиял на конечный результат, а где нет. Кстати, у Эрнста Маха был принцип – принцип экономии мышления. Можно сказать, что также есть принцип экономии проектирования.

Вот, скажем, в сентябре 2004 года я был на границе с Китаем, где создается совместная экономическая зона. Строим мы, строят китайцы. Мы за все время возвели «будку для сторожа», они за то же время построили торговый комплекс на 300 тысяч кв. метров. При этом российская сторона заказала проект «будки», чего китайцы в упор не понимают, потому что, оказывается, они-то строят весь торговый комплекс без проекта – как типовое здание.

То есть, нечто давно спроектировано, и если строительство осуществляется как типовой процесс, то проектировщик должен получать процент от тиражирования, но не перепроектировать, потому что затраты на проектирование могут помешать строительству – процесс будет на-

гружен избыточной тяжестью новых решений. И это очень важно: проектировать надо далеко не всегда. Мышление – вещь дорогая и сложная, и в каждом отдельном случае надо еще решать, нужно ли оно.

Можно сказать, что 80-е годы – это упор на концептуализацию, замысливание, проблематизацию, постановку целей. 90-е годы – упор на достижение результата в строго определенных сроки и со строго определенным набором ресурсов, с постоянной оценкой их достаточности-недостаточности для достижения цели. А новое десятилетие – скорее эпоха технологий: как между двумя точками выстроить оптимальный переход с учетом того, что процессов несколько и они взаимно определяют друг друга.

Выборы – это монопроцесс. В свое время Георгий Петрович говорил, что вся специфика научного мышления, которое не плохое и не хорошее, в том, что это – аналитика монопроцесса. Ты сначала как бы вычленишь один процесс, а потом про него нечто утверждаешь, выстраиваешь его логику, его закономерность. Но самое главное – вычленить этот один процесс из комплекса. Если ты это сделал неправильно, то ошибся. А если правильно, у тебя есть возможность построить модель или научный предмет.

Перенести закономерности монопроцессов на полипроцесс уже нельзя, это ошибка. Также и в сложной социальной жизни: из нее вычленяется один конкретный монопроцесс и всё остальное на него как бы нанизывается.

Сейчас я фактически работаю с полипроцессом в деятельностном подходе: обсуждаю проблемы синхронизации, когда параллельно разворачиваются несколько процессов.

– Но разработаны ли способы работы с полипроцессами?

– Это слишком заумный вопрос. Не надо торопиться. Дело в том, что помимо теорем есть еще и практический опыт. Человек, который сеет пшеницу, сначала должен понять, готова ли земля к севу. Он берет ее в руку, растирает, нюхает и т.д., соотнося это со своим опытом, и уже потом решает – сеять или нет, сегодня или когда.

В этом смысле очень важно, что человек собирает на себе реальный опыт. Сегодня мне приходится взаимодействовать с людьми, которые строят атомные станции. И есть гигантская разница между теми, кто строил такие станции, то есть имел опыт реального строительства, и людьми, которые много чего делали, но никогда не проходили этот процесс целиком. Они могут быть отличными строителями, хорошими инженерами, прекрасными эксплуатационщиками, но, никогда не пропустив через себя реальный процесс, не будут знакомы с массой нюансов, которых ни в какой теории нет. Это и описать трудно.

– Я понял тебя, но хочу вернуться в ином повороте к своему первому вопросу. Если сопоставить масштабы вашей деятельности в 80-е годы с тем, чем вы занимаетесь сегодня, то, если я не ошибаюсь, тогда вы, методологи ММК, действовали, отвечая только перед собой. Вам никто ничего не поручал – всё было вашей инициативой, и в этом вы были уникальны. А сегодня вы, если говорить о многих участниках методологического движения, встраиваетесь в «систему», стали или становитесь государственными людьми.

– Давай о нюансах, в них всё дело. Во-первых, в том, что делал, говорил и чему учил Георгий Петрович, был искус: в тот момент, когда ты понял, что мышление безгранично, когда ты эмпирически убеждаешься в возможностях мышления и перестаешь ощущать свои границы, ты начинаешь сходиться с ума.

Это относится не только к методологам, но также к ученым и философам. У человека возникает синдром макроцефала – огромная голова, маленькое туловище и коротенькие ножки, – эффект искусственного расширения пространства мышления. И возникает огромная опасность, не миновавшая никого из методологов, что человека разнесет, разорвет на части. Потому что пространство его мышления расширилось, а пространство его же действия осталось прежним.

Известный ведь феномен: возвращаясь с игр, люди вылетали с работы, у них распадались семьи, и всё из-за этого резкого несоответствия. Между прочим, старые школы мышления – религиозные, орденские структуры, эзотерические школы – это очень хорошо знали и поэтому выстраивали сложнейшую иерархию посвящения.

– *Фактически, профилактики?*

– Конечно. Потому что человек, не прошедший определенного психологического и социального тренинга, попадая в открытый мир, заболевал. В этом смысле есть огромная популяция методологов, у которых эта несоразмерность вопиющая, и со стороны они выглядят просто смешно.

Поскольку это проблема не только методологии, но любой развитой формы мышления, то создаются разные институты социальной терапии для тех, кто выходит в мир. Повторю, это есть и в конфессиональной сфере, и в научной, и в других. Один из таких институтов – система образования. Если башка у человека расширилась, а ножки не ходят, то его ставят на кафедру, где ходить не надо, и он свое пространство мышления начинает транслировать, предполагая, что у его слушателя, в силу специфики такого образовательного института, тоже есть страховка – он воспринимает человека с кафедры как транслятора

культуры. Не его слушает, а как бы через него слушает культуру, что-то понимает, что-то себе берет.

Известна формула Хайдеггера: сначала философия, потом наука, потом образование. И это правильно, хотя с точки зрения претензий мышления это играет на понижение. А потому многие методологи, в кавычках, ушли в сферу образования и подготовки – в единственное место, где они могут не сойти с ума и выстроить какой-то относительный баланс между претензией своего мышления и возможностью действия. Эту свою ситуацию они дальше оформляют идеологически: может быть, дети что-нибудь сделают – мы им передадим навыки мышления, а уж они сами решат, что со всем этим делать... полная лабуда!..

Это есть реальная проблема по отношению к философии и другим высоким формам мышления. Когда-то она была описана в известной китайской байке о драконах. Сидит на улице человек с табличкой «Учу ловить драконов». Мимо идет любопытствующий мальчик, заинтересовался, много лет учился. Потом еще лет 20 искал дракона. Не нашел. Сел на улице, повесил себе на шею табличку и стал ждать своего мальчика, чтобы начать учить его ловить драконов...

В этом плане действительно есть группы, которые на основе такой мыслительной претензии сумели выстроить некую деятельность и перевести ее в образовательную программу, а некоторые не сумели и... ушли ловить драконов. Я не говорю, плохо это или хорошо, я лишь фиксирую, что здесь есть некая проблематика.

Что я имел в виду, приводя этот пример? Мышление тоже обладает своей институциональной формой. Был монастырь – и был университет. Условно говоря, сначала был Орден, затем научная школа – невидимый колледж, затем Академия наук. Сегодня существует think-tank – фабрика мысли. То есть в разные эпохи формируются раз-

ные институты мышления. И у них есть свой заказчик, в кавычках, и потребитель.

Когда мы говорим «государство», это не совсем правильно. Это формула, указывающая нам на масштаб заказчика на мышление.

– *Я готов вместо «государство» сказать «система управления»?*

– Нет, это кажущаяся очевидной нелепость. Попытка назвать тип деятельности, который якобы органически нуждается в мышлении и называется «управлением» – это стремление выдавать желаемое за действительное.

Правильнее было бы говорить здесь о более сложном комплексе деятельностей, который должен включать в себя еще и политику. Потому что, опять же, есть нюансы. Управление не ставит целей, это не его прерогатива. Управленец – это тот, кто должен подобрать систему максимально эффективных действий и так скоординировать ресурсы, чтобы достичь определенных целей.

В тот момент, когда он выходит на проблему целеполагания, когда ему нужно поставить цель, он автоматически переходит в другую позицию. Внутри системы управления это сделать невозможно, приходится выходить, в нашем языке, в рефлексивную позицию, которая носит название позиции политического управления, или политики.

Но вернемся немного назад. Институциональная система, или схема заказчиков на мышление, безусловно, меняется во времени. Конечно, есть определенные требования к субъектности этой позиции, этого заказа. Под «государством» мы подразумеваем метафору масштаба, долгосрочности. Это некоторая интуиция того, кому и для чего нужно мышление.

С тем же успехом можно сказать «транснациональная компания». Сегодня именно такие компании действу-

ют в масштабах мирового рынка и являются заказчиками на определенные виды и типы мышления. Или, например, мы говорим – профессиональное сообщество: оно мыслит себя, или самоопределяется, в длительном историческом горизонте, ставит задачу воспроизводства, становится заказчиком на определенные виды и типы мышления и т.д.

Конечно, средневековые институты мышления – монастырь, университет – были одновременно и ядрами формирования национальных государств. Понятно, почему. Национального государства еще нет, но уже начался процесс самоопределения наций, а нации – это сложные культурно, языково, военно-политические союзы или сообщества, которые в процессе своего становления также выдвигают требования к определенному типу мышления, и оно себя институционализирует определенным образом – в виде университета или монастыря. И только потом в виде системы государственного управления, административной системы как особой технологии и т.д.

– Так кто же был заказчиком в 1980-е годы: методологическое сообщество, вы сами?

– Каким бы претенциозным это ни показалось бы, мой ответ – нация, народ. Слово «народ» в русском языке аналогично этимологии слову «нация», т.е. нарождающееся и народившееся.

– То есть, ты хочешь сказать, что сообщество, созданное за десятилетия деятельности ММК, породило определенные инструменты понимания и самооощущения себя как чего-то?..

– Нет. Не хотелось бы быть неверно истолкованным. Заказчиком на наше, или, во всяком случае, мое действие в 80-е годы был тот самый Русский Мир, который я описал в 2000-м году. Слово «заказчик» играет с нами злую шутку. Будто сидит в какой-то темной комнате не-

кий умник, который и есть заказчик. Но это, во многом, коллективное бессознательное или надсознательное.

Я никогда не забуду едва ли не первый «судебный процесс» на Байкальской экспертизе в виде слушаний «Дело ЦБК». Вдумайся! На дворе – 88-й год, в город понаехали незнамо кто, зал заседания переполнен, «процесс» фиксируют журналисты с кинокамерами, в слушаниях участвуют «обвинитель», «защитники», «присяжные»... И в какой-то момент в качестве свидетеля вызывается второй секретарь Иркутского обкома партии. Он послушно поднимается на трибуну, ему начинают задавать вопросы, и он... на них отвечает! Я сидел в последнем ряду и даже издали видел, как его голова начала покрываться бисером пота.

Теперь я тебя спрашиваю: это кто делал? Мы с Поповым? Нет, это «заслуга» коллективного бессознательно-го, это коллективное ожидание некоего процесса, который затем не очень правильно назвали демократизацией. Была очень мощная энергетика этого процесса: народ высвобождался из-под пут советской системы, и люди чувствовали свое право задавать эти вопросы и получать на них ответы.

Откуда же у них этот мандат? Его же никто не давал! Но есть некая социальная онтология, и она либо делает тебя правым, либо нет. Либо у тебя есть ощущение этого мандата, либо нет. Например, в ходе украинской «оранжевой революции» Янукович мог запросто разогнать всех этих «ребят» на киевском Майдане, он имел на это все основания. Он же выиграл первые выборы, с небольшим перевесом, но выиграл. Да, были подтасовки, но с обеих сторон, это все прекрасно понимают. Но Янукович, имея в своих руках практически полную власть, не сумел ею воспользоваться. И это не психология, не потому, что он трус, в других ситуациях он принимал решения, в том числе касающиеся жизни других людей.

– А в тот момент у него не было энергетики?

– Не было мандата! Права на такое решение! И он это очень хорошо понимал и чувствовал. Это более сильная вещь, чем индивидуальные психофизические особенности.

Мы помним и события 91-го или 93-го года в Москве. Сегодня можно говорить, что ГКЧП был марионеточным, но ведь это ощущение идет не из действий тех, кто выходил тогда на трибуну перед камерами ТВ, а из отношения тысяч людей к этому действию. Из того коллективного бессознательного или, точнее, надсознательного, которое сильнее логики отдельных людей, потому что в нем воплощается сила истории.

Возвращаюсь к нашим «играм» конца 80-х – мы шли в русле основного процесса. Единственное, что сделал тогда Попов, надо отдать должное его крестьянской интуиции: он игру из маргиналии, в которой она оказалась в 87-м году – или еще не оказалась, но могла оказаться – переместил в mainstream, назвав экспертизой. Хотя там экспертизы было столько же, как и всего остального. Как ручеек течет в реку, так и она понеслась. Движение и энергетика уже другие.

Попов сделал очень важную вещь. Его дискуссии, да и мои, хотя это я тогда не очень понимал, с Георгием Петровичем были про это. Основной тезис Попова состоял в том, что мышление дышит в этом мощном социальном процессе. А Георгий Петрович скорее продолжал оставаться в логике Касталии и университета Иосифа Флавия: всё еще хотел создать маленький университетик, 300 лет что-то там делать, и только потом в стране нечто произойдет.

Итак, повторяю, есть субъектность исторического процесса, есть нарождающиеся разные субъекты, в том числе и такой специфический, как нация или народ. Есть заказ этого субъекта на мыслительное обеспечение, а

дальше – реальная ситуация. Ведь разные исторические эпохи дали нам разные институты мышления.

– *И мы должны быть к ним предуготовлены...*

– ...рамочно. Я продолжаю исходить из того, и это, на мой взгляд, один из ключевых тезисов Георгия Петровича: есть рамочные структуры, а есть предметные. Предметно к такому действию мы подготовлены не были, у нас не было ни своей социологии, ни своей экономики. На самом деле у нас не было и теории, или технологии, управления, но рамочно подготовлены мы были. А дальше приходится работать с тем материалом, который есть под рукой. Если у тебя есть рамочная конструкция, то при всём многообразии и даже дефиците материала ты можешь построить устойчивую конструкцию.

– *Если исходить из твоего определения заказчика, то им для тебя и сегодня остается Русский Мир?*

– Здесь надо сказать еще об одном нюансе. Я все время говорил как бы через запятую – философия, методология, наука. Теперь имеет смысл выделить специфику методологии. Следующий шаг – в этом, а уж только потом Русский Мир и всё остальное.

Очень важный вопрос – на какой исторический вызов отвечала т.н. методологическая революция в философии, науке, инженерии, о которой так много говорил Георгий Петрович? По моей версии это был вызов сервильзации мышления, т.е. превращения мышления в сервис – сложный, очень разветвленный, но – сервис.

Философия и даже наука, хотя она всё время приговаривала про прикладной характер инженерии, оставалась, в сущности, самообслуживанием. Некий философ в своем индивидуальном или групповом развитии, школа философская или кружок добивается некоторого результата и оформляет его в совокупность текстов, в некоторую картину мира, в предельном выражении – в некоторую идею

логию. Даже если Френсис Бэкон был лорд-канцлером, то это значит, что он персонально осуществлял еще и политическую управленческую функцию.

С начала XVIII века развивающиеся системы деятельности предъявляют к мышлению такие требования, которым уже не соответствуют ни философия, ни даже отпочковавшаяся от нее наука с развивающейся инженерией. Мышление становится массовым процессом. Возникает заказ на прикладные формы мышления.

– *В виде...*

– ...в виде чего угодно – всего того, что работает в сфере инженерной деятельности, архитектуры, врачебной деятельности, то есть деятельности с обязательной мыслительной компонентой. И у этих деятельностей возникает дефицит мышления, который философия удовлетворить не может. Они обращаются к философии, она посылает их куда подальше, мол, философии надо учиться!.. А деятельности – не могут, они ручками что-то делают, им работать надо, а не философией заниматься. И возникает некий разрыв, внутрь которого входит методология как идея создания для этих видов деятельности соответствующего интеллектуального сервиса.

Но это уже совершенно другие требования к самому мышлению. Это уже не философское и не исследовательское мышление, а совсем другое. Его надо заново переписать и превратить в некий транслируемый продукт. Но чтобы обеспечить трансляцию, его нужно отрефлексировать и технологизировать. В этом смысле методология, с моей точки зрения, есть некая результирующая этого процесса сервизации мышления.

– *Методология в версии ММК?*

– А это неважно, ведь и Кружок находится в этом большом движении. ММК есть определенный прецедент, определенная практика и определенная идея того, как

можно мышление передавать в компактной конструктивной форме. Здесь важно, что это конструктивная форма, что тот или иной вид деятельности может из имеющегося конструктора собрать нужную ему «геометрию» под решаемые задачи.

В этом смысле есть общая тенденция сервализации. Современная экономика на 60 или даже 70 процентов – это экономика услуг, и методологическая революция обслуживает этот процесс перехода к обществу услуг. Если XIX век был веком индустриального производства, то XX уже был веком услуг. И одна из них – это помощь в формировании интеллектуальной компоненты того или иного вида деятельности. По существу, это поддержка процесса массовизации мышления.

– Если это так, если это общий процесс, и в этом смысле методология, которую с 1954 года развивал Кружок с постоянно меняющимся составом, то в чем тогда специфика именно этой СМД методологии, и каковы ее перспективы? Развивать...

– Правильно заданный вопрос – это 50 процентов ответа.

– А ты считаешь мой...

– ...неправильным. Что тебе даст знание специфики? То, что мышление, которое должно быть передано, инсталлировано, инкорпорировано в профессиональную деятельность, а тот или иной вид деятельности должно быть системным – это общее место. Никакой специфики здесь нет. И в том, что оно должно быть деятельностным, тоже нет специфики – смотри праксиологию и вообще историю деятельностного подхода: он характеризует практически большинство развитых философских школ XX века. Конечно, важно искать различия, но гораздо важнее искать общее.

– Но насколько я знаю по литературе, хотя могу и ошибаться, в 50-е годы термин «методология» использовали как некую защиту от «единственно верного учения», а ГП в конце жизни начал говорить и об СМД философии...

– Я думаю, что ты ошибаешься.

– Никто до ГП не называл себя методологом!

– Да ладно тебе. В XVIII веке появилась первая школа методологов. Была школа французских методологов, которая так себя и называла.

– И они обсуждали те же проблемы?

– Да, они обсуждали те же самые проблемы. Потому что французская буржуазная революция поставила проблемы массовизации и демократизации мышления. Декарт был, в этом смысле, идеологом своего времени, и как бы это ни казалось странно, готовил эту революцию идеологически, концептуально. Они впервые сформулировали, что мышление может быть индивидуально, что оно может быть не сословным, что ему можно научиться.

И при всей наивности и проблематичности целого ряда этих положений, это была мощнейшая идеологема: вот уже 300 лет претензия на присвоение некой высшей формы мысли движет человечеством! Она движет системой образования, индивидуальным самоопределением и т.д. через разные формы. Где через философию, где через литературу, через управленческую деятельность и политику, через архитектуру. При этом разные виды и типы мышления борются друг с другом за право считаться более системодеятельностными – более системными и более деятельностными. И когда ты спрашиваешь меня, в чем специфика, я говорю – в чувстве *mainstream*'а. Хотя соглашусь с тем, что в советской ситуации 50-х годов Георгий Петрович был, наверное, единственным, кто всерьез об этом говорил, последовательно проводил эту линию,

доказывая, что именно методология, именно методологический интеллектуальный сервис, именно такие формы и технологии мышления... хотя бы вспомни название его статьи 1961 года – «Технология мышления» – будут определять будущее.

Сейчас об этом не говорит только ленивый, а министерство экономического развития – главный методологический центр страны...

– Но ведь это ты был принципиально против сведения методологии, в данном случае СМД, к инструментализму, и ты говорил, что все советские годы методология ММК несла на себе определенное мировоззрение. Или, точнее, создала основы для мировоззрения.

– Да, но я при этом еще все время провожу мысль, что у этого процесса есть своя жесткая внутренняя логика: ты сначала хочешь получить средство, и в тот момент, когда ты начинаешь его брать, выясняется, что его нельзя взять вне контекста его применения. Условно говоря, средство от орудия кардинально отличается тем, что орудие вычленено из этого онтологического контекста, а средство – нет: оно берется только вместе со всем окружением, со всей оберткой. И эта обертка носит онтологический характер. Ты не можешь применить некое средство к предметам и ситуациям, а также в рамках, не соответствующих статусу этого средства.

– И потому ты говоришь об онтичности методологии?

– ...об онтопрактике. И, кстати, это не только мы формулируем, любая школа мышления говорит, что ты переходишь с уровня на уровень техники, только меняя картину мира. В тот момент, когда ты понимаешь, что любое средство онтологично, выясняется, что любая онтология еще и этична. И ты не можешь взять картину мира, не перестроив собственного самоопределения. Нельзя жить в

неком мире, не меняясь, не меняя себя. Каким я могу и буду жить в этом мире, вот что важно.

– Но ты в нашей беседе 99-го года сказал, что если возьмет это средство какая-нибудь сволочь, то возникает опасность распространения «сволочизма». Так что, эти орудия может брать любой?

– Нет, не любой. Претензии на это, конечно, есть. Это особенно видно сейчас на некотором разрыве поколений. Приходит человек и говорит: «я хочу купить у вас инструментарий». А кто ты такой?

– А сам он не может их взять?

– Не может! Более того, не может взять, не меняясь. Вот проблема в чем.

– То есть, если захочет взять, то вынужден будет измениться?

– Конечно! И возьмет, только изменившись. Мандат получит на использование только в том случае, если изменится. А не изменится – не сможет и пользоваться. Редуцирует, сведет к совершенно другому, получит совершенно другие результаты. То есть средства, онтология и этическая рамка связаны предельно жестко. И только тогда это онтопрактика.

– За 40 лет наработан определенный корпус методологических средств, и многие утверждают, да и ты об этом говорил, что их на сегодня более чем достаточно. Означает ли это, что у вас нет необходимости развивать методологический инструментарий?

– Задай вопрос еще раз. Я не понимаю, чего ты хочешь.

– В нашей последней беседе я спросил тебя, что нового сделало новое поколение, которое вошло в методологическое движение и понесло на себе его знамя, но не наработало новых схем, новых понятий, равных схеме двойного знания, шага развития, мыследеятельности –

так? Ты ответил, что будешь думать над этим вопросом. Это было в 99-м году, прошло шесть лет. И мой вопрос вот в чем: не пришло ли время вернуться к формату семинаров, продвигающих «семинаристов» в мысли? Не хочешь отвечать на него, я перейду к ситуации в движении, его ресурсам и т.п.

– Опять скажу, что вся тайна в нюансах. Если мы фиксируем, что у нас есть некоторое пространство мышления, и оно было выработано в определенной социальной, культурной, деятельностной ситуации, условно назовем эту ситуацию Советским Союзом...

Как бы Георгий Петрович ни относился к конкретным институтам советской власти, как бы ни конфликтовал с партией на определенных этапах, какое бы мнение ни имел о моральности тех структур и институтов, он все равно самоопределялся в социальной перспективе. Когда писал «Педагогику и логику», то писал ее руководителям народного образования. Это было открытое письмо коллектива ученых министру просвещения Российской Федерации или Советского Союза. То, что министр этого текста не прочитал, то, что система образования не была вовремя реформирована, роли не играет.

Более того, upgrade этих идей сегодня Андрей Волков инсталлирует в системе высшего профессионального образования России. И, откровенно говоря, такое ощущение, что этих тридцати лет, а если считать с 68-го года, то и больше, словно и не было – многие положения написаны будто бы сегодня. Да и сорок лет для истории не время.

А дальше возникает следующая ситуация. Была виртуальная пунктирная рамка деятельности, которой, наверное, та институциональная структура не соответствовала. То есть имела место быть советская претензия, социалистическая революция как претензия определенной перестройки деятельности, но эти политические, органи-

зационные структуры ей не соответствовали. И рухнули не потому, что не соответствовали какому-то рынку, а потому, что они сами себе не соответствовали.

А ГП про это думал...

– ...про соответствие?

– Да. И в этом смысле выстраивал некие технологии, соразмерные той претензии, а не тем институтам, не тем людям. Он писал открытое письмо умному министру, умной системе управления, обладающей одновременно ресурсами и возможностями социализма.

– А кто там был на самом деле...

– ...уже другой вопрос. Потом та система рухнула. Мышление оказалось избыточным. Возникли другие субъекты, другие требования к нему и началась переконфигурация. Мы, можно сказать, доращиваем систему деятельности до возможностей методологического мышления. В тот момент, когда мы ее дорастим, и она сделает некий шаг вперед, возникнет новый запрос к мышлению. И лишь тогда станет правомерным твой вопрос о следствиях. А сегодня мы скорее в ситуации, так сказать, взвешивания, поиска соразмерности. И многие интеллектуальные инструменты, разработанные ММК, все еще хорошо работают.

В каком-то смысле это похоже на то, что происходит в других областях. Условно – для роста производства распаковываются и вводятся в строй старые станки. Да, старые, но они работают. А потом возникнет необходимость технологического перевооружения, но она и должна возникнуть.

Сегодня мы не дошли до жесткого требования к методологическому мышлению. Да, отдельные люди, безусловно, уже находятся на фронтире, в зоне требовательности. Когда я о себе говорю, что я главный методолог, я же почему так говорю? Потому что во многом нахожусь на фронтире. Те ситуации, в которые либо я себя ставлю, ли-

бо меня ставит жизнь, предъявляют требования к методологическому инструментарию. И я все время что-то делаю, как-то его трансформирую. У меня нет возможности отразить это и выразить именно в действительности смены средств и технологий. Но я вынужден их менять, потому что меня все время бомбардирует внешний вызов.

А часть людей просто не дошла до этого. У них нет ситуации, у них максимальный вызов – на семинаре по подготовке к Чтениям. И это не экзистенциальная ситуация. Потому что хочу – прихожу, не хочу – не прихожу...

– Но хотя бы трансляция методологического мышления сегодня происходит?

– Да, в какой-то форме происходит. В том числе, на поколениях ШКП-1 и ШКП-2.

– И ныне Школа продолжает функционировать как образовательное учреждение?

– Конечно, но только совсем в другом институциональном режиме. К слову, будет и ШКП-3. Но можно ответить и по-другому. У Генисаретского была очень хорошая метафора. Как-то, отвечая на вопрос, как проверить, есть образованность или нет, он ответил: если детей могут родить и что-то им передать – значит, есть образованность.

Способность к воспроизводству, не биологическому, а культурному, и есть критерий образованности. С этой точки зрения я могу сказать, что мои мучения по поводу методологического инструментария видны в моих учениках. Есть поколение ШКП-1 – это я образца 1990 года, и то, что они умеют делать, технологии, которыми они владеют, и есть те технологические инновации, которые я сделал в методологии, овнешненные на них.

Сейчас новое поколение и у них другая технологическая платформа. Они другие и по практике. Они несут

на себе некий инструментарий, и если ты соберешь их всех вместе и вычленишь у них нечто общее, то это и будет та инновация в методологии, которую я произвел в следующий период своей жизни. И следующее поколение будет опять другим.

Если кого-то интересует, в чем инновации – анализируйте и описывайте практики выпускников ШКП, их особенности и общее между ними. Это и будет ответом на вопрос, что было сделано мной в этой области методологии.

В этом плане можно говорить о производительности некой методологической формации, некоем методологическом арсенале. В первом поколении – 20 выпускников, еще 100 – в ауре. Они работают в разных местах, осуществляют определенную деятельность, добиваются определенных результатов, у них есть какая-то клубная жизнь, они с кем-то взаимодействуют. В этом смысле продукт того этапа – некое поколение людей. Их не очень много, но их и не может быть много.

Так что к вопросу о воспроизводстве методологического мышления, да еще с учетом проводимых, художественно, компаративных исследований я отношусь спокойно. Если у меня продолжается процесс трансляции, то в каком-то смысле рефлексия мне не обязательна. Она и так происходит, точно так же, как, например, форма рефлексии кинорежиссера – это его фильм. Потому что он некоторое внутреннее состояние своего сознания овнешнил, материализовал, положил перед собой. После этого он может сказать: вот это – я в прошлом.

И любой другой может сказать. И это не то, что он может сказать о себе, а то, что он есть. Как человек, воспитанный в определенной культуре рафинированной рефлексии, я очень настороженно отношусь к тому, что люди о себе говорят. Потому что в большинстве случаев они

врут. Они придумывают нечто для других, а потом верят в то, что сами придумали.

Я отдаю себе отчет в том, что и у меня всегда есть такая опасность. Но с тем, что я материализовал в данный период времени, уже ничего не сделаешь. Это не то, что я придумал – то, что сделал, вот оно – смотрите. И если хотите понимать, что такое Петр Щедровицкий 90-х годов, посмотрите на ШКП-1. Вы можете ее выпускников ругать или хвалить, но это – я. И многообразие этих «Я» одновременно очень четко выявляет некое общее среди них.

И когда я обращаю свой вопрос другим, я говорю: ребята, а вы где? Скажем, в ком я могу видеть Попова? В ком – Громыко? Где списки выпускников ММАСС или Московского методологического колледжа?

Я прошу: покажите. И это относится к любым другим продуктам. Я могу четко сказать, что выиграл или проиграл столько-то выборных компаний. Их проводил я, и если вы хотите отразить меня – рефлектируйте это. Не надо доверять моим словам, но у меня есть продукт.

Я запустил и осуществил определенное количество проектов. Их статус, безусловно, меняется. В конце концов, кто-то может сказать мне, что любой проект и любая кампания – это коллективный продукт. Конечно, коллективный, мы живем в эпоху коллективной мыследеятельности, но выбор коллектива – такая же материализация меня, как сам продукт.

Понятно, что продукт коллективный, но он был собран либо собрался (как любит цитировать средневековых алхимиков Генисаретский) как подобное от подобного. То, что я порожаю, есть определенное зеркало, определенная материализация некоторых моих внутренних структур. Поэтому я многие свои работы стал публиковать только

сейчас: не потому, что ничего не писал, а потому что считаю это вторичной формой рефлексии.

Если у человека в пространстве его анализа есть продукты – тексты или живой человек, то он может посмотреть на все это и сказать, что здесь он описывает именно то, что делал. Но это же и есть принцип коллективной мыследеятельности. Мыслительная часть видна нам менее всего, коммуникативная – больше, деятельностная – ещё больше. А между ними должна быть некая соразмерность.

В каком-то смысле это – принцип игры, а в нем несколько этапов. И у Георгия Петровича так было. Я не случайно свой доклад на подготовке к Чтениям начал с того, что главная наша проблема – в том, что представители нескольких поколений ММК начинают спорить друг с другом, не понимая, что учитель менялся, а одновременно менялись базовая онтология и инструментарий. То есть, в определенном смысле, менялась технологическая платформа. А они о чем-то дискутируют, не самоопределившись в этом пространстве.

Собственно, весь мой доклад был лишь указанием на мое место в этом историческом процессе, о котором многие забывают. Или недооценивают эту проблему. Поэтому то, о чем ты спрашиваешь: инновации в методологический инструментарий будут видны с того момента, когда эти поколения начнут производить потомство – своих учеников и свои тексты. Вот где будет эта рефлексия.

– Теперь я хочу перейти к тому, что мы называем методологическим движением и к чему иные наши коллеги относятся весьма неоднозначно. В одном из интервью ты говорил, что рассчитываешь на его ресурс – сегодня ты продолжаешь с ним работать? И если да, то как?

– Реально работаю только двумя способами: через механизм Чтений и Фонда развития имени Г.П. Щедро-

вицкого (роль Фонда еще слаба, но будет усиливаться). Это ежегодные мероприятия с периодом подготовки к ним, а также издательская программа. Откровенно говоря, мое основное ощущение 80-х годов заключалось в том, что вместо Георгия Петровича фигурировала некоторая карикатурная картинка, которую каждый перерисовывал, как хотел. В последний период жизни он, не имея возможности отстаивать свое «Я», позволил многим присвоить какой-то частичный продукт и образ и проинтерпретировать его без возможности оппонирования. Отсюда его знаменитая фраза на 10-летию ОДИ: «Облить бы вас всех бензином и сжечь»!.. – на мой взгляд, очень точная. И у меня нет никакого другого способа реагировать на это, кроме как опубликовать труды Георгия Петровича.

– Но до меня доходят претензии к тебе в том, что ты или Фонд публикуете их, не считаясь с тем, что всё это есть результат коллективного творчества. Мол, даже в публикациях дискуссий практически звучит только Георгий Петрович.

– По этому поводу у меня четкая позиция: пусть эти иные публикуют себя сами. Если у них нет тех, кто их публикует, то пусть делают это сами. Но восстановить некий масштаб базовых текстов, их аутентичность должен Фонд, который должен заниматься архивом и издательской деятельностью, иметь библиотеку, читальный зал и т.п. В перспективе я собираюсь построить что-нибудь типа Центра, разместив в нем архив, библиотеку и т.д.

– Не хочешь ли ты для этого объединиться с кем-либо из коллег?

– Я готов, но дальше разговоров пока дело не идет... я слышу их десять лет, но ничего не происходит, а я терпеть не могу сослагательного наклонения. Сегодня создана реальная структура, есть понятный механизм, и десятки людей уже вносят свои деньги на конкретные

проекты. А если предложенные проекты им не нравятся, они могут предлагать свои и их финансировать. Нет проблем!

Я обозначил первое направление работы с движением. Второе же заключается в том, что я, разворачивая свою деятельность, потихонечку оприходуя часть материальной базы этого движения, включая людей. Моя ситуация такова, что я в принципе готов постепенно развернуть систему, которая все это поглотит.

– *То есть вместо сотрудничества – поглощение?*

– Я не против сотрудничества, но реально... у меня есть проекты, направления, рабочие места, совместные программы. Я говорю всем: давайте, вперед! Но пока я жив, это движение имени Щедровицкого. Тем, кто хотел бы быть на равных, не повезло. Другое дело, что в тематических сборниках и словаре персоналий должен быть представлен максимально широкий круг авторов. Я объявил, что три года на Чтениях будут обсуждаться достижения ММК: прошлый год был посвящен рефлексии, 2006-й год – мыследеятельности, 2007-й – технологии мышления. А 2008-10-е годы я хочу посвятить практикам, и по каждым из них издать отдельный сборник. Например, региональные вопросы могут обсуждать все, кто работал с муниципальным управлением, регионами и т.д. Нужно издать максимально широкий компендиум и проделанных работ, и отрефлектированных текстов, в том числе людей, которые в этом участвовали. По образованию – то же самое. В 2009 году я хочу достаточно широко отметить 80-летие Георгия Петровича. Тем более что потихоньку у нас библиотека нарастает.

В этом смысле я предельно открыт, хотя продолжаю настаивать на том, что говорил несколько лет тому назад: попытка играть со многими центрами управления объективно приводит к снижению доходов. А это совер-

шенно неразумное рыночное поведение. Гораздо легче отчислять 10 процентов на развитие общего фонда и бренда, как я и делаю.

Мои вклады в издательскую деятельность, в Чтения, в Фонд и т.д. находятся в границах 10-ти процентов от моих доходов. А так как мои доходы растут, то растет и масштаб взносов. При этом я считаю, что осуществляю стандартный для истории человечества, этически безальтернативный способ поведения, отчисляя 10 процентов от своей фактической деятельности на развитие и на инфраструктуру. Чего желаю и всем остальным.

– Последний вопрос: если ты согласишься с тем, что в каком-то смысле все в этом сборнике беседы с тобой напоминают беседы ГП с Николаем Щукиным, то можешь ли о себе сказать, что и ты – идеалист?

– Мне не очень нравится это сопоставление. Я читал у кого-то из французских социологов любопытное категориальное рассуждение о том, что «правое» и «левое» – не рядоположенные понятия. Потому что у правой правое объемлет левое, у левой – наоборот. Они как бы вложенные, это рефлексивная конструкция.

Если в этом смысле идеализм противопоставлять материализму, то они не рядоположенные конструкции, и Георгий Петрович об этом неоднократно говорил. Поэтому непонятно, что противостоит идеализму. Но, безусловно, я не такой, как Георгий Петрович.

Во-первых, потому что родился после него. Мне досталось наследство, которое, если исторически на это смотреть, оказывается, как известно, либо трамплином, либо тяготой.

Во-вторых, я живу в совершенно другое время.

В-третьих, мы с ним – совершенно разные психотипы.

По отношению к Георгию Петровичу я пытаюсь выстраивать некую структуру реализации его идеологии,

его мировоззрения, его мироощущения. А реализация по понятию, с одной стороны, производна от всего этого, а с другой – рефлексивная структура. Поэтому с одной стороны я воплощаю, а с другой, одновременно – вынужден менять. Это задает специфику моего подхода.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Щедровицкий Петр Георгиевич

Я вырос в архиве ММК

Сборник интервью

Подписано к печати 07.02.2006

Формат 60x90 1/16. Гарнитурa: Times, OfficinaSans

Бумага офсетная, Печать офсетная, Усл.п.л. 11

Тираж 1500 экз.

Заказ № 127

Некоммерческий научный фонд

«Институт развития им. Г.П.Щедровицкого»

119285. г.Москва, ул. Мосфильмовская, 42

тел. (495) 775-07-33, e-mail: fondgp@fondgp.ru